

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Голынец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- Л. М. Макушин**,
канд. ист. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 1 (88)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 2006 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов

Члены редколлегии

Ю. Л. Аркан (Санкт-Петербург)

Д. Беннер (Берлин, Германия)

Н. А. Комлева

В. Г. Кузнецов (Москва)

Л. С. Лихачева

С. А. Лукьянов

А. В. Меренков

Е. Г. Трубина

Д. М. Федяев (Омск)

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина)

Е. С. Черепанова

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Ламберов Л. Д.</i> Референция, de re и объяснение действий 5	
<i>Лобовиков В. О.</i> Логико-философское обоснование гипотезы о формально-этической противоречивости формальной арифметики, исследованной К. Гедделем 14	
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ	
<i>Леоненко Л. Л.</i> Аналогии-пропорции в логике и в computer science 29	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Турыгина Н. В.</i> Проблема универсализма в феминистских теориях 40	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Кузнецова О. П., Юмаев Е. А.</i> Реформа государственного управления во Франции 48	
<i>Ким В. С., Комлева Н. А.</i> Основные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества на современном этапе 54	
<i>Фаткулин Б. Г.</i> Перспективы развития южно-кавказского направления деятельности ШОС и российско-иранские отношения 59	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Россия и страны Балтии: проблемы отношений 64	
ГЕОПОЛИТИКА	
<i>Комлева Н. А.</i> Идеологическая мощь: сущность, структура, акторы 71	
<i>Чесноков А. С.</i> Современная «языковая» геополитика 84	
<i>Васильев С. В.</i> Парадигма геочивилизационного подхода в современной геополитике 91	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Проблемы российско-европейских отношений: политическое измерение 97	
ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Евтюхов С. А., Лукьянов С. А.</i> К вопросу о состязательности российских регулируемых рынков в условиях глобализации 104	
<i>Голованова С. В.</i> Развитие международной торговли в России в 1995–2008 гг. 112	
<i>Породнов А. В.</i> Анализ государственной системы финансовой поддержки экспорта в России 123	
<i>Ярошевич Н. Ю.</i> Поиск эффективной модели организации и управления современным аэропортовым бизнесом 131	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Кузнецов Н. В.</i> Миф как объект исследования в культурной антропологии 138	
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	
<i>Гришаева Е. И.</i> Понятия «природа» и «ипостась» в работах Владимира Лосского и творениях отцов каппадокийцев 149	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Емельянов Б. В.</i> Памфил Юркевич: постулаты педагогической антропологии 159	
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
<i>Чилова Е. П.</i> Национальный рынок международных туристских услуг и его значение 168	
Авторы номера 175	

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 165.0 + 162 + 159.955

Л. Д. Ламберов

РЕФЕРЕНЦИЯ, DE RE И ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена исследованию связи между проблемой референции (проблемой взаимозаменяемости имен) и проблемой объяснения действий. Рассматриваемые проблемы тесно связаны с проблемой интенциональности вообще. Под объяснением действий понимается указание на наличие *de re* убеждения у когнитивного агента и выполнение определенной «дедуктивной» процедуры. Целью статьи является демонстрация того, что проблема референции тесно связана с проблемой объяснения действий. В статье вводится дополнительное, «прагматическое» ограничение на взаимозаменяемость, которое призвано решить проблему референции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: референция, действие, модальность, *de dicto/de re*, взаимозаменяемость.

De dicto и de re

Интенциональные утверждения отличаются от экстенциональных тем, что в случае первых взаимозаменяемость термов, обозначающих одни и те же объекты, не всегда происходит *salva veritate*. Например, учитывая, что термы «Кабул» и «столица Афганистана» обозначают один и тот же объект, взаимозаменяемость этих термов в экстенциональном утверждении «Кабул является городом-миллионером» не меняет истинностного значения, а в интенциональном утверждении «Смит убежден, что Кабул является городом-миллионером» истинностное значение может измениться в том случае, если Смит полагает, что в Афганистане вообще нет городов-миллионеров. Обычно говорят, что интенциональные утверждения содержат референциально непрозрачные конструкции — модальные и временные модификаторы или термины, указывающие на пропозициональные установки.

Необходимо отметить, что интенциональные утверждения (для примера возьмем приписывания убеждений) могут быть сформулированы в виде *de dicto* и в виде *de re* утверждений. Наиболее четко, на мой взгляд, различие между *de dicto* и *de re* представил У. В. О. Куайн [7]. Рассмотрим утверждение «Ральф убежден, что кто-то является шпионом». Оно может быть понято двояким образом:

- (1) Ральф убежден, что существуют шпионы.
- (2) Ральф убежден относительно кого-то, что тот является шпионом.

В утверждении (1) Ральф не имеет в виду никого конкретно, он просто считает, что шпионы вообще существуют. В этом утверждении Ральф не связан каким-либо отношением с какой-либо конкретной вещью, но, как мог бы сказать Б. Рассел (в рамках своей ранней теории суждения), он связан определенным отношением с пропозицией, что существуют шпионы. Такое понимание интенционального утверждения называется *de dicto* (буквально — «о слове», «о сказанном») и более формально может быть представлено в виде следующего утверждения:

- (1*) Ральф убежден, что $\exists x$ (x является шпионом).

С другой стороны, в утверждении (2) убеждение Ральфа касается какого-то конкретного человека, Ральф находится в некотором отношении с конкретным объектом, предполагаемым шпионом. Подобная интерпретация называется *de re* (буквально — «о вещи») и может быть представлена так:

- (2*) $\exists x$ (Ральф убежден, что x является шпионом).

Подобное же можно представить и в отношении утверждений с другими референциально непрозрачными конструкциями. В частности, при *de dicto* интерпретации кванторы будут находиться под действием модальных операторов, а при *de re* модальные операторы будут находиться под действием кванторов. Как например, в «Необходимо, что существует такой x , что Ψ » и «Существует такой x , что необходимо Ψ »:

- (3) $\Box \exists x \Psi$.
- (4) $\exists x \Box \Psi$.

Исходя из этого, можно указать общую форму *de dicto* и *de re* утверждений. В частности, каково бы ни было содержание некоторого данного утверждения, отличие *de dicto* от *de re* интерпретации заключается в различном взаимном отношении кванторов и тех или иных модификаторов (модальных, временных, пропозициональных и т. д.). Таким образом, в общем случае форма двух интерпретаций интенциональных утверждений имеет следующий вид:

- (1**) $\#_1 \dots \#_n @x_1 \dots @x_k \Psi$.
- (2**) $@x_1 \dots @x_k \#_1 \dots \#_n \Psi$.

Соответственно (1**) является *de dicto* интерпретацией, а (2**) — *de re*. В данном случае символы «#₁...#_n» обозначают модификаторы в количестве n , «@ x_1 ...@ x_k » — кванторные выражения, связывающие k некоторых переменных, а « Ψ » — формулу, содержащую эти переменные. Из этого очевидно, что некоторое данное утверждение (при условии, что оно является достаточно сложным) может одновременно интерпретироваться в *de dicto* форме по одной или нескольким переменным и по *de re* форме по некоторой другой или другим переменным. Так, например, Ральф может считать, что за некоторым конкретным человеком кто-то вообще следит. То есть

Ex (Ральф убежден, что y (y следит за x)).

Как видно, данное утверждение по переменной x принимает *de re* форму, а по переменной y — *de dicto*.

2. Проблема с референцией

В недавней статье [1] при рассмотрении дефляционного объяснения семантических понятий была подвергнута сомнению такая особенность дефляционной теории референции, как возможность переформулировки *de dicto* приписывания содержания в *de re* приписывания. По мнению автора дефляционной теории референции П. Хорвича [6], у референции нет какой-либо подлежащей метафизической природы, понятие референции не нагружено субстанционально, а основной его функцией является перифраз утверждений из формы *de dicto* в форму *de re*. В общем и довольно огрубленном виде дефляционную теорию референции можно представить так:

x указывает на $y = x$ есть сингулярный терм « n », а y есть вещь n .

С точки зрения П. Хорвича, значение выражений, имеющих вид « x указывает на y », конституируется принятием всех утверждений вида «*Лондон* указывает на Лондон», «*Самая высокая гора* указывает на самую высокую гору» и т. д. В основании же теории П. Хорвича лежит допущение о том, что наше обычное понятие референции происходит от более фундаментального понятия референции*, которое характеризует *de dicto* пропозициональные конститuentы [Там же, 120]. В частности, понятие референции, по мнению П. Хорвича, полностью определяется двумя следующими схемами (схемой эквивалентности и определением понятия референции через понятие референции*):

$(x)(\langle n \rangle$ указывает* на $x = (n = x))$ ¹.

w указывает на $x = Ek$ (w выражает k & k указывает* на x).

Тем не менее понятие референции* не может быть эксплицитно определено, так как является базисным. Теория П. Хорвича является дефляционной потому, что (а) значение понятия «указывает» определяется нашей диспозицией

¹ В данной схеме « $\langle n \rangle$ » означает пропозициональный конститuent, выражаемый термом « n ».

принимать подстановки в схемы, определяющие референцию; (b) понятие референции служит выполнению функции перифраза *de dicto* приписываний содержания в *de re* приписывания; (c) у референции нет подлежащей природы, т. е. субстанциональный подход к понятию референции является ошибочным; (d) полное объяснение понятия референции не дает объяснения значения термов.

Итак, остановимся подробнее на пункте (b). Согласно П. Хорвичу утверждение вида (5) можно переформулировать в утверждение вида (6):

(5) *S* убежден, что *a* есть *f*, & ($a = b$).

(6) *S* убежден относительно *b*, что оно есть *f*.

В некоторых случаях путем такого перифраза из истинных утверждений можно получить такие (истинные) утверждения, с которыми бы не был согласен субъект пропозициональной установки, и это представляется неудовлетворительным. Можно показать, что принятие такого объяснения референции предполагает принятие и своеобразной онтологии. В частности, при принятии рассматриваемой теории из утверждения «Смит убежден, что Утренняя звезда кажется синей, & (Утренняя звезда = Вечерняя звезда)» выводится утверждение «Смит убежден относительно Вечерней звезды, что она кажется синей». Предположим, что Смит не считает, что Вечерняя звезда кажется синей². Это наблюдение, вероятно, имеет интересные онтологические следствия. А именно принятие такой теории референции, как кажется, подразумевает принятие того, что разговор ведется не о конкретных вещах, а о вещах в совокупности с их интенциональным содержанием. То есть имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают не один простой объект, планету Венеру, а комплексные объекты, Венеру-наблюдаемую-утром и Венеру-наблюдаемую-вечером. Исходя из этой точки зрения ложным оказывается не только подстановка в (6), но и само утверждение (5), так как ложен второй член конъюнкции (утверждение, что имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают один и тот же объект).

3. Объяснение действий и латитудинарная концепция *de re*

С точки зрения ряда исследователей [4, 5], для объяснения действий, направленных на конкретные объекты, достаточно приписывания *de re* установок, включающих референцию к этим объектам. По их мнению, указания на утверждение (2) вполне достаточно для того, чтобы объяснить, почему Ральф сдал ФБР некоего человека. Например, Л. Р. Бэйкер предлагает следующую схему объяснения действий [2, 372]:

(A) (x)[(во время t *S* убежден относительно x , что оно есть f , & во время t *S* намерен сделать ϕ с f , & во время t *S* способен сделать ϕ с f и т. д.) $\rightarrow$ *S* делает ϕ с f].

² Более того, он может даже не знать о том, что имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» указывают на один и тот же объект (на Венеру), он может не знать и того, что Утренняя звезда и Вечерняя звезда кажутся разными (одна кажется синей, а другая — красной).

- (B) $\exists x$ (во время t S убежден относительно x , что оно есть f).
- (C) Во время t S намерен сделать ϕ с f .
- (D) Во время t S способен сделать ϕ с f .
- (E) S делает ϕ с f .

Может ли такая (или какая-либо подобная) «дедуктивная» схема считаться объяснением действий? Р. Фелдман и Х. Гейделбергер сформулировали [4, 5] аргумент, демонстрирующий, что при латитудинарном понимании *de re* подобная схема не может считаться объяснительной, и, следовательно, латитудинарная интерпретация *de re* ложна.

Если ограничиваться коротким объяснением, следует указать, что классическое понимание *de re* состоит в том, что *de re* интерпретация признается в качестве непроемной. С другой стороны, с точки зрения латитудинарного понимания [3] *de re* производно от *de dicto*. То есть в рамках латитудинарной интерпретации принимается, что приписывание *de re* содержания относительно объекта x является обоснованным, если у когнитивного агента, к которому это приписывание относится, имеется *de dicto* содержание, говорящее об объекте x . Таким образом, сторонник латитудинарной интерпретации *de re* признает обоснованность перехода от *de dicto* приписываний содержания к *de re* приписываниям в соответствии с принципами, схватываемыми дефляционной теорией референции П. Хорвича.

Итак, по мнению Р. Фелдмана и Х. Гейделбергера, если схема перехода от (A) к (E) не может считаться объяснительной при принятии латитудинарной интерпретации *de re*, то эта интерпретация является неверной, что, как они полагают, является косвенным аргументом в пользу корректности классической интерпретации *de re*.

4. Проблема с *de re* и проблема с референцией

К глубокому разочарованию сторонников классической интерпретации *de re*, эта аргументация наносит удар не только по латитудинарному подходу. Рассмотрим, как эта аргументация может быть сформулирована относительно латитудинарной интерпретации и относительно классической³.

На столе перед Смитом находятся блюдо и ваза. Смита просят убрать со стола более, по его мнению, ценный предмет. Смит убирает вазу объясняя: «Это (указывает на вазу) является более ценным, а не это (указывает на блюдо)». Таким образом, мы формулируем два *de re* приписывания содержания:

- (7) Смит убежден относительно вазы, что она является более ценной.
- (8) Смит убежден относительно блюда, что оно является менее ценным.

Предположим, однако, что на самом деле блюдо является более ценным, чем ваза. Центральным принципом⁴ латитудинарной интерпретации *de re* является

³ И тот и другой варианты аргумента позаимствованы из статьи Л. Р. Бейкер [2].

⁴ Формулировка принципа также заимствована из статьи Л. Р. Бейкер [2].

(L) *S* убежден относительно *x*, что он обладает свойством *F*, тогда и только тогда, когда существует сингулярный терм α , предикат ψ и контекст *C* такие, что (i) α обозначает *x* в *C*; (ii) ψ выражает *F* в *C*; (iii) *S* убежден в том, что могло бы быть выражено при помощи « α есть ψ » в *C*.

Таким образом, Смит, согласно (L), убежден, что более ценный предмет является более ценным предметом. Но, как мы предположили, более ценным является блюдо. Поэтому

(9) Смит убежден относительно блюда, что оно является более ценным.

А так как у Смита есть, как мы должны принять при латитудинарной интерпретации *de re*, убеждение о том, что блюдо является более ценным и что ваза является более ценной, то указание на *de re* убеждение не может объяснить причину того, что Смит убрал со стола именно вазу. Этот аргумент демонстрирует, что указание на *de re* приписывания содержания при латитудинарном подходе не может иметь объяснительной силы, но, так как, по мнению авторов этого аргумента, *de re* приписывания обладают объяснительной силой, то ошибочен именно латитудинарный подход.

Л. Р. Бейкер удалось обобщить этот аргумент таким образом, что с его помощью стало возможно опровергнуть и классический подход к *de re*. В новой вариации этот аргумент не требует принятия принципа (L). Рассмотрим данный обобщенный аргумент.

На столе перед Джонсом находятся блюдо и ваза. Джонса просят убрать со стола более, по его мнению, ценный предмет. После внимательного визуального обследования предметов на столе Джонс (как и Смит) убирает вазу, объясняя: «Это (указывает на вазу) является более ценным, а не это (указывает на блюдо)». Таким образом, мы формулируем два *de re* приписывания содержания:

(7*) Джонс убежден относительно вазы, что она является более ценной.

(8*) Джонс убежден относительно блюда, что оно является менее ценным.

Но Джонс добавляет, что он будет больше уверен в своем решении, если ему позволят дотронуться до поверхности рассматриваемых предметов. Джонсу завязывают глаза и позволяют дотронуться до вазы и блюда так, чтобы он не понял что и в какой момент он трогает. Не развязывая глаз, у Джонса спрашивают о том, какой предмет является более ценным. Будучи уверен в том, что он абсолютно верно определил где ваза, а где блюдо, Джонс заявляет, что его мнение не поменялось, и убирает *блюдо*, объясняя на этот раз: «Это (указывает на блюдо) является более ценным, а не это (указывает на вазу)». Поэтому, согласно классической интерпретации *de re*, мы можем приписать Джонсу убеждение

(9*) Джонс убежден относительно блюда, что оно является более ценным.

Далее Джонсу развязывают глаза, и он с полной уверенностью убирает со стола вазу. Но это означает, что Джонс убежден относительно двух предметов на столе, что первый предмет более ценен, чем второй, а второй более ценен,

чем первый. Более того, этот мысленный эксперимент не может быть просто опровергнут, так как можно переформулировать его так, что Джонс будет приходить к убеждениям (7*) и (8*) одновременно [2, 369]. Итак, указание на *de re* приписывания содержания при их классической интерпретации также не может служить в качестве объяснения действий (в данном случае оно не может объяснить, почему Джонс убрал со стола именно вазу).

По мнению Л. Р. Бейкер, из этого следует сделать вывод о невозможности объяснения действий при помощи указания на *de re* приписывания убеждений [Там же, 387]. Эта проблема с объяснением действий, как мне кажется, является одним из конкретных случаев проблемы с референцией. По сути, несмотря на то, что термин, который мы желали бы заменить на кореферентный термин (т. е. термин с тем же объемом), находится в референциально прозрачной позиции (т. е. не находится *напрямую* в области действия пропозиционального модификатора), желаемая нами взаимозаменяемость не может быть осуществлена во всех случаях *salva veritate*. Или по крайней мере так, чтобы ее принял рассматриваемый нами когнитивный агент. Поэтому, вероятно, невозможно сформулировать и дедуктивную схему интенциональных объяснений. По какой же причине взаимозаменяемость кореферентных терминов в подобных контекстах не гарантирует *salva veritate*?

5. Два возможных ограничения

Так как взаимозаменяемость в данных контекстах не может гарантировать истинность, то было бы странно искать причину этого в наших теоретических объяснениях данной ситуации. Как представляется, следует не пересматривать наши теоретические предпосылки, чтобы спасти возможность объяснения действий путем указания на *de re* приписывания ментального содержания, а работать с приведенными мысленными экспериментами как с неким подобием эмпирического материала. Соответственно в качестве данного необходимо принять принципиальную невозможность формулирования подобной (А–Е) дедуктивной схемы объяснения действия.

Кажется, что эту невозможность можно объяснить по меньшей мере двумя способами. Первый является более консервативным и не имеет каких-либо серьезных следствий. Второй способ представляется довольно радикальным и предполагает определенную онтологическую позицию, которую трудно принять в качестве адекватной. Тем не менее какими бы эти решения ни были, они заслуживают внимания.

Первый способ объяснения состоит в том, что при подстановке кореферентного термина нарушается перекрестная референция термина, находящегося в области действия пропозиционального оператора. Рассмотрим снова утверждения (7*), (8*) и (9*). Замена термина «ваза» на термин «блюдо» нарушает перекрестную референцию местоимения в области действия пропозиционального оператора. В утверждении (7*) местоимение «она» указывает именно на вазу, а не на блюдо или вазу и блюдо одновременно. Необходимо отметить, что в данном случае может возникнуть соблазн отвергнуть данную аргументацию

указанием на то, что в ней происходит смешение понятий кореферентности и некорреферентности. Попробуем рассмотреть это с другой стороны. Какую форму имеют такие утверждения? Как это было указано вначале, форма таких утверждений – (2*). То есть

(10) E_x (Джонс убежден, что x является более ценным).

Безусловно, это приписывание верно, но какую форму должно иметь приписывание именно того, что убеждение Джонса касается вазы? Можно предположить два варианта:

(11) E_x ((Джонс убежден, что x является более ценным) & ($x =$ ваза)).

(11*) E_x (Джонс убежден, что x является более ценным & ($x =$ ваза)).

Убежден ли Джонс, что тот объект, о котором он имеет убеждение, является вазой? То есть находится ли выражение «($x =$ ваза)» под действием пропозиционального модификатора? Безусловно, Джонс убежден не просто в каком-то конкретном объекте, что тот является более ценным. Было бы глупо полагать, что рациональный агент может считать, что имеется два или больше «более ценных» объекта. Джонс убежден также, что более ценным объектом является именно ваза. Поэтому подстановка вместо x в утверждении (11*) не может быть осуществлена, так как в любом случае подстановка делалась бы вместо термина, находящегося в области действия пропозиционального модификатора, что, конечно, не может гарантировать *salva veritate*.

Для полноты картины рассмотрим и общий случай для утверждений (11) и (11*). В данном случае нам будет не важно фактическое содержание убеждений Джонса, рассмотрим второй конъюнкт. Вместо чего предполагается подставить термин «блюдо» в выражении «($x =$ ваза)»? Если предполагается, что термин «блюдо» должен быть подставлен на место термина « x », то вся конъюнкция ложна, так как ложен второй конъюнкт. Вторым конъюнктом ложен по той простой причине, что блюдо и ваза – два разных предмета; термины «блюдо» и «ваза» не являются кореферентными, и, следовательно, ложно выражение «блюдо = ваза». С другой стороны, если термин «блюдо» должен быть подставлен вместо термина «ваза», то такая подстановка вообще кажется чем-то совершенно невероятным. Только что разговор шел о том, что термины «блюдо» и «ваза» не являются кореферентными, а следовательно, их взаимозаменяемость абсолютно невозможна. Подобные же нюансы можно обнаружить и при замене второго конъюнкта на конъюнкт «($x =$ более ценный предмет)» или на конъюнкт «(более ценный предмет = блюдо)».

Второй же способ объяснения несколько похож на рассуждения о кореферентности терминов. Предположим, нас не волнует фактическое содержание убеждений Джонса. В частности, нас не волнует, убежден ли Джонс, что объект его убеждения является вазой или чем-то еще. Термины «ваза» и «объект-кажущийся-Джонсу-более-ценным» являются кореферентными. С другой стороны, кореферентными являются термины «блюдо» и «объект-кажущийся-Джонсу-менее-ценным». О каком *конкретно свойстве* идет речь в утверждениях (7*), (8*) и (9*)?

О свойстве «быть более ценным» или о свойстве «быть более ценным с точки зрения Джонса»? Джонсу неизвестна реальная ценность предметов, находящихся на столе. Поэтому когда речь идет о данном конкретном случае, разговор должен вестись о свойстве «быть более ценным с точки зрения Джонса».

Данный нюанс уже не позволяет совершать какие-либо «произвольные» подстановки. Тем не менее у такого объяснения имеется и обратная сторона. Как было указано в части о проблеме референции, невозможность перехода от *de dicto* приписывания содержания к *de re* приписыванию может корениться в том, что разговор фактически ведется не об объектах, а о сложных объектах в совокупности с некоторым интенциональным содержанием. Согласно этому объяснению, напомним, термин «Утренняя звезда» обозначает сложный объект Венеру-наблюдаемую-утром, а «Вечерняя звезда» — сложный объект Венеру-наблюдаемую-вечером. По этой причине и корректная взаимозаменяемость терминов «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» не может быть осуществлена во всех случаях.

Такая точка зрения предполагает, правда, весьма сложную и насыщенную онтологию, содержащую «странные» объекты (как, например, Венера-наблюдаемая-утром) и «странные» свойства (как, например, свойство «быть более ценным с точки зрения Джонса»). Данный подход представляет собой своего рода насыщение семантики метафизикой и предполагает поиск ответов на разнообразные вопросы типа «Определяют ли свойства объекта его сущность?», «Какие свойства являются неотделимыми от объекта?», «Насколько сущность объекта зависит от какого-то конкретного когнитивного агента?» и т. д.

В любом случае представляется, что при рассмотрении интенциональных контекстов (в частности, контекстов убеждений и других пропозициональных установок) взаимозаменяемость может осуществляться не только при условии кореферентности термов (данное условие можно назвать «семантическим» требованием), но также и при условии выполнения некоторого «прагматического» требования, заключающегося в том, что когнитивный агент, которому приписывается то или иное пропозициональное состояние, должен обладать знанием, соответствующим этому пропозициональному состоянию⁵.

---

1. Ламберов Л. Д. Онтология, *de dicto/de re* и минималистская семантика // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2009. № 4. С. 5–11.

2. Baker L. R. *De Re Belief in Action* // *The Philosophical Rev.* 1982. 91, 3. P. 363–387.

3. Chisholm R. *Knowledge and Belief: «De Dicto» and «De Re»* // *Philosophical Studies.* 1976. 29. P. 1–20.

4. Feldman R. *Actions and De Re Beliefs* // *Canadian J. of Philosophy.* 1978. 8. P. 577–582.

5. Heidelberger H. *The Self-Presenting* // *Grazer Philosophische Studien.* 1979. 7. P. 59–76.

6. Horwich P. *Meaning.* Oxford, 1998.

7. Quine W. V. O. *Quantifiers and Propositional Attitudes* // *The Journal of Philosophy.* 1956. 53, 5. P. 177–187.

Рукопись поступила в редакцию 20 сентября 2010 г.

---

⁵ В заключение хотелось бы выразить благодарность П. С. Куслию за ценные комментарии.

УДК: 161.121 + 17.0 + 511:1

В. О. Лобовиков

**ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ
О ФОРМАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ
ФОРМАЛЬНОЙ АРИФМЕТИКИ, ИССЛЕДОВАННОЙ К. ГЕДЕЛЕМ**

Статья посвящена формально-этическому аспекту философии математики: выносятся на обсуждение результаты исследования отношений между формально-логической (семантической) непротиворечивостью и формально-этической противоречивостью (последней в работе дается точное определение). Обосновывается гипотеза о формально-этической противоречивости формальной арифметики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: формально-логическая (семантическая), формально-этическая, противоречивость, полнота.

Математика содержит в себе черты волевой деятельности, умозраительного рассуждения и стремления к эстетическому совершенству. <...> Как бы ни были различны точки зрения, питаемые теми или иными традициями, только совместное действие этих полярных начал и борьба за их синтез обеспечивают жизненность, полезность и высокую ценность математической науки.

*Р. Курант, Г. Роббинс.
Что такое математика? [3, 20]*

...Платон на протяжении жизни поддерживал чувство важности математической мысли для поиска идеала. <...> Но своеобразное сочетание математики и добра остается, однако, неразвитой темой с тех пор, как она была введена Платоном. <...> Вы, разумеется, понимаете, что я не пишу о Платоне как таковом. Моя тема — это связь между современной математикой и понятием добра.

А. Н. Уайтхед. Математика и добро [11, 322–323]

...Интеллект животных требует конкретных примеров. Человеческий же интеллект способен представить тип вещей в абстракции от таких примеров. Самым очевидным проявлением этой человеческой черты оказываются математические понятия и идеалы добра, т. е. идеалы, которые находятся за пределами возможности их непосредственной реализации.

А. Н. Уайтхед. Математика и добро [Там же, 328]

***

...Математика, занимающаяся конечными структурами, имеет отношение к понятиям хорошего и плохого.

А. Н. Уайтхед. *Математика и добро* [11, 331]

§ 1. Этика математики: философское введение

В вынесенной в начало данной статьи цитате из работы Куранта и Роббинса наиболее загадочным основанием математики представляется ее *волевой* аспект. В свете работ Г. Вейля о симметрии как эстетическом и алгебраическом понятии [1] эстетический аспект математики в настоящее время кажется вполне ясным и очевидным. Однако волевой аспект математики есть нечто очень странное, необычное, непривычное. Он связан со «свободой воли», которая, в свою очередь, связана со свободой выбора между добром (хорошим) и злом (плохим). Добро (хорошее) и зло (плохое) суть понятия этики (и *естественного* права, согласно Ульпиану и Павлу — выдающимся древнеримским юристам [10, 23; 2, 87]). Но в таком случае следует признать нечто очень странное, непривычное, а именно наличие у математики неких морально-правовых, точнее *формально-этических*, оснований. Конечно же, никакого отношения к *позитивному* праву, непрерывно «выделяемому людьми» (работающими в сеймах, радах, думах, конгрессах), и к *преходящим* видам морали (этого конкретного вида живых существ) математика как таковая не имеет. Но некое необходимое отношение к вечным (неизменным) универсальным ценностям всех возможных (как разумных, так и неразумных) живых существ у нее есть. Иначе говоря, одним из необходимых оснований математического творчества является формальная этика. Формально-этический аспект математической деятельности (ее волевой аспект) очень важен, и далее мы переходим к его систематическому обсуждению.

§ 2. Формально-логический статус гипотезы о формально-этической противоречивости формальной арифметики в связи с метатеоремами К. Геделя о ее принципиальной неполноте в случае ее формально-логической непротиворечивости

Для человека, систематически интересующегося философскими основаниями математики и логики, значения всех терминов, использованных в названии данного параграфа, хорошо известны и потому не нуждаются в определении, за исключением одного (термина) — «формально-этическая противоречивость». В данной статье значение этого термина (качественно нового для философии математики и логики) определяется точно, и только после этого название данного параграфа приобретает некий конкретный смысл, допускающий возможность научного исследования, систематически использующего логически строгие методы современной аналитической философии.

Чтобы не отпугнуть читателя, уже в самом начале целесообразно подчеркнуть, что термины «формально-этическая противоречивость» и «формально-

логическая противоречивость» не синонимы (хотя некая очень важная *несимметричная* структурно-функциональная связь между ними существует). Систематический анализ связи и различия упомянутых терминов позволяют открыть новые (до сих пор ускользавшие из поля зрения исследователей) аспекты философских оснований математики и логики, на мой взгляд, очень интересные, достойные пристального внимания и тщательного изучения.

Однако для обеспечения эффективности обсуждения указанной выше специально-научной темы необходимо создать благоприятные условия для такого обсуждения, достаточно точно (недвусмысленно) указав на ту логико-философско-лингвистическую парадигму, в рамках которой будет проводиться исследование. Дело в том, что в настоящей работе предлагается в качестве гипотезы и систематически развивается в каком-то смысле новая идея математической философии семантики естественных языков. Идея эта необходимо возникает из адекватного осознания того, что, наверное, необоснованно полностью сводить формальную семантику естественных языков к их формально-логической семантике, имеющей дело исключительно с дескриптивно-индикативными значениями речевых актов (произнесения или написания слов и словосочетаний).

Наряду с формально-логической семантикой естественного языка существует также и формально-этическая (его семантика), имеющая дело с *ценностными значениями* речевых актов (произнесения или написания слов и словосочетаний) — *морально-правовыми ценностными функциями от некоторого числа морально-правовых ценностных переменных* [13, 17]. Более того, дальнейшее развитие предлагаемого направления исследований закономерно приводит к фундаментальному обобщению — переходу от *речевых* актов (speech acts) к актам *вообще*. Статус языка приобретает вся деятельность, любая ее разновидность. Речевая активность — скромный частный случай активности вообще. Любая деятельность (а не только речь) имеет свой «синтаксис» и свою «семантику». (Некоторые психологи полагают, что можно научить «читать человека как книгу», имея в виду под человеком его деятельность вообще, а не только его речевые акты.) Именно до такого чрезвычайно абстрактного уровня *формально-этической семантики деятельности*, т. е. любых морально-правовых актов (а не только письменно выраженных и оформленных по канонам позитивного права), доходит исследование в настоящей работе.

Однако отправным пунктом исследования служит все-таки формально-логическая семантика искусственных и естественных языков. Двигаясь вперед к построению формально-этической семантики деятельности, мы не можем не отталкиваться от скромного, но очень важного частного случая — формально-логической семантики речевой (языковой) деятельности. Согласно истории философии первоначально именно формальная логика создала прецедент математической философии (не как философии математики, а как математики философии). Первенство логики в указанном отношении бесспорно, ибо первоначально только логика осознавалась как *формальная* (логика). Согласно традиции все остальные философские дисциплины рассматривались как *содержательные* в принципе.

Однако в настоящее время ситуация значительно изменилась: современные информационные технологии, многообещающие открытия и изобретения в сфере разработки комплексной междисциплинарной научно-технической программы «Искусственный интеллект», в частности, в сфере конструирования и программирования «интеллектуальных» роботов, *моделирующих* своей «автономной деятельностью» *человеческое поведение вообще* (а не только мышление), необходимо порождают новую парадигму философствования. Для адекватного осмысления и философского обоснования упомянутых фундаментальных научно-технических инноваций требуется уже некая цифровая метафизика [9]: от уже повсеместно признанного авторитета цифровой фотографии необходимо шаг за шагом продвигаться к пока еще не признанному авторитету цифровой философии [8, 12].

В указанном отношении особенно важным в настоящее время является изобретение и всестороннее изучение некой дискретной математической модели метафизики и этики (философии морали и естественного права). Сегодня, вопреки пессимистическим убеждениям и ожиданиям, закономерно возникают и успешно развиваются математическая философия морали (алгебра формальной этики), математическая философия права (алгебра естественного права) и математическая философия вообще (алгебра формальной метафизики как алгебра формальной аксиологии). Все эти новые направления математической философии естественно возникают из современной символической логики, представляющей собой математическую философию мышления — важного, но все-таки частного случая деятельности вообще. Дело обстоит именно так потому, что, согласно целому ряду знаменитых логиков и философов, «логика есть не что иное, как мораль мышления» (другой вариант афоризма: «логика — этика мысли»)¹.

Мышление есть частный случай (вид) человеческой деятельности (рода) и активности вообще (более общего рода). Следовательно, алгебраическая система мыслей есть подсистема алгебраической системы действий. Значение «истинно» есть частный случай (вид) значения «хорошо». Значение «ложно» есть частный случай (вид) значения «плохо». На основе этой эвристически очень важной философской предпосылки в настоящей работе конструируется и развивается некая дискретная математическая модель ригористической («черно-белой») системы формальной этики. В результате *создается и осознается реальная возможность перехода от машинного моделирования (симуляции) формальной логики человеческого мышления к машинному моделированию (симуляции) формальной этики человеческого поведения* [13].

Возможность машинного моделирования (симуляции) морально-правового поведения человека обосновывается (демонстрируется) на вполне конкретном

---

¹ Трудно наверняка назвать того, кому принадлежит это высказывание. Некоторые называют в качестве пионера Яна Лукасевича (Jan Łukasiewicz); другие — Фрэнка Рэмсея (Frank Ramsay), кто-то — Чарльза Сандерса Пирса (Charles Sanders Peirce). Но для нас в данной работе эта историко-философская проблема первенства как таковая неинтересна (безразлична), и мы не будем ее развивать, вполне удовлетворившись тем фактом, что очень многие авторитетные логики и философы были глубоко убеждены в истинности обсуждаемого афоризма, ставшего неотъемлемой частью профессионального фольклора.

примере, простейшем варианте математической этики — двузначной алгебре добра (хорошо) и зла (плохо). Эта алгебра строится на множестве поступков. По определению *поступками называются такие и только такие действия, которые являются или хорошими, или плохими*. Подразумевается, что поступки либо хороши, либо плохи с точки зрения некоего оценщика Σ . Этот подразумеваемый субъект оценки (оценщик) Σ играет роль «системы отсчета» в предложенной и систематически развиваемой нами *научной теории объективной относительности* морально-правовых оценок поступков. Очевидно, что субъект оценки (оценщик) Σ есть *переменная* (изменяющийся субъект), но тем не менее в *релятивистской* теории морально-правовых оценок существуют *абсолютные законы* (морально-правовые формы, представляющие собой *морально-правовые ценностные функции-константы*), которые совершенно не зависят от изменений значения переменной Σ , т. е. *инвариантны относительно любых преобразований «системы отсчета»* [16].

Алгебраические операции, определенные на множестве поступков, представляют собой морально-правовые ценностные функции от некоторого числа морально-правовых ценностных переменных. Морально-правовые ценностные переменные этих функций принимают значения из двухэлементного множества $\{g$ (хорошо), b (плохо) $\}$. Это же самое множество является областью изменения значений морально-правовых ценностных функций. Символы g и b обозначают морально-правовые значения поступков «хорошо» и «плохо» соответственно. Выделенные курсивом символы x , y , z обозначают *морально-правовые формы (поступков)*, *отвлеченные от их конкретного содержания*. Простые морально-правовые формы (поступков), т. е. морально-правовые формы простых поступков, — независимые морально-правовые ценностные *переменные*. Сложные морально-правовые формы (поступков), т. е. морально-правовые формы сложных поступков, — морально-правовые ценностные *функции* от этих переменных. В двузначной алгебре формальной этики существует 16 математически различных бинарных операций, точно определяющихся табл. 1, 2.

Глоссарий для табл. 1. Kxy — морально-правовая операция «*объединение* (соединение) поступков x и y (в *поведение* как целое)». Sxy — морально-правовая операция «*разделение* (отделение, изоляция друг от друга) x и y ». Axy — «*неисключающий выбор* и совершение наилучшего поступка из тех, которые могут быть образованы из x и y ». Wxy — «*воздержание* от обоих: как от x , так и от y ». Uxy — «*исключающий выбор* и совершение наилучшего из двух поступков: x и y ». Txy — «отождествление (ценности) x и y ». Hxy — «наступление, нападение, атака (чего, кого) y на (что, кого) x ». Dxy — «оборона, защита (чего, кого) x от (чего, кого) y ». Ценностно-функциональный смысл этих бинарных операций точно определяется ценностной табл. 1.

Глоссарий для табл. 2. Sxy — морально-правовая операция «*совершение* (поступка) y в *ответ на совершение* (поступка) x ». Vxy — «контрнаступление, контратака (чего, кого) x на (что, кого) y ». Lxy — «*независимость (свобода) x от y* ». Qxy — «*независимость (свобода) y от x* ». Fxy — «*независимость разрушения (прекращения, исчезновения), небытия x от y* ». Ixy — «*независимость разрушения (прекращения, исчезновения), небытия y от x* ». Gxy — *тождественно*

Таблица 1

Бинарные операции

x	y	Kxy	Sxy	Axy	Wxy	Uxy	Txy	Hxy	Dxy
g	g	g	b	g	b	b	g	b	g
g	b	b	g	g	b	g	b	b	g
b	g	b	g	g	b	g	b	g	b
b	b	b	g	b	g	b	g	b	g

Таблица 2

Бинарные операции (окончание)

x	y	Sxy	Vxy	Lxy	Qxy	Fxy	Ixy	Gxy	Zxy
g	g	g	b	g	g	b	b	g	b
g	b	b	g	g	b	b	g	g	b
b	g	g	b	b	g	g	b	g	b
b	b	g	b	b	b	g	g	g	b

(*постоянно, неизменно*) *хорошая* (или аналитически хорошая) морально-правовая форма. (Этот специфический вид морально-правовых форм деятельности представляет собой *неизменные универсальные законы морали и права естественного*, которые являются *необходимо общими положительными ценностями* для всех времен и народов и, более того, *необходимо общими положительными ценностями* для всех возможных живых существ (согласно некоторым видным представителям римского права)). Zxy — *тождественно (постоянно, неизменно) плохая* (или аналитически плохая) морально-правовая форма. Синоним — *формально-аксиологическое противоречие* (или формально-аксиологически противоречивая морально-правовая форма). Этот специфический вид морально-правовых форм деятельности представляет собой *морально-правовые формы преступления универсальных законов морали и права естественного*. Преступления этого особого вида являются *необходимо общими отрицательными ценностями* для всех времен и народов и, более того, *необходимо общими отрицательными ценностями* для всех возможных живых существ (согласно некоторым видным представителям римского права). Ценностно-функциональный смысл перечисленных бинарных операций точно определяется ценностной табл. 2.

С чисто (собственно) математической точки зрения в двузначной алгебре формальной этики существуют четыре математически различные унарные операции (ровно четыре, не больше и не меньше). Однако ниже в данной работе вводится в рассмотрение значительно больше унарных морально-правовых операций, определяющихся ценностной табл. 3, и, в принципе, их количество может быть увеличено потенциально бесконечное число раз. Как это может

быть? Ответ заключается в том, что нужно обратить внимание на различие чисто (собственно) математической точки зрения и прикладной на предмет исследования. Будучи неразличимы в чисто математическом отношении, унарные операции могут быть перформативно различны с прикладной точки зрения, т. е. различны в некотором отношении, не являющемся собственно математическим. Однако все эти разнообразные и многочисленные с прикладной морально-правовой точки зрения унарные операции двузначной алгебры поступков необходимо принадлежат к какому-то одному и только одному из следующих четырех классов: положительные константы; отрицательные константы; функции-инверсии (имеющие значение, противоположное значению своей переменной); функции, имеющие то же самое значение, что и их переменная. Принимая во внимание сказанное, рассмотрим следующие унарные морально-правовые операции двузначной алгебры поступков, *значительно отличающиеся друг от друга в перформативном* («выполнено» — «невыполнено») отношении, но принадлежащие к какому-то одному и только одному из вышеупомянутых четырех классов.

Глоссарий для табл. 3. E_x — морально-правовая операция «единение, консолидация, единство (чего, кого) x ». R_x — «разделение (на части), раскол (чего, кого) x ». V_x — «воздержание от x ». Y_x — «независимость, свобода (чего, чего) x ». J_x — «разрушение (уничтожение) (чего, кого) x ». X_x — «насилие над (чем, кем) x ». P_x — «наказание (возмездие) для (чего, кого) x ». M_x — «поощрение (награда) для (чего, кого) x ». N_x — «небытие, отсутствие (чего, кого) x ». O_x — «осуждение, порицание (чего, кого) x ». A^1x — «одобрение, похвала (чего, кого) x ». I^1x — «безразличие (морально-правовое) к x », т. е. «*беспринципность* в отношении к x ». P^1x — «*принципиальность* в отношении к x », т. е. «следование морально-правовым принципам в отношении к x ». Ценностно-функциональный смысл вышеперечисленных унарных операций точно определяется ценностной табл. 3.

Таблица 3

Унарные операции

x	E_x	R_x	V_x	Y_x	J_x	X_x	P_x	M_x	N_x	O_x	A^1x	I^1x	P^1x
g	g	b	b	g	b	b	b	g	b	b	g	b	g
b	b	g	g	b	g	g	g	b	g	g	b	b	g

Определение. В алгебре формальной этики *отношение эквивалентности* определяется следующим образом. Морально-правовые формы поступков x и y *формально-этически эквивалентны* (что обозначается символом « $x=+=y$ »), если и только если они принимают одинаковые морально-правовые значения (из множества {g, b}) при любой возможной комбинации морально-правовых значений своих переменных. С помощью данных выше определений можно получить приведенный ниже список уравнений. Этот список является открытым: его можно неограниченно пополнять в соответствии с возникающими новыми теоретическими и прикладными задачами.

1) $Ex =+= Kxx.$	2) $Rx =+= Jx.$	3) $I'x =+= BAxBx.$
4) $Rx =+= Sxx.$	5) $Px =+= Xx.$	6) $I'x =+ KOxMx.$
7) $Bx =+= Wxx.$	8) $Px =+= Cxb.$	9) $I'x =+= KA'xPx.$
10) $Yx =+= Lxy.$	11) $Mx =+= BPx.$	12) $NXx =+= XXx.$
13) $Jx =+= Fxy.$	14) $Mx =+= HBxg.$	15) $P'x =+= AxVx.$

Принимая во внимание все сказанное выше, нетрудно заметить некую фундаментальную взаимосвязь между алгеброй логики и алгеброй этики. С точки зрения двузначной этики существует некое метафизическое единство «истинных» и «хороших» действий: истинные (мысли) — хорошие (поступки), но обратное утверждение, вообще говоря, неверно. И такой же (аналогичный) тип единства существует между «ложными» и «плохими» действиями: ложные (мысли) — плохие (поступки), но обратное утверждение, вообще говоря, неверно. Следовательно, при сопоставлении классической двузначной логики и двузначной этики истинностные таблицы булевой алгебры логики оказываются частными случаями соответствующих морально-правовых ценностных таблиц двузначной алгебры ригористической формальной этики. Дело обстоит именно таким образом потому, что мыслительная активность, изучаемая логикой, есть частный случай активности (вообще), изучаемой этикой (в ее собственном специфическом отношении).

Особенно интересно в связи с темой данной статьи то, что *тождественно истинные* (в алгебре логики) логические формы (мышления) оказываются *тождественно хорошими* морально-правовыми формами (деятельности). В свою очередь, *тождественно ложные* (в алгебре логики) логические формы (мышления) оказываются *тождественно плохими* морально-правовыми формами (деятельности). Термин «формально-логически противоречивая форма мысли (логическое противоречие)» представляет собой синоним для термина «тождественно ложная форма мысли». В свою очередь, термин «формально-этически противоречивая форма деятельности (формально-этическое противоречие)» — синоним для термина «тождественно плохая форма деятельности». Поэтому если формальная логика есть частный случай формальной этики, то *формально-логическая противоречивость есть частный случай формально-этической противоречивости*. Всякое формально-логическое противоречие (в мышлении) есть формально-этическое противоречие (в деятельности), но обратное утверждение, вообще говоря, неверно.

Логическим следствием принятия сказанного выше является следующее ниже утверждение В*. В нем выражение « $\Pi^{\text{Лог}}$ (formal-arithmetic)» обозначает суждение «формальная арифметика формально-логически противоречива», а выражение « $\Pi^{\text{Эти}}$ (formal-arithmetic)» обозначает суждение «формальная арифметика формально-этически противоречива».

Утверждение (В*). Если $\Pi^{\text{Лог}}$ (formal-arithmetic), то $\Pi^{\text{Эти}}$ (formal-arithmetic). Причем, вообще говоря, обращение этого суждения формально-логически запрещено (= нелогично). То есть символ В* обозначает утверждение [$\Pi^{\text{Лог}}$ (formal-arithmetic) $\rightarrow$ $\Pi^{\text{Эти}}$ (formal-arithmetic)], где « $\rightarrow$ » обозначает классическую

импликацию. Сформулированное выше утверждение ведет к основному результату настоящей статьи, если и только если объединить (В*) с приведенным ниже утверждением (G*). Иначе говоря, основной результат настоящей статьи логически следует из конъюнкции посылок (В*) и (G*).

Утверждение (G*). Если [неверно, что $\Pi^{\text{Лог}}$ (formal-arithmetic)], то $\Pi^{\text{Этн}}$ (formal-arithmetic).

Основной вывод настоящей статьи: $\Pi^{\text{Этн}}$ (formal-arithmetic). На чисто естественном языке основной результат формулируется следующим предложением: *формальная арифметика формально-этически противоречива*. (Здесь имеется в виду именно та система формальной арифметики, которая была предметом исследований Курта Геделя.) Этот вывод можно получить из конъюнкции (В* & G*) по правилу вывода

$$\frac{(\omega \rightarrow \psi) ; (\neg \omega \rightarrow \psi)}{\psi}$$

Если обе посылки (В*) и (G*) истинны, то избежать получения обсуждаемого результата логически невозможно. Он получается логически необходимо (в рамках классической логики).

Если вывод по каким-то причинам не нравится и его не хочется принимать, а логическая структура обоснования этого вывода не поддается критике (в первом приближении), то вполне разумно обрушить разъедающий скепсис на посылки. Но посылка (В*) — один из вариантов точной формулировки знаменитого афоризма «Логика есть этика мысли» («Логика — мораль мышления»), ставшего неотъемлемой частью профессионального фольклора. Согласно сентенции «Логика есть этика мысли» *формально-логическая противоречивость (формальной арифметики) есть частный случай ее формально-этической противоречивости*. Но это как раз и есть тезис (В*). Присоединяясь к источникам знаменитого афоризма «Логика есть этика мысли», автор настоящей работы не склонен подвергать сомнению посылку (В*). Но в таком случае единственно возможным объектом сомнения оказывается посылка (G*). Поэтому перейдем к ее обсуждению.

Чтобы начать обсуждение посылки (G*), необходимо ее сформулировать точно. Для точной формулировки упомянутой посылки целесообразно ввести в искусственный язык алгебры формальной этики некоторое множество ценностных функций, определив их с помощью приведенных ниже глоссариев и табл. 4–5.

Глоссарий для табл. 4. T^Rxy — морально-правовая ценностная функция «истинность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». N^Fxy — ценностная функция «не-ложность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». F^Axy — «ложность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». N^Txy — «неистинность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». L^Nxy — «логико-семантическая (истинностная) нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». L^Pxy — «логико-семантическая (истинностная) не нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». Ценностно-функциональный смысл упомянутых выше операций точно определяется табл. 4. Символы g и b обозначают

в ней морально-правовые ценностные значения «хорошо» и «плохо» соответственно. Множество $\{g$ (хорошо), b (плохо) $\}$ — область допустимых значений ценностных переменных. Область изменения значений ценностных функций — то же самое множество.

Таблица 4

«Истина» и «ложь» как бинарные операции (алгебры формальной этики)

x	y	T^Rxy	N^Fxy	F^Axy	N^Lxy	L^Nxy	L^Pxy
g	g	b	g	b	g	g	b
g	b	b	g	b	g	g	b
b	g	g	g	b	b	b	g
b	b	b	b	g	g	b	g

Глоссарий для табл. 5. P^Rxy — морально-правовая ценностная функция «доказательство, доказанность, или доказуемость (чего) y для (кого) x ». N^Rxy — ценностная функция «небытие опровержения или неопровержимость (чего) y для (кого) x ». R^Fxy — «опровержение или опровержимость (чего) y для (кого) x ». N^Pxy — «небытие доказательства, или недоказуемость (чего) y для (кого) x ». I^Nxy — «независимость (чего) y по отношению к (чему, кому) x , или для (чего, кого) x ». (Иначе говоря, I^Nxy — «сразу и недоказуемость, и неопровержимость (чего) y для (чего, кого) x ».) D^Exy — «доказуемая детерминированность (зависимость) y по отношению к (чему, кому) x ». (Иначе говоря, D^Exy — «либо доказуемость либо опровержимость (чего) y для (чего, кого) x ».) Ценностно-функциональный смысл упомянутых выше бинарных операций двузначной алгебры формальной аксиологии точно определяется табл. 5.

Таблица 5

«Доказательство» и «опровержение» как бинарные операции (алгебры этики)

x	y	P^Rxy	N^Rxy	R^Fxy	N^Pxy	I^Nxy	D^Exy
g	g	b	g	b	g	g	b
g	b	b	g	b	g	g	b
b	g	g	g	b	b	b	g
b	b	b	b	g	g	b	g

С помощью данных выше определений легко обосновать следующие уравнения [15, 220]:

- 16) $T^Rxy = += P^Rxy$.
- 17) $N^Fxy = += N^Rxy$.
- 18) $F^Axy = += R^Fxy$.
- 19) $N^Lxy = += N^Pxy$.
- 20) $L^Nxy = += I^Nxy$.
- 21) $L^Pxy = += D^Exy$.

Эти уравнения кажутся вызывающе парадоксальными, если принять во внимание знаменитые метатеоремы К. Геделя о неполноте, но такое вполне естественно возникающее ощущение парадоксальности есть логико-лингвистическая иллюзия. Эта иллюзия устраняется посредством систематического использования принципа, известного под названием «гильотина Юма». На языке алгебры формальной этики упомянутый принцип взаимной формально-логической независимости (автономии) фактов и ценностей формулируется следующим образом.

Пусть символ Ea обозначает высказывание (истинное или ложное утверждение) о том, что a имеет место в действительности. Важный для данной работы аспект «гильотины Юма» может быть представлен в виде конъюнкции утверждений A–D, приведенных далее. (A) из истинности $a =+ b$ не следует формально-логически, что истинно $Ea \leftrightarrow Eb$; (B) из истинности $Ea \leftrightarrow Eb$ не следует формально-логически, что истинно $a =+ b$. (C) из истинности $a =+ b$ не следует формально-логически, что истинно или $Ea \rightarrow Eb$, или $Eb \rightarrow Ea$; (D) из истинности слабой дизъюнкции ($Ea \rightarrow Eb$ или $Eb \rightarrow Ea$) не следует формально-логически, что истинно $a =+ b$. (Символ « $\leftrightarrow$ » обозначает логическую эквивалентность, а « $\rightarrow$ » — импликацию.)

Очень часто иллюзия парадоксальности уравнений, доказуемых в алгебре формальной этики, закономерно возникает в результате лингвопсихологически неощутимого (непреднамеренного), но тем не менее формально-логически ошибочного (запрещенного) отождествления. Имеется в виду формально-логическое отождествление *формально-этической эквивалентности* ($=+ =$) и *формально-логической эквивалентности* ($\leftrightarrow$). Эта иллюзия парадоксальности исчезает, если и только если систематически соблюдается «гильотина Юма» — строгое запрещение *дедуктивных формально-логических выводов* от фактов к соответствующим оценкам и от оценок к соответствующим фактам.

Приведенные выше ценностные табл. 4–5 были опубликованы автором ранее в работах [14, 17]. Согласно этим таблицам (в сочетании с табл. 1 и 3, также опубликованными автором ранее), истинно следующее утверждение (C).

Утверждение (C). Ценностные функции KT^RxyN^Pxy и KT^RxyNP^Rxy являются тождественно плохими (функциями), т. е. представляют собой *формально-этическое противоречие* (деятельности). Истинность утверждения (C) легко проверить «вычислением» соответствующих ценностных таблиц.

Утверждение (G) — ранее доказанная метатеорема К. Геделя. Если [неверно, что $\Pi^{\text{Лог}}$ (formal-arithmetic)], то НЕПОЛН^{Лог} (formal-arithmetic). Здесь выражение «НЕПОЛН^{Лог} (formal-arithmetic)» обозначает утверждение факта логико-семантической неполноты формальной арифметики.

Из конъюнкции утверждений (G) и (C) логически следует точно формулируемое ниже утверждение (G*).

Утверждение (G*) — следствие из (C) и (G). Если [неверно, что $\Pi^{\text{Лог}}$ (formal-arithmetic)], то $\Pi^{\text{Этн}}$ (formal-arithmetic).

Итак, основанием для принятия (в качестве гипотезы) утверждения (G*) является конъюнкция упомянутой метатеоремы К. Геделя с приведенными выше ценностными таблицами (и прочими дефинициями) алгебры формальной этики.

В принципе, категорически не желая соглашаться с основным выводом настоящей статьи, можно подвергнуть сомнению конъюнкцию утверждений (G) и (C), т. е. либо указанную метатеорему Геделя, либо утверждение (C). Но с абстрактно-теоретической точки зрения, свободной от предрассудков нашей эпохи, также интересно рассмотреть и то, что получится, если допустить конъюнкцию (G) и (C) хотя бы в качестве гипотезы. (Такого рода гипотетическому рассмотрению как раз и посвящена настоящая статья.)

Если допустить конъюнкцию утверждений (G) и (C), то логически необходимо будет согласиться с утверждением (G*): Если [неверно, что $\Pi^{\text{лог}}$ (formal-arithmetic)], то $\Pi^{\text{эти}}$ (formal-arithmetic).

Если при этом также согласиться допустить точно сформулированное выше утверждение (B*), то логически необходимо будет согласиться с утверждением, представляющим собой основной вывод настоящей статьи: $\Pi^{\text{эти}}$ (formal-arithmetic); *формальная арифметика формально-этически противоречива*. Этот вывод следует из конъюнкции (B* & G*) по правилу вывода

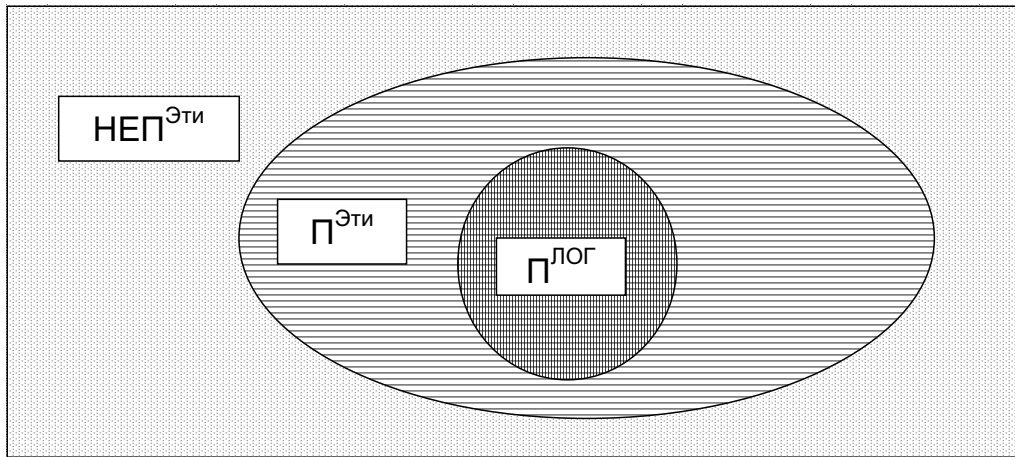
$$\frac{(\omega \rightarrow \psi) ; (\neg \omega \rightarrow \psi)}{\psi}.$$

Если обе посылки (B*) и (G*) приняты (в качестве гипотез), то избежать получения обсуждаемого вывода (из этих гипотез) логически невозможно. Вывод этот логически необходим (в рамках классической логики).

Рассмотрим теперь собственно философский аспект полученного результата. Не противоречит ли он (логически) упомянутой метатеореме К. Геделя о неполноте формальной арифметики (в случае ее логической непротиворечивости)? На мой взгляд, логического противоречия здесь нет, так как термины «формально-логическая противоречивость (мышления)» и «формально-этическая противоречивость (деятельности)» не являются синонимами. В принципе *некая система может быть формально-логически непротиворечивой, но формально-этически противоречивой*. Конкретный пример — формальная арифметика, исследованная К. Геделем. Соответствующая метатеорема К. Геделя не отрицает основной результат настоящей статьи, а, наоборот, подтверждает (поддерживает) его, будучи явно использованной в его получении и обосновании. В сущности, основной результат данной статьи — логическое следствие конъюнкции указанной теоремы К. Геделя и сформулированной выше двузначной алгебры формальной этики.

Если мы согласимся со сказанным выше, то тогда как будет выглядеть графическая модель взаимоотношения объемов понятий: $\Pi^{\text{лог}}$ (противоречивость формально-логическая); $\Pi^{\text{эти}}$ (противоречивость формально-этическая); НЕ $\Pi^{\text{эти}}$ (непротиворечивость формально-этическая)? Наверное, эта графическая модель будет выглядеть так, как показано на рисунке. На нем «зарешеченная (в клеточку)» область (и с вертикальными, и с горизонтальными линиями) есть область противоречивости формально-логической ($\Pi^{\text{лог}}$). «Разлинованная (в линейку)» область (только с горизонтальными линиями) — область противоречивости формально-этической ($\Pi^{\text{эти}}$). Область неразлинованная (в которой

нет ни вертикальных, ни горизонтальных линий) — область непротиворечивости формально-этической (НЕП^{Эти}). Неразлинованная и разлинованная области взаимоисключают друг друга. Однако та область, которая разлинована и вертикально, и горизонтально, полностью включается в горизонтально разлинованную область, но не исчерпывает ее. Графически говоря (т. е. говоря на языке графических образов), исследованная К. Геделем формальная арифметика «расположена» в разлинованной, но «незарешеченной» области графической модели.

Взаимоотношение объемов понятий

Таким образом, П^{Эти} (формально-этическая противоречивость) и НЕП^{Эти} (формально-этическая непротиворечивость) взаимно исключают (дополняют) друг друга. При этом П^{ЛОГ} (противоречивость формально-логическая) есть частный случай П^{Эти} (противоречивости формально-этической). Первая *полностью* включается во вторую, но не исчерпывает ее. (Объем понятия П^{Эти} строго больше объема понятия П^{ЛОГ}.) Поэтому существует некоторое непустое множество формально-этически противоречивых систем, не являющихся формально-логически противоречивыми. Согласно сказанному выше если формальная арифметика, бывшая предметом исследований К. Геделя, формально-логически непротиворечива, то она представляет собой конкретный пример системы, которая формально-логически непротиворечива, но формально-этически противоречива. Более того, согласно сказанному выше, формальная арифметика формально-этически противоречива независимо от того, является она формально-логически непротиворечивой или нет.

В заключение имеет смысл отвлечься от формальной арифметики, исследованной К. Геделем, и сформулировать в качестве гипотезы некую общую формально-этическую концепцию. Ранее в ряде публикаций нами уже обосновывалось утверждение о *формально-этической эквивалентности полноты и непротиворечивости как ценностных функций в двузначной алгебре формальной*

этики [4–7] Согласно этим публикациям и в соответствии с содержанием данной работы совершенно естественно предположить, что *если некая логически формализованная теория формально-этически непротиворечива, то она формально-логически непротиворечива и полна*. Возможность и действительность гениального результата, полученного К. Геделем, объясняется тем, что в *эмпирическом* мире могут существовать и нередко *фактически* существуют формально-логически непротиворечивые формальные теории, являющиеся формально-этически противоречивыми системами. Конкретный пример — формальная арифметика (если она формально-логически непротиворечива).

1. Вейль Г. Симметрия. М., 1968.
2. Дигесты Юстиниана = Digesta Iustiniani / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2008. Т. 1, кн. 1–4.
3. Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? М., 2001. С. 20.
4. Лобовиков В. О. Метафизика как формальная аксиология (Дискретная математическая модель метафизической философии) // Носитель идеального образа. Екатеринбург, 2003. С. 35–41.
5. Лобовиков В. О. Метафизическая эпистемология как формальная аксиология (Дискретная математическая модель метафизической онтологии и гносеологии) // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. Вып. 4. Екатеринбург, 2003. С. 41–56.
6. Лобовиков В. О. Метафизическая онтология как формальная аксиология (Незеноновские доказательства основных положений философии Парменида) // Дискурс-П : науч.-практ. альм. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 153–155.
7. Лобовиков В. О. Метафизика как формальная этика: логический аспект // К 40-летию философского факультета Уральского государственного университета : тр. преподавателей каф. онтологии и теории познания. Екатеринбург, 2005. С. 3–28.
8. Лобовиков В. О. От цифровой фотографии к цифровой философии (Цифровые технологии философствования — важное дополнение к аналоговой философской традиции и направление современного дискурса) // Дискурс-ПИ. Вып. 7. Екатеринбург, 2007. С. 113–116.
9. Лобовиков В. О. «Ниццета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург, 2009.
10. Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с прим. И. С. Перетерского : пер. с лат. М., 1984.
11. Уайтхед А. Н. Математика и добро // Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 322–323.
12. Lobovikov V. A Digital Turn in Philosophy and Wittgenstein about «Is» // Philosophy of the Information Soc. Papers of 30th Intern. Wittgenstein Symp. (Aug. 5–11, 2007, Kirchberg am Wechsel). Vol. 15. (Ed.: Herbert Hrachovec, Alois Pichler, Joseph Wang) Kirchberg am Wechsel (Lower Austria) : The Austrian Ludwig Wittgenstein Soc., 2007. P. 134–137.
13. Lobovikov V. Mathematical Logic as a Particular Case of Mathematical Ethics (Algebra of Formal Ethics as a Generalization of Algebra of Formal Logic) // Proc. of the 7th Panhellenic Logic Symp. (PLS7) at Patras Univ., Greece, July 15–19, 2009. Patras, Greece, 2009. P. 109–111.
14. Lobovikov V. Modal Logic and Formal Axiology of Alethic and Epistemic Modalities // Proc. of the 7th Panhellenic Logic Symp. (PLS7) at Patras Univ., Greece, July 15–19, 2009. Patras, Greece, 2009. P. 112–116.
15. Lobovikov V. K. Gödel's incompleteness theorems and a hitherto unknown non-trivial formal equivalence of «true» and «provable» // Collection of Abstracts of Intern. Conf.

«MAL'TSEV MEETING» dedicated to the 100th anniversary of Anatolii Ivanovich Mal'tsev (Sobolev Institute of Mathematics, Novosibirsk State Univ., Aug. 24–28, 2009). Novosibirsk, 2009. P. 220.

16. *Lobovikov V.* A Universal Theory of Relativity of Moral-legal Evaluations and a Precise Definition of Universal Laws of This Theory // Abstracts of Special Workshops and Working Groups of IVR 24th World Congress «Global Harmony and Rule of Law» (Sept. 15–20, 2009, Beijing, China). Vol. 1. P. 331–333.

17. *Lobovikov V.* Mathematical simulating formal axiological semantics of natural languages (A fundamental generalization of mathematical philosophy: from truth-values to axiological ones) // Philosophy, mathematics, linguistics: aspects of interconnection: Materials of the Intern. sci. conf. in Leonard Euler's Intern. Inst. of Mathematics (St-Petersburg, Nov. 20–22, 2009). St-Petersburg, 2009. P. 128–132.

Рукопись поступила в редакцию 16 сентября 2010 г.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 162.4:004.838.3 + 167.3

Л. Л. Леоненко

АНАЛОГИИ-ПРОПОРЦИИ В ЛОГИКЕ И В COMPUTER SCIENCE

Обсуждаются проблемы классификации, формализации и условий повышения правомерности выводов по аналогии типа «пропорции». Показано, что философские принципы, положенные в основу языка тернарного описания (ЯТО), согласуются с требованиями, предъявляемыми к моделям аналогий-пропорций в современной логике, когнитивной психологии и computer science. Предложено использовать для моделирования аналогий-пропорций аппарат параметрической общей теории систем.

Ключевые слова: аналогия, пропорция, изоморфизм, исчисления индивидов, общая теория систем.

Вывод по аналогии любого типа связан с перенесением информации с объекта-*модели* (используются также термины «образец», «источник», англ. source) на объект-*прототип* («цель», «мишень», target). В аналогии типа пропорции (изоморфизм, quasi-изоморфизм) этот перенос выполняется на основании сходства или тождества *отношений*, имеющих место в модели и прототипе [19, 20].

Классическим примером аналогии-пропорции может служить вывод, приписываемый пифагорейцу Алкмеону: «Здоровье для человека — то же, что благополучие для государства; но здоровье достигается равновесием противоположных начал; следовательно, благополучие государства также будет иметь место, если противоположные начала уравнивают друг друга» [Там же, 51]. Очень возможно, что с таким выводом согласятся современные врачи и политики (ср., например, [44]). Правда, сейчас равновесие применительно к здоровью трактуется уже не как «правильное соотношение теплого и холодного» [1, 139b20–21, 145b7–8], а как согласованное функционирование органов (подсистем) организма. Благополучие же государства как в Античности, так и ныне

связывают с равновесием его политических, хозяйственных и иных подсистем. Схему рассматриваемого вывода можно «в нулевом приближении» изобразить так:

$$\frac{(a_1/a_2) \approx (b_1/b_2), E(a_2) \rightarrow a_1(a_2)}{E(b_2) \rightarrow b_1(b_2)}, \quad (0)$$

где a_1 — «здоровье», a_2 — «человек», b_1 — «благополучие», b_2 — «государство», E — «равновесие частей (подсистем)»¹. Элементы a_1 и a_2 «в совокупности» образуют модель, а b_1 и b_2 — прототип. Символом $\approx$ обозначено сходство отношений a_1 к a_2 и b_1 к b_2 .

«Нулевое приближение» (0) неудовлетворительно во многих отношениях, и прежде всего, на мой взгляд, потому, что оставляет нас в полном неведении относительно *процедуры Ср сравнения* модели с прототипом, которая могла бы прояснить смысл приближенного равенства $\approx$ (и тем самым смысл отношения, обозначенного выше знаком /, etc.). Обобщением (0) в терминах, более привычных для современных трактовок аналогии, может служить следующее «первое приближение» схемы quasi-изоморфизма:

- 1) объект a входит в систему объектов S_a ;
объект b входит в систему объектов S_b ;
  - 2) системы S_a и S_b подобны (изоморфны),
при этом подобии a соответствует b ;
  - 3) объект a в составе S_a удовлетворяет условию β .
-
- Объект b в составе S_b удовлетворяет условию β .

Если толковать пропорцию Алкмеона согласно (1), то в систему S_a следует как-то включить «здоровье» a_1 и «человека» a_2 (и, быть может, еще какие-то объекты или подсистемы), а в систему S_b — «благополучие» b_1 и «государство» b_2 .

Разумеется, по отношению к (1) критика, связанная с неопределенностью процедуры сравнения *Ср* (которая при данной формулировке должна оценивать степень подобия «систем» S_a и S_b), полностью сохраняет свое значение — ввиду смутности общих понятий «системы» и «подобия».

Тем не менее современные авторы, исследующие выводы типа quasi-изоморфизма, считают необходимым привлекать для их описания именно эти понятия. Так, Д. Гентнер полагает, что использование людьми метафор и лежащих в их основе аналогий происходит в случаях, когда в сознании индивидуума существуют две «одинаково устроенные» понятийные системы, а вывод

¹ Заметим, что по классификации А. Умова схема (0) является разновидностью не пропорции, а эмпирико-реляционной аналогии. Пропорция «по Умову» получится, если допустить возможность перестановки средних членов в соотношении $\approx$ (как это допустимо в обычной числовой пропорции: если $(a_1/a_2) = (b_1/b_2)$, то $(a_1/b_1) = (a_2/b_2)$) [19, 67]. Впрочем, сам А. Умов отмечает, что этот тип аналогии, как и ряд других, «близок к изоморфизму» [20, 80].

заключается в переносе отношений, имеющих между объектами одной системы, на объекты другой [31, 162–165]².

Из схем, подобных (1), исходят и практически во всех работах по автоматизированной поддержке выводов по аналогии. При этом в качестве элементов модели и прототипа могут фигурировать, например, [45, 1053–1054]: a_1 — «список функциональных требований к оборудованию станции a_2 слежения за спутниками»; b_1 — такой же список, но для станции b_2 ; β — распределение стоимостей элементов оборудования станции (переносимый признак) и т. п.

В некоторых из упомянутых работ явно описаны и процедуры сравнения **Ср**. Таковы, в частности, работы по применению аналогий в автоматизированном доказательстве теорем, где процедуры **Ср** могут являться числовыми мерами сходства [39] или же иметь нечисловой, но вполне точный алгоритмический характер [27–29]. При этом используемые понятия «системы» и «подобия», как правило, оказываются узкоспециализированными (так, «системой» может считаться последовательность формул, представляющая собой логический вывод с анализом в смысле формальной аксиоматической теории).

Многие типы выводов по аналогии могут быть истолкованы как виды изоморфизма, характеризуемые особыми процедурами **Ср**. Приведу пример. Рассмотрим так называемую *функционально-структурную* аналогию [19, 58–59]. Она предполагает, что модель a — это некоторый объект, находящийся в «среде» E_a , и что прототип b входит в среду E_b . Должно быть известно отношение $R(a, E_a)$ объекта a к своей среде (способ представления этого отношения может быть различным), соответственно задается $R_1(b, E_b)$. В качестве переносимого признака β выступает совокупность отношений, образующих структуру объекта a . Соответствующее правило вывода разрешает «переносить» β на объект b при условии, что $R = R_1$, т. е. если $a \in E_a$ и $b \in E_b$ связаны «одним и тем же» отношением (при этом в общем случае принципы отождествления отношений не фиксируются).

Таким образом, сопоставляя описание функционально-структурной аналогии с приведенной выше схемой изоморфизма, мы видим, что систему S_a здесь образуют a, E_a, β и R , а систему S_b — соответственно b, E_b, β и R_1 . Системы S_a и S_b считаются изоморфными, если $R = R_1$. Поскольку в общем случае неясно, как это проверить, аналогия «хромает». Но, как показано А. Уемовым [20, 191–194], при уточнении способа представления отношений R и R_1 можно сформулировать условия, делающие перенос β с a на b достоверным.

Итак, истолкование функционально-структурной аналогии как «пропорции» получается путем «явного» описания соответствующих этой форме аналогии систем S_a и S_b ³. Отметим, что подобное описание проводит и сам А. Уемов при

² Эта гипотеза получила широкую известность как «принцип систематичности» (systematicity principle). Его обсуждение см., например, в [17, 413–415; 32; 39, sect. 2.2.2; 43, sect. 3.3; 48, sect. 2.3].

³ То же самое будет и для многих других типов аналогии из [19]. Разумеется, при этом будут получаться разные системы S_a и S_b и соответственно *разные подтипы* изоморфизма с разными условиями правомерности вывода.

формулировке правил *достоверной* функционально-структурной аналогии. А именно, он представляет a как некоторое множество $\{a_i\}$, среду E_a как некоторый объект c и R традиционным способом — как подмножество декартова произведения $\{a_i\} \times \{c\}$. Соответственно $b = \{b_j\}$, $E_b = d$ и R_1 есть множество пар вида $\{b_j, d\}$. R и R_1 считаются тождественными, если существует такое соответствие между $\{a_i\}$ и $\{b_j\}$, при котором пара $\{a_i, c\} \in R$ тогда и только тогда, когда пара $\{b_j, d\} \in R_1$. Такое представление сводит, конечно, рассматриваемый тип аналогии к некоторому его частному случаю, но тем самым специализирует процедуру **Ср** до степени, делающей вывод достоверным.

В других случаях, в частности когда автоматизированные выводы по аналогии рассматриваются как одно из средств поддержки деятельности инженера или менеджера по проектированию/построению/управлению системами, процедуры **Ср** часто носят эвристический и полужормализованный характер. Один из простых примеров **Ср**, относящихся к этому классу, применяет следующую числовую меру сходства понятий A и B , используемых в описаниях систем S_a и S_b и хранящихся в базе данных компьютера [40]:

$$\sigma(A, B) = \frac{N_A + N_B - N_{AB}}{N_{AB}},$$

где N_A , N_B , N_{AB} — количества документов в базе данных, содержащих соответственно вхождения понятия A , понятия B и одновременно обоих понятий A и B . Наибольшая мера сходства, равная 1, будет у понятий, не встречающихся порознь ни в одном документе⁴. На основании меры σ можно далее вычислять меру близости модели и прототипа через близость понятий, использованных в их описаниях.

Но часто меры близости понятий являются нечисловыми. Например, в модели семантической памяти М. Р. Квиллиана [41] связи понятий задаются дугами графа, точки которого представляют либо сами понятия, либо некоторые высказывания о них⁵. Два понятия считаются близкими, если они, грубо говоря, связаны с одними и теми же точками в графе. Меру близости здесь можно задать через меру пересечения соответствующих подграфов; но эксперту, принимающему решение, может предъявляться не абстрактное число, выражающее меру близости, а непосредственно графы связей двух близких понятий. И задачей системы автоматизированной поддержки вывода по аналогии часто считается не сам вывод, а эффективный обмен информацией о связях понятий с экспертом [4; 25; 45, 1059–1061].

Компьютеру могут быть переданы и более сложные функции по проведению вывода — в случае, если используется более гибкий формат представления

⁴ Эта идея оценки сходства понятий по степени их «ассоциированности» достаточно широко распространена, хотя специалисты видят и ее недочеты — см., например, [37].

⁵ Об этом методе оценки близости понятий и его различных уточнениях и обобщениях см. также, например, [3; 5, 22–23; 8; 17, 226–237 и след.; 45, 1059–1061].

знаний. Так, схема Квиллиана может дополняться средствами учета «тонких» особенностей способа построения понятия А (занимающего более высокий уровень иерархии в графе памяти) из понятий В, С, ..., Х (занимающих низшие уровни). Например, В может быть *частью* А, а С — *свойством* А. Если при этом В и С в семантической сети будут «равноправными» точками одного уровня, то учет неодинаковости их влияния на степень сходства понятия-модели и понятия-прототипа будет зависеть от эксперта. Чтобы формально отобразить такую «неравноправность» В и С, недостаточно числовых значений их относительной «значимости» для понятия А; необходимо как-то учитывать *качественные* различия типов ребер семантической сети. Часто на сети задают иерархии различного типа, отображающие разнохарактерные отношения ее узлов [3, 7, 8, 16]⁶. В частности, при использовании средств объектного программирования вводят два основных типа связей между объектами: «В — часть А» и «В — экземпляр А» [2, 71–76].

Вообще же говоря, формализация качественных связей между моделью и прототипом (и системами объектов, которые их «охватывают») требует привлечения особых «исчислений индивидов», описывающих различия и взаимосвязи отношений вроде «В — элемент А» и «В — часть А», «В — признак А» и «В — экземпляр А» и т. п. В этих исчислениях операции над понятиями (индивидами, объектами) вводятся *наряду* с логическими операциями над высказываниями об этих индивидах⁷. Ниже обсуждается применимость к выводам по аналогии одного из исчислений этого типа — языка тернарного описания (ЯТО) [49]⁸. Основные причины обращения здесь именно к ЯТО следующие:

— «базисные» понятия, для формализации которых разрабатывался ЯТО, это «Объект» («Предмет», «Вещь»), «Свойство», «Отношение», «Определенность/Неопределенность»⁹, «Вид/Род», «Часть/Целое», различные виды понятий «Тождество» и «Сходство» и другие типы «общих связей предметов». Это как раз тот круг понятий, который большинство исследователей признают основными для «общей» теории выводов по аналогии, причем независимо от того, считают ли они создание такой теории принципиально возможным;

— трактовка указанных выше понятий в языке тернарного описания в ряде аспектов лучше соответствует требованиям, выдвигаемым исследователями аналогии. Так, в ЯТО легко формализуется понятие «растяжимого отношения», могущего изменять свою местность¹⁰. ЯТО «естественным» для него образом может отображать аналогии, в которых модель и прототип имеют разный

⁶ Обсуждение эпистемологических проблем, связанных с представлением понятий в семантических сетях, см. в [34]. О методах, альтернативных семантическим сетям, см. [5, 17, 37].

⁷ Иногда такие исчисления называют «номиналистическими» (ввиду соответствующей ориентации Ст. Лесневского, Н. Гудмена и других ученых, впервые их разрабатывавших). См., например, [9, 30].

⁸ См. также [11, 15, 21].

⁹ О важности формального учета неопределенности при моделировании аналогии см., например, [42].

¹⁰ Это требование обсуждается, в частности, в [51, 689 and next].

«категориальный статус» (предмет и свойство, свойство и отношение, предмет и отношение)¹¹;

— ЯТО служит средством формализации некоторых «частных» аналогий. Здесь в первую очередь следует назвать «системно-параметрические» аналогии, рассмотренные в работе [22]. Как отмечалось выше, многими учеными принимается тезис, что ряд типов выводов по аналогии предполагают трактовку модели и прототипа как «систем». В таких случаях, независимо от того, используются ли в выводах «системные параметры» в смысле [Там же], ЯТО может применяться как средство описания систем и связей между системами;

— с другой стороны, ЯТО может служить не основным, но важным вспомогательным инструментом при формализации специализированных аналогий. В частности, возможно его применение для фиксации структур именных групп натуральных языков при оценке аналогичности текстов методами теории подобия символьных последовательностей [12].

ЯТО может быть использован как язык представления знаний для различных типов выводов по аналогии. В частности, если исходить — подобно тому как это имеет место в реляционной схеме М. Р. Квиллиана — из некоторого базисного словаря элементарных понятий, то можно далее строить из них сложные понятия не путем простого указания связей (дуг семантической сети), а посредством построения формулы, входящая в которую будут отвечать различные понятия базисного словаря. При этом понятия $B, C, \dots, X$, представляющие части, свойства, отношения, части частей и т. п. аспекты понятия A , будут отличаться по их различному положению в формуле, представляющей A . Связям же между этими аспектами будут соответствовать тексты (в частности, выводы) ЯТО, в которые входит как формула A , так и ее подформулы. «Близость» или «сходство» понятия A с некоторым иным понятием A_1 может затем оцениваться по сходству схем образования отвечающих им формул, общим входящим в формулы и т. п., в зависимости от того, как понимается «подобие систем» S_a и S_b .

Способы представления понятий и их связей, «родственные» идеям ЯТО, применяются и в современных обобщениях метода семантических сетей. Так, в теории «концептуальных графов» [16, 168–196; 17, 245–255; 47] объекты, их свойства и отношения представлены в определенном смысле как сущности «одного уровня», поскольку все они являются *вершинами* концептуального графа (подобно тому как в ЯТО предметы, их свойства и отношения могут являться подформулами, расположенными на одном уровне некоторой формулы). В упомянутой теории вводится также понятие «неспецифицированного индивида», напоминающее «неопределенный предмет» a ЯТО. Когда два узла

¹¹ Д. Гентнер замечает, что при проведении аналогий бывает необходимым толковать «один и тот же» предикат то как свойство, то как отношение [31, 157 (fn 3)]. Требование, чтобы при проведении аналогий компьютер мог сравнивать предметы с отношениями, etc., ведущее к отказу от «жесткого» разграничения вещей, свойств и отношений, обсуждается в [26, 3 and next; 36, 457]. В задачах оценки аналогий текстов [14] ему соответствует требование учета различных «семантических ролей» именных групп.

концептуального графа обозначают один и тот же неспецифицированный индивид, они снабжаются одинаковыми маркерами, что в точности отвечает понятию йота-оператора ЯТО. Пропозиции, представляемые концептуальными графами, разрешено рассматривать как понятия, входящие в состав суперграфа (причем на одних уровнях с «обычными» понятиями), что также согласуется с идеями ЯТО. Джон Сова исследовал вопрос о переводимости языков теории концептуальных графов и исчисления предикатов [47]. Приведенные примеры показывают, что заслуживает внимания аналогичный вопрос относительно ЯТО.

Имея средства формализации отношений и операций над понятиями (объектами, индивидами), можно ставить вопрос об уточнении «подобия систем объектов» из (1). Если считать¹², что вывод типа quasi-изоморфизма может относиться к *произвольной* предметной области, используемое понятие «системы» должно обладать соответствующей степенью общности. Это приводит к мысли заимствовать его у одной из «общих теорий систем» (ОТС). Существующие варианты ОТС объединяет принимаемый в них так называемый «принцип универсальности», позволяющий рассматривать *любой* объект как систему¹³. В плане автоматизации важны различия концептуальных базисов разных вариантов ОТС, проявляющиеся в использовании ими различных формализмов¹⁴. Например, ОТС М. Месаровича [18] базируется на формализме теории множеств. Если мы используем при автоматизации пропорции понятие системы «по Месаровичу», то данные, обрабатываемые в процессе вывода, будут представлять собой произвольные множества, связи данных будут отношениями множеств, а операции над данными — теоретико-множественными операциями. Соответствующие требования будут предъявлены к представлению информации в базе данных компьютера.

Если же трактовать понятие «система» соответственно варианту ОТС, предложенному А. Уемовым, и использовать формализм этого варианта — язык тернарного описания¹⁵, то связи и операции над данными, входящими в посылки и заключения выводов по аналогии, должны представляться в базе данных компьютера так, чтобы можно было: 1) по определенным правилам «распознавать» в них вещи, свойства и отношения (учитывая, что один и тот же предмет в своих разных вхождении в некоторую формулу ЯТО может обозначать *любую* из упомянутых трех сущностей¹⁶); 2) производить обработку данных, соответствующую применениям к ним операций ЯТО¹⁷.

¹² Как в работах [19, 20, 31, 32, 35, 38, 39, 45] и многих других.

¹³ См., в частности, [10].

¹⁴ Значимость выбора формализма — языка представления знаний — для получения адекватных решений различных задач столь часто подчеркивалась, что данное утверждение можно считать общим местом. См., например, [17, 60–61 и след.].

¹⁵ О приложениях ЯТО к теории систем см., в частности, [10, 13, 21, 24, 49, 50].

¹⁶ Эта особенность ЯТО, носящая название «принцип взаимопереходности вещей, свойств и отношений», подробно обсуждается в [15]. Неадекватность «жесткого» различения объектов от свойств и отношений в процессах построения аналогий отмечается в [26, 36].

¹⁷ Примеры хранения данных, организованных «в соответствии» со структурами ЯТО, см., например, в [6, 76–91; 33].

«Системой» по А. Уемову называется произвольный объект m , на котором реализовано отношение R с фиксированным свойством P [21]. Каждый из объектов m , R и P может, в свою очередь, «состоять» из некоторых объектов, имеющих свойства и связанных отношениями. «Состоять» здесь означает, что в формуле F языка ЯТО, представляющей указанную систему, объектам m , R и P соответствуют определенные подформулы F_m , F_R и F_P , которые, в свою очередь, могут включать некоторые подформулы [50].

Опишем вывод по аналогии типа «пропорция» в указанных понятиях. Пусть система S_a состоит из объектов m_1 , R_1 и P_1 ; а система S_b — из m_2 , R_2 и P_2 . Пусть далее S_a представляется формулой ЯТО F_1 , а S_b — формулой F_2 . То, что модель a входит в систему S_a , означает, что существует подформула S_1 формулы F_1 , представляющая a . Точно так же должна существовать подформула S_2 формулы F_2 , представляющая прототип b . То, что a и b оба удовлетворяют условию β , выражается в ЯТО наличием одинаковой формальной связи между подформулами S_1 и Q и подформулами S_2 и Q , где Q представляет ЯТО-модель условия β .

Самым существенным вопросом является определение понятия «подобия» или «изоморфизма» систем S_a и S_b . Возможны различные подходы к такому определению (и с ними будут связаны различные *виды* изоморфизма). Один из подходов (связанный с трактовкой *тождества систем* в ОТС А. Уеова) предполагает, чтобы системообразующие свойства P_1 и P_2 систем S_a и S_b были одинаковыми. Другой подход (как кажется, более соответствующий исходной трактовке «пропорции» у греков, равно как и классическому понятию изоморфизма) трактует изоморфизм систем S_a и S_b как совпадение *отношения* между объектами m_1 , R_1 , P_1 в системе S_a с отношением между объектами m_2 , R_2 , P_2 в системе S_b . Иными словами, должно иметь место одно и то же отношение между «системными дескрипторами» [23, 38, 55] в каждой из этих систем. Указанному отношению дескрипторов можно сопоставить *структуру* формулы ЯТО, представляющей систему. Таким образом, для подобия систем S_a и S_b структуры формул F_1 и F_2 должны быть одинаковыми. Логически это означает, что либо

1) формирующие деревья H_1 и H_2 для F_1 и F_2 должны совпадать вплоть до уровня, на котором находятся подформулы S_1 и S_2 ¹⁸;

либо же

2) вплоть до указанного уровня имеет место гомоморфизм деревьев (при удалении части вершин и ребер из H_1 можно получить H_2 , или наоборот).

Можно, наконец, трактовать изоморфизм как совпадение структур не формул, представляющих «в целом» системы S_a и S_b , но как совпадение *особых* «частных» отношений между подформулами, представляющими соответственно субстрат m , структуру R и концепт P в каждой из этих систем. В параметрической ОТС вводится понятие так называемого «системного параметра». Каждый из системных параметров представляет собой отношение второго порядка,

¹⁸ О понятии формирующего дерева логической формулы см., например, [46]; для формул ЯТО оно вводится аналогичным образом.

связывающее m , R и P [13, 23]. Примерами системных параметров являются, в частности, «центрированность», «гомогенность субстрата относительно структуры» и т. п. [13, 23, 50]. В работе [22] выводы по аналогии трактуются как перенос некоторых признаков β с модели b на прототип a на основании наличия у соответствующих систем S_a и S_b тех или иных значений системных параметров¹⁹.

Другая проблема, возникающая при формализации выводов типа пропорции, — каким образом толковать «соответствие» модели a прототипу b при уже установленном изоморфизме систем S_a и S_b . Прежде всего следует отметить, что в определении пропорции (1) не уточнено, *как* именно «входит» модель a в систему S_a (и соответственно как входит прототип b в систему S_b). В терминах параметрической ОТС это означает, что модель (прототип) может относиться к произвольному аспекту системы. Коль скоро модели a сопоставлена подформула S_1 , а прототипу b — подформула S_2 , с формальной точки зрения указанной произвольности отвечает следующее допущение: вхождение подформулы S_1 в формулу F_1 (соответственно S_2 в F_2) может быть произвольным. Теперь, если придерживаться трактовки изоморфизма, описанной выше, можно считать, что a «соответствует» b , если при «наложении» деревьев H_1 на H_2 (или H_2 на H_1) вершина S_1 накладывается на вершину S_2 либо, в случае гомоморфизма деревьев, «сливается» с ней.

С описанным представлением пропорции связаны соответствующие требования к представлению данных для компьютера (в частности, требование обеспечить адекватные преобразования формирующих деревьев формул ЯТО и т. п.).

-
1. *Аристотель*. Томика: соч. : в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 347–531.
  2. *Буч Г.* Объектно-ориентированный анализ и проектирование. 2-е изд. М. ; СПб., 2000.
  3. *Вагин В. Н.* Дедукция и обобщение в системах принятия решений. М., 1988.
  4. *Варшавский П. Р., Еремеев А. П.* Поиск решения на основе структурной аналогии для интеллектуальных систем поддержки принятия решений // Изв. РАН. Теория и системы управления. 2005. № 1. С. 97–109.
  5. *Гаврилова Т. А., Хорошевский В. Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. СПб., 2000.
  6. *Глазов Д. Д., Орищин А. Д.* Гибкая технология комплексно-механизированной выемки угля. М., 1992.
  7. *Добров Б. В., Лукашевич Н. В., Невзорова О. А. и др.* Методы и средства автоматизированного проектирования прикладной онтологии // Изв. РАН. Теория и системы управления. 2004. № 2. С. 58–68.
  8. *Ковальски Р.* Логика в решении проблем. М., 1990.

---

¹⁹ Здесь интересны корреляции со взглядами Д. Гентнер, полагающей, что «действительно значимые» аналогии базируются на отношениях *высших* порядков, таких, как «причина», «зависимость», «следование» и т. п. По Гентнер, структуры модели и прототипа должны рассматриваться как иерархии отношений (как раз это она и называет «систематичностью») [31, 32]. Заметим, однако, что в концепции А. Умова аналогии «по системным параметрам» являются хотя и важным, но всего лишь одним из классов аналогий.

9. Клонг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999.
10. Леоненко Л. Л. Принцип универсальности в параметрической общей теории систем и его экспликация средствами языка тернарного описания // Проблемы системных исследований. Новосибирск, 1985. С. 72–81.
11. Леоненко Л. Л. Язык тернарного описания // Философские исследования. 2000. № 2. С. 118–141.
12. Леоненко Л. Л. О мерах аналогичности структур текста // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке : материалы VIII Общерос. науч. конф., 24–26 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 386–389.
13. Леоненко Л. Л., Сараева И. Н. О применении языка тернарного описания к моделированию значений системных параметров и установлению общесистемных закономерностей // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник 1984. М., 1984. С. 181–193.
14. Леоненко Л. Л., Поддубный Г. В. Теория подобия конечных последовательностей и ее приложения к распознаванию образов // Автоматика и телемеханика. 1996. № 8. С. 119–131.
15. Леоненко Л. Л., Цофнас А. Ю. Об адекватности логического анализа философскому рассуждению // Вопр. философии. 2004. № 5. С. 85–98.
16. Тейс А., Грибомон П., Луи Ж. и др. Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию. М., 1990.
17. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. 4-е изд. М., 2003.
18. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы. М., 1978.
19. Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.
20. Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М., 1971.
21. Уемов А. И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник 1984. С. 152–180.
22. Уемов А., Сараева И. Метод аналогий как основа прогнозирования развития социально-экономических систем. Одесса, 1992.
23. Уемов А. И., Сараева И. Н., Цофнас А. Ю. Общая теория систем для гуманитариев. Wydawnictwo «Universitas Rediviva», 2001.
24. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания. Одесса, 1999.
25. Barbosa S., de Souza C. Making More Sense out of Users' Utterances [Электронный ресурс]. URL: http://peirce.inf.puc-rio.br/cgilua/cgilua.exe/serg/pub/sim/bs_ihc99.pdf
26. Blank D. S. Learning to see analogies: a connectionist exploration. Ph. D. thesis. Bloomington, Indiana University, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://dangermouse.brynmawr.edu/thesis>
27. Bledsoe W. W. A precondition prover for analogy // BioSystems. 1995. 34. P. 225–247 [Электронный ресурс]. URL: <ftp://ftp.cs.utexas.edu/pub/bshults/ATP-tech-reports/atp-116.ps>
28. Bourelly C., D'fourmeaux G., Peltier N. Building proofs or counterexamples by analogy in a resolution framework // Proc. of JELIA 96, LNAI 1126, Springer, LNAI, 1996. P. 34–49 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseer.ist.psu.edu/bourelly96building.html>
29. D'fourmeaux G., Peltier N. Analogy and Abduction in Automated Deduction // Proc. of IJCAI'97. Nagoya, Japan, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www-leibniz.imag.fr/ATINF/PUBLICATIONS/gilles-ijcai-97.ps.gz>
30. Eberle R. Nominalistic systems. Dordrecht : D. Reidel Publ. Co., 1970.
31. Gentner D. Structure-Mapping: A Theoretical Framework for Analogy // Cognitive Science 7. 1983. P. 155–170.
32. Gentner D. The mechanisms of analogical reasoning // Similarity and Analogical Reasoning / ed. S. Vosniadou & A. Ortony. L., 1989. P. 199–241.
33. Glazov D., Andronov S. Prerequisites of Artificial Intelligence for Geo-mechanical and Technological Systems // «Soviet Mining Journal». Oxford & IBH Publ. Co., Rotterdam. Vol. 1, № 3, Sept. 1987. P. 12–21.

34. *Heylighen F.* Bootstrapping knowledge representations: from entailment meshes via semantic nets to learning webs [Электронный ресурс]. URL: <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/BootstrappingPask.html>
35. *Holyoak K., Thagard P.* The Analogical Mind [Электронный ресурс]. URL: <http://cogsci.uwaterloo.ca/Articles/Pages/Analog.Mind.html#anchor47017924>
36. *Hummel J., Holyoak K.* Distributed Representations of Structure: A Theory of Analogical Access and Mapping // *Psychological Rev.* 1997. Vol. 104, № 3. P. 427–466 [Электронный ресурс]. URL: www.cog.brown.edu/courses/cg195/pdf_files/fall05/CG195HummelHolyak97.pdf
37. *Jani N. G., Levine D. S.* A neural network theory of proportional analogy-making // *Neural Networks*, 13 (2000). P. 149–183 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uta.edu/psychology/faculty/levine/janilevine2000.pdf>
38. *Kokinov B. N.* A hybrid model of reasoning by analogy // *Analogical Connections* / ed. K. J. Holyoak, J. A. Barnden. Vol. 2 of *Advances in Connectionist and Neural Computation Theory*. Ablex. 1994. P. 247–320 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseer.ist.psu.edu/kokinov94hybrid.html>
39. *Melis E., Veloso M.* Analogy in Problem Solving. 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseer.nj.nec.com/88636.html>
40. *Nakamura K., Iwai S.* Topological Fuzzy Sets as a Quantative Description of Analogical Inference and Its Application to Question-Answering Systems for Information Retrieval // *IEEE Trans. Syst., Man, Cybern.* Vol. SMC-12, № 2, Mar./Apr. 1982. P. 193–204.
41. *Quillian M. R.* Semantic memory // *Semantic Inform. Proc.* M. Minsky, ed. Cambridge, Mass, 1968. P. 227–270.
42. *Richter M., Wess S.* Similarity, Uncertainty and Case-Based Reasoning in PATDEX. 1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseer.ist.psu.edu/49639.html>
43. *Robertson S. I.* Is analogical problem solving always analogical? [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseer.nj.nec.com/robertson97is.html>
44. *Rohrer T.* The Metaphorical Logic of (Political) Rape Revisited: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10, no. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imvs.ru/IHPCS/MET/WebLibrary/Rohrer/Metaphor-and-the-Gulf-War.html>
45. *Silverman B. G.* Analogy in Systems Management: A Theoretical Inquiry // *IEEE Trans. on Systems, Man and Cybernetics*. Vol. SMC-13, № 6. Nov./Dec. 1983. P. 1049–1075.
46. *Smullyan R.* First-order logic. Sprinder, B., 1968.
47. *Sowa J. F.* Knowledge Representation: Logical, Philosophical, and Computational Foundations. Brooks Cole Publishing Co., Pacific Grove, CA, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jfsowa.com/krbook/index.htm>
48. *Spiers G. F.* An Analogical Reasoning Based Mathematics Tutoring System [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseer.nj.nec.com/spiers96analogical.html>
49. *Uyemov A.* The Language of Ternary Description as a Deviant Logic // *Boletim da Sociedade Paranaense de Matematica*. 1995. Vol. 15, № 1–2. P. 25–35; 1997. Vol. 17, № 1–2. P. 71–81; 1998. Vol. 18, № 1–2. P. 173–190.
50. *Uyemov A.* The Ternary Description Language as a Formalism for the Parametrical General Systems Theory // *Int. J. General Systems*. 1999. Vol. 28 (4–5). P. 351–366; 2002. Vol. 31 (2). P. 131–151; 2003. Vol. 32 (6). P. 583–623.
51. *Winston P. H.* Learning and Reasoning by Analogy // *Comm. ACM*. Dec. 1980. Vol. 23, № 12. P. 689–703.

Рукопись поступила в редакцию 1 декабря 2010 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 32.019.52 + 17.035.2

Н. В. Турыгина

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛИЗМА В ФЕМИНИСТСКИХ ТЕОРИЯХ

Статья посвящена проблеме универсализма в феминизме второй и третьей волны. Автор анализирует некоторые теоретические подходы к пониманию женского субъекта, продолжающие вызывать горячие споры об универсализме. В статье также раскрыты основные тенденции в феминистском дискурсе конца XX в. Особое внимание уделяется идеям С. Бенхабиб. Пересматривая этику и политику модерности/постмодерности, она развивает собственную концепцию «интерактивного универсализма».

Ключевые слова: феминизм, универсализм, женский субъект, опыт женщин, постмодернизм, различие, С. Бенхабиб, «интерактивный универсализм».

В конце XX — начале XXI в. феминизм сталкивается с серией социально-политических и экономических вызовов, в особенности с тем комплексом тенденций, которые называют «неолиберальной глобализацией», значительно меняющих теорию и практику общественно-политических движений. Карта феминистского движения сегодня стала более разнообразной и шире той, которая имела место на заре второй волны феминизма в 60–70-е гг. XX в. Во многих странах ведут работу женские неправительственные и правительственные организации, создаются женские транснациональные сети, происходит дифференциация и специализация женского движения (за права надомных работниц, права цветочниц, права уличных торговки, против биопиратства, за сохранение биологического многообразия и др.) [2]. Активно выходят на глобальную арену феминистки стран третьего мира, развивается так называемый религиозный феминизм, непонятный, чуждый для евро-американского эгалитарного феминизма. В силу этого нет единства взглядов и целей, нет очевидной связи между академической феминистской (и гендерной) теорией и практикой женских движений, нет единства между Западом и Востоком, Севером и Югом. Феминизм

стал настолько многообразен, что в академических кругах в настоящее время предпочитают вести речь о «феминизмах», и это наиболее точно отражает его современное состояние. Действительно, можем ли мы говорить, что феминизм как движение солидарности, основанное на идеалах равенства и справедливости, исчерпал себя?

Феминистская теория, вынужденная пересматривать свои цели и стратегии в соответствии с динамикой современности, предложила ряд концептуальных структур для анализа круга вопросов, связанных с перспективами развития феминистской теории и практики. Наиболее ценным, на наш взгляд, здесь является вопрос об универсализме, что и является предметом рассмотрения данной статьи.

Феминистская теория второй волны развивалась в русле критики андроцентристского знания, а ее целью стала артикуляция ранее исключаемого женского опыта, не представленного в патриархатной картине мира. Написание «женской» истории (*her-story*¹) нашло выражение в ряде проектов — в истории, философии, психологии и психоанализе, социологии, истории и теории культуры и др., в которых начинается реабилитация всего того, что репрессировалось «мужской» теорией (телесность, чувства, эмоции, сексуальность, репродукция и т. д.). Ведущую роль здесь играет категория опыта, через которую происходит манифестация аутентичности специфически женского опыта и способов его выражения. Как отмечает Дж. Скотт, категория опыта в XX в. становится метафорой видимости, прозрачности, открытости. Опыт начинает восприниматься как полное и активное сознание, чей авторитет заключается в его способности говорить самому за себя [7, 776–779]. Фиксация наиболее интимных переживаний и жизненных ситуаций становится особенно популярной в феминистской литературе, изобразительных практиках (концепции «женского письма», получившие теоретическое обоснование в трудах Э. Сиксу, Л. Иригарей). В социологии популярными становятся опыты и практики, которые не попадают в сферу мужского интереса в науке, — эмоции, страдания, сексуальность; в социальных исследованиях реабилитируются приватная сфера и повседневный опыт как предмет анализа [3]. Распространяются идеи так называемой феминистской (или гендерной) педагогики, делающей акцент на максимальном вовлечении личного опыта как преподавателя, так и обучающихся в образовательный процесс.

В социально-политической теории получают развитие концепции «материнского мышления» (С. Раддик), черный вуманизм (Э. Уокер, Д. Г. Уайт), экофеминистские теории (Ф. Дюбон), ставящие женский опыт в центр социально-политической практики. В целом феминистский лозунг «Личное значит политическое» нашел подтверждение в огромном количестве женских общественных акций, выносящих на повестку дня традиционно относимые к приватным, неполитическим вопросы сексуальности, репродукции, насилия, порнографии и т. д.

¹ Her-story (от англ. her — ее, story — история) — «ее история», или «история женщины». Неологизм, появившийся в конце 60-х гг. XX в. для обозначения истории, отражающей опыт и интересы женщин, в отличие от привычного history (his-story — «его история», или «история мужчины»).

Таким образом, феминизм второй волны сыграл фундаментальную роль в демонстрации возможностей практически ориентированной теории. Это стало возможным через допущение непосредственной связи между опытом, достоверным (истинным) знанием о нем и социально-политической практикой.

Однако критика «белого» феминизма еще в 70–80-х гг. показала, что существуют глубокие противоречия между господствовавшей в то время феминистской теорией и опытом женщин, интересы которых, как оказалось, не были представлены в теориях «белого буржуазного» феминизма. Представительницы цветного активизма отказались ставить категорию пола в центр исследования, оставляя без внимания многие другие параметры, такие, как цвет кожи, класс и проч. Более того, они показали, что феминизм, как и любое другое общественное движение и интеллектуальная практика, предполагает целый ряд исключений и защищает интересы лишь ограниченного круга женщин. Очевидно, что классический феминизм опирается на некоторое универсальное основание — «женщина». Однако, как задаются вопросом многие теоретики, существует ли область специфически женского («сущностного»), того, что тождественно будет для всех женщин, независимо от их возраста, статуса, класса, обстоятельств воспитания и уровня образования? (В равной степени этот вопрос можно отнести и к «мужчинам».) Очевидно, что феминизм абстрагируется от этих частных особенностей, закрывая глаза на различия в опытах и интересах. Следовательно, предполагаемая одинаковость женского опыта является теоретически несостоятельным и методологически опасным невниманием к различию.

В качестве примера критики эссенциалистских представлений о поле можно сослаться на идею Дж. Батлер о сконструированности женского субъекта: «В некотором смысле то, что обозначают женщины, слишком долго полагалось само собой разумеющимся, и то, что было зафиксировано как “референт” термина, было “зафиксировано”, нормализовано, обездвижено, парализовано на позициях субординации. В результате означаемое слилось с референтом, посредством чего набор значений был принят как нечто присущее реальной природе самих женщин» [1, 251].

Введенный в оборот термин «постфеминизм» ознаменовал глубокие трансформации самого феминистского дискурса 90-х гг. Лейтмотивом постфеминистского теоретизирования стало сомнение относительно самой общности и одинаковости опыта «бытия женщиной». Нацеленный на отстаивание факта различий среди женщин и мужчин в современном мире, как и интересов участниц женского движения, феминизм третьей волны начал развиваться в русле критики универсализма феминистской теории второй волны. Однако все это не могло не привести к дестабилизации ранее очевидных целей и стратегий феминизма. Более того, ряд теоретиков предположили, что такая «смертельная доза различия» приведет к смерти от собственной руки и эволюционному исчезновению феминизма [6].

Само собой разумеется, что феминистская теория вынуждена была ответить на следующий вопрос: если опыт женщин неоднороден, а интересы женщин, обусловленные их включенностью в разные социально-исторические контексты, не могут быть сведены к общему знаменателю, то как, в принципе,

возможны любая теория феминизма, которая имела бы право на сколько-нибудь обобщающие утверждения, и политика, целью которой была бы эмансипация всех женщин без исключения? И далее: как обстоит дело с такими универсальными ценностями, как свобода и справедливость, а также социальное, экономическое, политическое равенство, в основе которых лежит идея о тождественности всех человеческих существ? Как можно противостоять господствующей патриархатной власти, дискриминации сексуальных меньшинств, женщин и всех угнетенных не иначе, как с позиций универсальных ценностей? Таким образом, проблема универсального в феминистской теории оказалась одной из самых спорных, а посвященные ей дискуссии — самыми провокационными.

К примеру, постструктуралистский теоретик Дж. Батлер полагает, что в самой категории универсального заложена этноцентрическая необъективность. Приводя в качестве примера отступление Ирака от «универсальных» ценностей и его насильственное возвращение Соединенными Штатами Америки в лоно демократии, она стремится показать, что «принимать с самого начала процедурное или сущностное понятие универсального безусловно означает внедрять в поле социального понятие — «культурный гегемон». Следовательно, провозвещать это понятие как философский инструмент, улаживающий конфликты власти, означает как раз оберегать и воспроизводить позицию гегемонической власти, метаполитически учреждая ее как место предельной нормативности». И, чтобы не «жертвовать радикальным демократическим импульсом», полагает она, необходимо отстаивать необходимость конфликтов, «превратить “универсальность” в место непрерывной политической борьбы» [1, 240–241].

Наиболее перспективная модель универсализма в феминизме, на наш взгляд, принадлежит американскому политическому философу С. Бенхабиб. Свою концепцию интерактивного универсализма (или универсализма взаимодействия) она развивает в русле критики как просвещенческого догматического универсализма, так и всех постмодернистских стремлений обесценить универсальное, отстоять позитивность фрагментарности и приписать большую ценность столкновениям и конфликтам, нежели универсальным процедурам достижения согласия по поводу общего блага.

Подчеркивая ценность критики универсализма проекта Просвещения со стороны постмодернизма и коммунитаризма, она настаивает, что эта критика должна быть дополнена и в феминистской перспективе. В целом феминистская критика проекта Просвещения развернулась по нескольким направлениям.

Во-первых, основанием для критики здесь выступает представление об индивиде как превосходящей ценности, рассмотрение его как предшествующего социальным отношениям, как способного существовать вне их (если не фактически, то в теории). В частности, рассматривая западную философскую традицию, Бенхабиб отмечает один существенный аспект новоевропейского понимания индивида как атома, которое начинается с Гоббса, а в кантовской философии становится центральным. А именно: индивид-атом как будто бы не зависит и от самого биологического факта рождения, и от обстоятельств воспитания и образования. То есть человеческое бытие в новоевропейской мысли

анализируется как сверхприродное, где каждый не зависит от других до того времени, пока он сам не выберет себе те отношения, в которые затем он может включиться.

Во-вторых, мишенью для острой критики со стороны феминизма выступает идеал равенства всех индивидов, который, по сути, страдает излишним формализмом и абстрактностью. В данном случае феминистки критически заостряют внимание на способе обоснования концепции равенства в условиях социальной иерархии и власти. В частности, критике подвергаются теории общественного договора с их неоднозначным, противоречивым объяснением подчиненного статуса женщин.

В-третьих, тотальной критике подвергаются упор на разум и, как следствие, вытеснение проблематики тела, эмоций, заботы в моральной и политической жизни. Феминистки показали, как и почему дихотомия разум/тело является одним из центральных механизмов отказа женщинам в участии в публичной сфере как неразумным от природы. В просветительских трактовках женщина предстает в свете своей сущностной избыточной чувственности, неконтролируемой сексуальности, нерассудочности, инфантильности. Истинные добродетели женщины — самоотречение, скромность, целомудрие — тесно связываются с их неразвитыми интеллектуальными способностями и специфической биологической природой. Таким образом, в истории философской мысли женщинам приписывается ответственность за область чувственного, телесного, которые рациональный субъект, руководствующийся идеалами нейтральности и объективности знания, должен превзойти. Такую установку Дж. Флекс назвала «невинным знанием», т. е. интеллектуальным продуктом, якобы не связанным с личными интересами и установками, целью которого является открытие такой истины, «которая может сказать нам, как действовать в мире на пользу или во благо (хотя бы в итоге) всем» [4, 629].

Универсализм моральной и политической теории Нового времени С. Бенхабиб обозначает как замещающий (субституционалистский) универсализм. В работе «Находя себя: пол, общество и постмодернизм в современной этике» на примере теорий классиков философской и политической мысли она показывает, как происходит отождествление опыта и интересов специфической группы индивидов, а именно имеющих собственность, белых, европейских или североамериканских мужчин, с общечеловеческими. Эта группа выступает от имени всего человечества, а их теории представлены как если бы они были приложимы ко всем индивидам в равной степени. Бенхабиб видит причину этой новоевропейской «саги» автономности и рациональности субъекта в непрекращающемся страхе «конкретного другого», т. е. в нежелании признать уникальность и неповторимость конкретной личности, особенность его жизненного опыта, личных потребностей и интересов.

Разрабатываемая Бенхабиб концепция интерактивного универсализма направлена прежде всего на репрезентацию множественности различий среди людей. В противовес замещающему универсализму, который отчуждает «конкретного другого», заменяя его формальной идентичностью всех как тождественных рациональных существ, интерактивный универсализм, по мнению

Бенхабиб, учитывает индивидуальность субъектов, рассматривая их прежде всего как «конкретных других», с их желаниями и потребностями, специфическим опытом. Отсюда «универсализм» получает другую смысловую нагрузку: он понимается не как идеальная гармония, якобы изначальное общечеловеческое единство принципов морали, политики или культуры, а как непрекращающийся диалог, взаимодействие конкретных личностей (или групп) в процессе обсуждения норм, правил и защиты своих интересов. Таким образом, моральные, политические и любые другие общественные нормы здесь рассматриваются прежде всего как достигаемые системы договоренностей в рамках публичного диалога.

В истоках концепции интерактивного универсализма находятся теории общественного договора и представление о моральной автономии личности, в которых предполагается, что нормы и институты имеют силу только тогда, когда индивиды, способные к речи и действию, признают их таковыми в результате соглашения. Однако теоретики интерактивного универсализма пытаются преодолеть метафизические иллюзии Просвещения, настаивая на значимости коммуникативной формы рациональности, а не вневременных законов, устанавливаемых законодательным разумом. Коммуникативная рациональность предполагает наличие взаимопонимания между участниками коммуникации. Следовательно, вместо поиска кантовских универсальных максим ставятся следующие вопросы: «какие нормы и институты могут быть приняты членами идеального или реального коммуникативного сообщества, вовлеченными в особый вид аргументации и общения, как представляющие их общие интересы? Процедурная модель аргументативного праксиса заменяет молчаливый эксперимент мысли, предписанный кантовской проверкой на возможность универсализации» [5, 24].

Интерактивный универсализм Бенхабиб во многом опирается на идеи Ю. Хабермаса, но далеко не исчерпывается ими. Следует сказать, что отношение феминистских исследовательниц к Ю. Хабермасу нельзя назвать однозначным по целому ряду вопросов. Под сомнение ставится как сама возможность «идеальной речевой ситуации», так и неспособность коммуникативной прагматики Хабермаса объяснить существующие формы замалчивания опыта и интересов маргинальных групп. Предполагается также, что модель коммуникации Хабермаса воспроизводит оппозицию между разумом и желанием, так как обесценивает различия, аффективно-эмоциональные аспекты речи и скрытые мотивы коммуникаторов. Бенхабиб же настаивает на диалектическом альянсе с Хабермасом, полагая, что феминизм, заинтересованный в репрезентации множественных маргинальных, репрессированных опытов, должен «феминизировать» модель современного публичного пространства и «радикальный процедурализм» его теории. Она полагает, что прошло то время, когда в каждом голосе, апеллирующем к «мы» усматривали вестника универсалистской традиции, и настала пора пересмотреть наше отношение к универсальности. Настаивая на необходимости поиска согласия, она с сожалением констатирует, что некоторые теоретики слишком поспешно отказываются от понятия рационального и ответственного субъекта, прибегая к разнообразным постмодернистским вариантам «невидимой руки», управляющей наивными индивидами как марионетками.

Универсальность, по мнению С. Бенхабиб, должна выступать «как регулятивный идеал, который не отрицает нашу воплощенную и укорененную идентичность и направлен на развивающиеся моральные отношения и обнадеживающие политические трансформации, относительно которых может быть достигнута принятая всеми точка зрения» [5, 153].

В своих работах она доказывает, что пропагандируемая ценность различия не должна входить в противоречие с универсальными принципами социальной справедливости, равенства и демократического участия.

По мнению Бенхабиб, феминистский акцент на публичном дискурсе с требованиями открытости перспектив параллельно должен сопровождаться радикальной критикой господствующих режимов власти и знания. Феминизм как критическая теория помимо объяснения исторического подавления женщин должен развивать эмансипационный интерес через утопическую критику норм и ценностей существующего общества.

Таким образом, первоначально феминистское осмысление проблемы универсализма осуществлялось в русле критики андроцентристского общества и знания. Игнорирование или подавление опыта женщин, прежде всего связанного с рождением и воспитанием детей, стало мишенью для острой критики в феминизме второй волны. В первую очередь критике подверглась современная (особенно в просветительской версии) интерпретация человека как рационального существа, способного преодолеть эмоционально-телесную сторону жизни. Наделяя такого рационального субъекта атрибутами всеобщности и необходимости, современная теория общества, морали и права выводила все «частное», «случайное», «эмоциональное» и «интимное» за пределы публичного универсального дискурса, в зависимую от природы сферу приватного. В этой частной — не подпадающей под действие универсальных законов — сфере на уровне повседневных практик поддерживались отношения доминирования и подчинения, но они были лишены публичного содержания под маркером «личное дело каждого». Феминистская критическая реконструкция границ публичного и приватного показала, как эти границы исторически и культурно конструируются, как эти границы разделяют опыты, практики и интересы на значимые и незначимые, предполагая тем самым неравный доступ к общественно-политическим ресурсам. Отсюда включение приватного — «частного» — опыта в научные, философские и политические дискурсы стало необходимым шагом в процессе деуниверсализации субъекта и знания, которое он производит.

На смену интерпретации субъекта как универсального, автономного и рационального пришло понимание его как противоречивого и гетерогенного, возникающего на пересечении множества культурных практик и дискурсов. И вполне закономерным итогом деуниверсализации субъекта стало обращение феминистской теории к собственному основанию — к женщинам. Женщинам, которые, как оказалось, тоже представляют собой продукт универсализации, полученный в результате абстрагирования от всего «частного» и «случайного». Все увеличивающееся расхождение стратегий женского движения, а также парадигмальные войны в феминизме конца XX в. наилучшим образом доказали это.

Проблема репрезентации *различия* среди женщин (как и мужчин) существенно трансформировала и обогатила феминистскую теорию. Сегодня она все больше приобретает статус широкой социальной критической теории, вовлекая в орбиту исследования все больше переменных. В новейшем феминизме категория пола все больше уравнивается в правах с другими категориями: классом, религией, этносом, сексуальной ориентацией, возрастом и др. Кроме того, дискуссия, возникшая вокруг категории различия, значительно усложнила контекст осмысления универсализма. Бесспорно, постмодернистская заостренность на множественности, различии и фрагментарности сыграла свою несомненно положительную роль в трансформации феминистской теории. Однако в свете современных усиливающихся политических, культурных и гендерных конфликтов принцип универсализма необходим, но он должен рассматриваться как реальный нормативный инструмент их урегулирования. В этой связи концепция интерактивного универсализма является примером конструктивного переосмысления модерной традиции феминизмом. С подобным переосмыслением связан дальнейший и, на наш взгляд, самый плодотворный период в истории феминизма.

---

1. *Батлер Дж.* Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков ; СПб., 2001. С. 235–258.

2. *Вихтерих К.* Женщины в условиях глобализации / пер. с нем. Д. А. Широковой ; Фонд имени Генриха Белля. М., 2005.

3. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // «Open Women Line» — информационная программа РОО «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты», Москва [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_fem_krit_soc.htm, свободный (дата обращения: 25.05.2010).

4. *Флекс Дж.* Конец невинности // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 : хрестоматия. С. 626–648.

5. *Benhabib S.* Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. N. Y., 1992.

6. *Hawkesworth M.* The Semiotics of Premature Burial: Feminism in a Postfeminist Age // Signs. (Summer, 2004). Vol. 29, № 4. P. 961–985.

7. *Scott J.* The evidence of experience // Critical Inquiry. (Summer, 1991). Vol. 17, № 4. P. 773–797.

Рукопись поступила в редакцию 7 сентября 2010 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 351(44) + 351(470)

**О. П. Кузнецова
Е. А. Юмаев**

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

На примере деятельности органов государственного управления Франции рассмотрены опыт проведения реформы государственного управления и промежуточные результаты ее реализации. Представлены особенности ревизии государственной политики, формирования органов власти будущего. Полученные результаты могут быть использованы в федеральных органах исполнительной власти и в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации при корректировке программ и мероприятий, ассоциированных с реформой государственного управления.

Ключевые слова: Франция, государственное управление, модернизация, реформа.

В настоящее время в Российской Федерации продолжается процесс активного реформирования, имеющий конечной целью коренную модернизацию органов власти. Модернизация всех сфер экономики, объявленная президентом РФ Д. А. Медведевым в качестве национального приоритета, включает в себя и совершенствование государственного аппарата, административных процедур. Успехи в реформировании государственного управления являются залогом решения поставленной президентом России задачи — модернизации в общенациональном масштабе всех сфер экономики и жизнедеятельности. В связи с этим несомненную значимость имеет передовой зарубежный опыт реформирования государственного управления. Наибольший интерес, по нашему убеждению, представляет французский подход. Это обусловлено двумя обстоятельствами: во Франции традиционно, как и в России, значительна роль государственного вмешательства в экономику (чего нельзя сказать о других передовых странах планеты); кроме того, реформа государственного управления начала

реализовываться в 2007 г., в настоящий момент происходит оценка первых ее результатов и корректировка процесса реализации, что делает актуальным использование лучших ее достижений.

Информационной базой исследования выступили отчеты, пресс-релизы, сообщения, размещенные на официальных интернет-порталах органов власти Франции, уполномоченных проводить реформу государственного управления.

Реформа государственного управления, названная беспрецедентной, проводится под самым пристальным вниманием высшего политического руководства Франции [11]. Отмечается, что только так можно добиться строгого исполнения заявленных сроков и обеспечить прозрачность процесса реформирования. Старт преобразованиям был дан 20 июня 2007 г. по инициативе президента Франции. Изменения будут проходить по четырем направлениям: приспособление задач и обязанностей государства к новым условиям, упрощение взаимодействия госструктур с пользователями их услуг, улучшение условий приема и качества обслуживания граждан в присутственных местах, повышение эффективности деятельности органов власти при снижении затрат на их функционирование [8]. Большое внимание также уделено модернизации системы управления человеческими ресурсами с целью создания улучшенных условий для реализации профессиональной деятельности, совершенствования образовательных программ, повышения заработной платы и ротации госслужащих.

Среди французских граждан имеется серьезное недовольство качеством оказываемых им государственных услуг, причем они отмечают, что в последние годы ситуация не просто ухудшалась, а деградировала [9]. В данном случае стоит заметить, что проблема недовольности граждан от общения с органами власти носит интернациональный характер. Объяснить этот феномен можно следующим образом: среди пользователей госуслуг значительную долю составляют пассивно либо критически настроенные граждане, потому истинная оценка может быть получена только от прагматичных граждан.

Основные полномочия по реорганизации возложены на Министерство бюджета, государственных расходов, функций и реформы Франции. С целью информационной поддержки процесса реформирования и обеспечения его прозрачности в сети Интернет создан целый ряд информационных ресурсов: специальный раздел «Модернизация государства» на сайте Министерства бюджета, государственных расходов, функций и реформы Франции (www.budget.gouv.fr); портал «Ревизия государственной политики» (www.rgpp.modernisation.gouv.fr); портал «Модернизация государства» (www.modernisation.gouv.fr); портал «Взаимодействие с административными структурами через Интернет» (www.connexion.mon.service-public.fr); портал Института национальных достижений (www.performance-publique.fr); раздел информации о заседаниях по теме модернизации государственного управления (www.bercy.gouv.fr/cessions/); портал «Упрощаем вместе» (www.ensemble-simplifions.fr).

Организационно процесс обновления подразделяется на ревизию государственной политики, структурные преобразования в рамках французского правительства и совершенствование процедуры взаимодействия граждан с органами

власти [5]. Проведение качественной диагностики потребовало создания 26 групп экспертов, которые искали ответы на вопросы: что было сделано, каковы потребности и ожидания общества, кто должен делать, кто должен платить, как сделать лучше и дешевле, каким должен быть сценарий изменений? На этой основе были подготовлены предложения Совету по модернизации государственной политики, который по состоянию на март 2010 г. принял 374 меры. В специальном циркуляре премьер-министра от 18 марта 2008 г. была определена ответственность каждого министра. Далее в структуре каждого министерства было создано специальное подразделение, которое координировало вопросы проведения реформы.

Претворение в жизнь принятых решений происходит посредством специальных «листов исполнения» (*La feuille de route*), которые по каждому решению включают:

1) четкое указание ответственного за реализацию проекта, на которого возлагается обязательство по достижению требуемого результата и определению плана действий. Исполнитель обеспечивается необходимыми средствами и инструментами. Он отчитывается о своих действиях перед комитетом своего министерства, координирующим проведение реформы;

2) календарь реализации, амбициозный и вместе с тем реалистичный;

3) определение индикаторов для контроля за ходом реализации реформы. На исходных позициях были определены трехгодичные траектории изменения индикаторов, их значения оцениваются по прошествии каждого года. Результативность не ограничивается лишь эффективностью расходования государственных средств;

4) определение условий, наличие которых требуется для успешного завершения проекта, например необходимость межминистерской кооперации по отдельным аспектам реформы.

Предусматривается проверка всех процедур на соответствие реалиям современного периода. Отмечается, что процесс реформирования объективно не может быть быстрым. Процесс модернизации требует взаимодействия всех правительственных структур; чтобы их действия не были хаотичными, создана Главная дирекция модернизации государства, цель которой — гарантировать успех ревизии государственной политики, обеспечить достижение целей реформирования государства, способствовать адаптации государственных обязательств к ожиданиям граждан, гарантировать эффективность предоставления государственных услуг, добиваться достижения равновесия в бюджетной сфере, исполнять решения Совета по модернизации [7].

Пристальное внимание уделяют эксперты роли индикаторов, которые должны стать рычагами модернизации. В своем докладе «Модернизация государства, качество государственных услуг и индикаторы» депутат Национальной ассамблеи Франсуа Корню-Жантий (*François Cornut-Gentille*) замечает, что государственное управление может рухнуть под натиском показателей. Один только закон о финансах установил на 2009 г. 1178 индикаторов [9], кроме них в других сферах определяются свои индикаторы. При этом подавляющее их большинство на практике никому не нужны.

Мишелем Диефенбашером (Michel Diefenbacher) выделены критерии, на основании которых могут быть отобраны индикаторы, способствующие проведению модернизации. Они должны являться предметом глубокого и постоянного социального диалога на всех уровнях, их число должно быть ограничено, они должны быть объективно измеримы и понятны для всех, индикаторы необходимо непрерывно отслеживать и рассчитывать.

В качестве основных рекомендаций по использованию индикаторов Франсуа Корню-Жантий в своем докладе предлагает:

- сконцентрировать модернизацию государства вокруг лишь нескольких основных индикаторов, объединенных и межминистерских (касающихся вначале преимущественно сроков предоставления услуги);
- для обеспечения прозрачности публиковать информацию о значении индикаторов в открытом доступе;
- создать национальную федерацию пользователей государственных услуг, чтобы предоставить гражданам возможность диалога с органами власти;
- вовлекать ответственных за предоставление государственных услуг служащих к формированию перечня индикаторов и их содержательного наполнения;
- вознаграждать ответственных за предоставление государственных услуг служащих за достижение существенных результатов в деле повышения качества взаимодействия с гражданами;
- обсуждать индикаторы модернизации государственных услуг во время рассмотрения законопроектов.

Диалог с населением является неотъемлемой частью реформы государственного управления Франции. Его центром является сайт «Упрощаем вместе» (www.ensemble-simplifions.fr), где граждане могут оставить предложения по упрощению процесса предоставления конкретной государственной услуги. Кроме того, в электронном и печатном виде распространяются небольшие брошюры, содержащие максимум информации о ходе реализации реформы госуправления, написанные простым, доступным языком (см., например, [3]). Особо отметим «Сетевые письма по модернизации государства» (*La lettre du réseau de la Modernisation de l'État*), публикуемые на портале, посвященном ревизии государственной политики (www.rgpp.modernisation.gouv.fr).

Запуск процесса модернизации привел к тому, что практически все структурные подразделения французского правительства усилили свое присутствие в сети Интернет, уточнили и расширили номенклатуру информации, публикуемой в свободном доступе, запустили интерактивные сервисы для пользователей (см., например, [2]). Этот процесс координируется федеральными властями в рамках развития технологий электронного правительства для максимального использования преимуществ, которые дают Интернет и мобильная связь. По мнению группы французских экспертов, электронное правительство оправдывает возложенные на него надежды, если будут реализованы следующие мероприятия [4]:

- дробление и специализация сайтов, ориентированных на оказание государственных услуг, во избежание перегруженности их информацией;
- стандартизация внешнего вида и сервисов сайтов государственных структур, посредством которых оказываются государственные услуги;

- введение единой авторизации пользователей (логин/пароль) для всех сайтов, предоставляющих государственные услуги, разрешение цифровой подписи;
- гарантирование равного доступа к сервисам;
- упрощение оплаты заказанных услуг посредством электронных платежей;
- внедрение специальных профилей для различных групп пользователей;
- развитие персонализированного сервиса в виде напоминания о сроке уплаты или оповещения об экстренных ситуациях посредством коротких текстовых сообщений или электронных писем;
- совершенствование сервисов с той позиции, что пользователь есть центральное звено процесса государственного управления, его оценки являются основой развития сервиса и повышения его инновационности;
- разработка новой инновационной платформы для организации портала в сети Интернет для распространения информации;
- становление сообщества взаимопомощи по распределенной модели «вопрос-ответ».

Более подробно считаем необходимым остановиться на одной из самых пострадавших от кризиса сфере — государственных финансах. Собственно, мировой финансово-экономический кризис в немалой степени поспособствовал резкому ускорению процесса их обновления [1]. В рамках процесса модернизации государственного управления Франции государственные финансы подверглись коренному пересмотру. Были выделены направления организующих действий для государства в целом и для непосредственных исполнителей [10]. Государство берет на себя следующие обязательства: четко определять стратегические приоритеты в сфере государственных финансов; создать единый вышестоящий надзорный орган, который станет координировать действия непосредственных исполнителей политики в сфере государственных финансов; определять вознаграждение руководителям-исполнителям в зависимости от достигнутых успехов; заключать с наиболее важными исполнителями договоры о том, каких результатов они должны достичь. Что касается исполнителей, от которых во многом зависит эффективность государственных расходов, то они должны модернизировать систему управления человеческими ресурсами с тем, чтобы повышать производительность труда на 1,5 % в год, уменьшить на 10 % расходы на свое функционирование в течение 3 лет, реформировать систему управления недвижимым имуществом из расчета, что на одного служащего должно приходиться 12 м² площади; повысить прозрачность и точность расчетов; активизировать взаимодействие с инвалидами.

С момента запуска реформы государственного управления ежегодно публикуется отчет о результатах за прошлый год; последний, третий по счету, вышел в феврале 2010 г. [12]. В каждом из них отмечается заметный сдвиг в сторону поставленной цели. Третий отчет начинается с того, что задуманная реформа является самой масштабной за всю историю Франции как самостоятельного государства, происходит полная структурная перестройка и внутри государственного аппарата, и в его взаимодействии с пользователями государственных услуг.

Отметим некоторые достигнутые результаты: впервые в 2010 г. расходы на функционирование госструктур уменьшались по отношению к уровню прошлого года; впервые общая площадь недвижимости, занимаемая органами власти, сократилась сразу на 140 тыс. м²; впервые с 1980 г. снизилась численность государственных служащих общегосударственных структур, при этом за указанный период значительная часть полномочий в рамках процесса децентрализации была передана на муниципальный уровень или автономным организациям. Из всей совокупности намеченных мероприятий (374 наименования), направленных на модернизацию государственного управления, 77 % реализуются без сбоев, строго по намеченному графику; 20 % отстают от графика, но это вызвано в основном техническими трудностями, требующими принятия незначительных корректирующих решений; 3 % по различным причинам реализуются медленными темпами, но принимаются меры для активизации их исполнения. Иными словами, 97 % намеченных мероприятий реализуются и уже приносят значительные результаты.

За сравнительно небольшой период достигнуты конкретные результаты в принципиальном упрощении взаимодействия граждан с налоговыми органами, в сокращении сроков выдачи запрашиваемых документов; запущены новые порталы в сети Интернет, облегчающие обращение граждан в органы власти; достигнута значительная экономия бюджетных средств [6]. Процессом реформирования охвачены все государственные структуры; и хотя реформа еще не завершена, Франция уверенно движется к созданию обновленных госструктур, эффективных и удобных для граждан, к новой системе оценки труда государственных служащих и повышению результативности расходования средств государственного бюджета.

---

1. 2-ème rapport d'Etape au President de la Republique // Révision générale des politiques publiques [Electronic resource]. URL: <http://www.rgpp.modernisation.gouv.fr/index.php?id=21> (дата обращения: 21.03.2010).

2. Direction de l'information légale et administrative // Portail du Gouvernement [Electronic resource]. URL: <http://www.gouvernement.fr/gouvernement/direction-de-l-information-legale-et-administrative> (дата обращения: 21.03.2010).

3. État d'avancement des 15 mesures lancées le 19 octobre 2009 (Février 2010) // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: www.budget.gouv.fr/actus/pdf/100212_bilan_15_mesures.pdf (дата обращения: 22.03.2010).

4. L'administration numérique doit passer à la vitesse supérieure // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: http://www.budget.gouv.fr/actus/suite/100212_relation_numerique.htm (дата обращения: 21.03.2010).

5. La mise en œuvre des réformes RGPP // Révision générale des politiques publiques [Electronic resource]. URL: <http://www.rgpp.modernisation.gouv.fr/index.php?id=10> (дата обращения: 21.03.2010).

6. La révision générale des politiques publiques affiche ses premiers résultats // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: http://www.budget.gouv.fr/actus/suite/100216_rgpp_rapport_03.htm (дата обращения: 20.03.2010).

7. La RGPP en pratique (septembre, 2008) // Révision générale des politiques publiques [Electronic resource]. URL: <http://www.rgpp.modernisation.gouv.fr/index.php?id=22> (дата обращения: 21.03.2010).

8. Modernisation de l'État // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: http://www.budget.gouv.fr/themes/reforme_etat/index.htm (дата обращения: 20.03.2010).

9. Modernisation de l'État, qualité des services publics et indicateurs (Rapport de Monsieur François Cornut-Gentile, député de Haute-Marne) // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: http://www.budget.gouv.fr/themes/reforme_etat/index.htm (дата обращения: 20.03.2010).

10. Opérateurs de l'État: vers une gouvernance équilibrée avec des règles claires et communes // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: http://www.budget.gouv.fr/actus/suite/091203_nouvelle_gouvernance.htm (дата обращения: 20.03.2010).

11. Révision générale des politiques publiques [Electronic resource]. URL: <http://www.rgpp.modernisation.gouv.fr/> (дата обращения: 21.03.2010).

12. RGPP: troisième rapport d'étape (février, 2010) // Ministère de Budget, des Comptes publics, de la Fonction publique et de la Réforme de l'État [Electronic resource]. URL: http://www.budget.gouv.fr/actus/suite/100216_rgpp_rapport_03.htm (дата обращения: 20.03.2010).

Рукопись поступила в редакцию 31 мая 2010 г.

УДК 327.7 + 341.24

**В. С. Ким
Н. А. Комлева**

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена рассмотрению таких проблем развития Шанхайской организации сотрудничества на современном этапе, как сложности в принятии новых членов, а также противоречия в отношениях между отдельными государствами — членами ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, членство в организации, противоречия развития.

Прошло почти десять лет после создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В канун юбилейной даты принято подводить определенные итоги, рассматривая в том числе и основные проблемы, решение которых позволит обеспечить эффективное развитие.

На заседании Совета глав государств (СГГ) — членов ШОС, состоявшемся в Ташкенте 10–11 июня 2010 г., были отмечены определенные успехи организации.

Так, участники заседания СГГ ШОС признали, что свидетельством возросшей роли ШОС со стороны ООН является подписание 5 апреля 2010 г. в Таш-

кенте Совместной декларации о сотрудничестве между секретариатами ШОС и ООН.

Используя исключительно политико-дипломатические методы, ШОС способствовала снятию напряженности в регионе Центральной Азии (ЦА) в ходе так называемых ошских событий 2010 г., подтвердив приверженность принципам государственного суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенных государств [1, 3].

Повышение значимости ШОС отражается также и в том, что скептическое отношение к этой организации со стороны Запада во главе с США сменилось стремлением снизить ее дееспособность. Для этого предпринимаются попытки вовлечь государства — члены ШОС в альтернативные межгосударственные региональные объединения (проекты «Большой Ближний Восток», «Каспийский страж», «Большая Центральная Азия») без участия в них Китая и России.

Несколько иную позицию занимает Япония, которая стремится к сотрудничеству с ШОС — прежде всего с его центральноазиатской составляющей. В условиях растущей нестабильности на Ближнем Востоке, памятуя о негативных последствиях нефтяного кризиса 1973 г., Япония посредством сотрудничества с ШОС стремится получить доступ к углеводородным запасам политически более стабильной Центральной Азии. Странам ЦА предлагается формат сотрудничества «Япония + ЦА». В рамках этого формата, также являющегося альтернативой ШОС, Япония оказывает помощь странам ЦА в объеме нескольких миллиардов долларов. Под этот проект подводится теоретическое обоснование. Так, профессор Акихиро Ивасита утверждает, что «ШОС необходимо избавиться от негативного отношения к себе, которое усиливается на Западе. А сделать это можно за счет приглашения новых членов — развитых стран» [2, 159]. По инициативе Иваситы в ШОС введен статус «партнер по диалогу». Он был предоставлен в 2009 г. Белоруссии и Шри-Ланке. Такой статус надеется обрести и Япония. Она готова даже стать учредителем Банка ШОС, предлагая введение собственной валюты ШОС.

Задачи, решение которых пришлось на первое десятилетие функционирования ШОС, были в основном задачами регионального значения. Вступая в новое десятилетие, организация выходит на более высокий международный уровень. В непростой обстановке обострения межнациональных конфликтов и террористической угрозы в ряде стран — членов ШОС продолжают следовать сформировавшемуся в организации «шанхайскому духу», включающему взаимное доверие, равенство, уважение к многообразию культур, принятие решений на основе консенсуса; ни одна страна или межгосударственный союз не рассматривается как противник или объект противостояния [3, 20]. Привлекательность принципов «шанхайского духа», борьба с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом («три зла» современности) привели к тому, что все более актуальными становятся вопросы принятия в организацию новых членов.

Вместе с тем расширению этой организации препятствуют изначально заложенные в Хартии ШОС некоторые правовые нормы. Так, статья 13 Хартии ШОС в общих чертах поясняет основные критерии членства в ШОС:

— необходимость быть государством;

- принадлежность к региону ШОС;
- соблюдение целей и принципов ШОС;
- принятие на себя обязательств, вытекающих из Хартии и других документов ШОС.

Согласно Хартии «другие государства региона» могут быть приняты в ШОС. Однако документ не дает ответа на вопрос, что следует понимать под термином «регион ШОС». Поскольку аутентичный текст Хартии составлен на китайском языке, необходим точный перевод китайского иероглифа «чжоу», содержание которого обычно приравнивается к значению термина «регион». Однако иероглиф «чжоу» имеет несколько значений: область, штат, земля, материк, континент, наносный остров. Думается, что не только сложность перевода иероглифа является причиной появления правовой неопределенности в Хартии ШОС. Однако без решения вопроса о точной трактовке термина «регион ШОС» («чжоу») дальнейшее расширение ШОС выглядит проблематичным.

Во всех декларациях ШОС относительно вопросов построения более справедливого политического и экономического миропорядка подчеркивается верховенство международного права. Следовательно, принципы международного права необходимо соблюдать и при определении понятия «регион». Необходимым признаком международно-правового контекста понятия «регион» является географический компонент. Международно-правовой регион, не соотнесенный с рамками географического региона, есть не что иное, как область международно-правового регулирования, выделяющаяся в соответствии с рядом признаков (сходство политического курса, осуществляемого государствами региона, общие интересы, культурно-историческая общность населения государств региона). Совокупность указанных признаков не определяет полного соответствия территориальных пределов и региона географического расположения межгосударственного объединения. Уже сегодня с ШОС связаны государства-наблюдатели (Индия, Пакистан, Иран, Монголия), что говорит об определенной степени их включения в данную региональную систему международных отношений. Именно поэтому регион ШОС как система отношений шире, чем совокупная территория государств-участников, и охватывает также страны, юридически не являющиеся членами ШОС, но активно сотрудничающие с данной организацией. Позиция ШОС на современном этапе состоит в том, чтобы, не решая пока вопроса о членстве указанных государств в ШОС, углублять практическое сотрудничество с государствами-наблюдателями в конкретных областях.

По мнению ряда российских исследователей, возможны следующие варианты развития ШОС:

1) *антизападный* — ШОС превратится не только в средство борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма, но и в скрытый ресурс России и Китая для сдерживания США и Запада в ЦА;

2) *прозападный* — ШОС неизбежно превратится в проамериканскую организацию;

3) *конформистский* — ШОС перейдет к открытой модели сотрудничества с США и другими организациями Запада как в экономической, так и в военно-политической области [4, 327].

Проблема состоит в том, что официально ШОС декларирует, что заинтересована в активации взаимодействий с государствами-наблюдателями, однако ни одно заявление государств-наблюдателей на вступление в ШОС удовлетворено не было.

Государства — члены ШОС сходятся во мнении, что пока нужно повременить с расширением организации, ссылаясь на необходимость детально проработать процедуру приема новых членов. Эта позиция предопределена следующими обстоятельствами.

Во-первых, члены ШОС понимают, что от их решения зависит дальнейшее место и роль организации в мировом сообществе.

Во-вторых, вхождение в ШОС Индии и Пакистана, который в последнее время особенно нестабилен в политическом плане, может снизить эффективность ШОС, поскольку внешнеполитические интересы Индии и Пакистана существенно разнятся, а это может привести к конфликту.

В-третьих, однозначное решение о расширении за счет стран-наблюдателей может в данный момент поставить ШОС в щекотливое положение в связи с обращением Ирана о вступлении в это межгосударственное объединение. Иран, как известно, является «пороговым государством», и его ядерная программа вызывает осуждение так называемых «развитых демократий» современного мира, а также России и Китая как ведущих стран ШОС. С одной стороны, рано или поздно придется рассмотреть заявку Ирана на вступление в ШОС и сделать какие-то жесты по отношению к нему, с другой — на фоне обострения ситуации вокруг иранской ядерной программы принятие этой страны в региональную международную организацию могло бы придать ей так называемый блоковый характер, что противоречит положениям основополагающей Хартии ШОС.

Спорная ситуация с иранским членством в ШОС отразилась и на представительстве Ирана на саммите СГГ ШОС в Ташкенте. После длительных консультаций между руководителями России и Китая и президентом Казахстана, председательствующим в ОБСЕ, было принято решение не приглашать для участия в Ташкентском саммите президента Ирана Махмуда Ахмадинежада. Исламскую Республику Иран на саммите представлял глава МИД Ирана Манучехр Моттаки. Реакцией Ирана на отклонение участниками саммита заявки этого государства на членство в ШОС послужило увольнение с поста министра иностранных дел Манучехра Моттаки, на место которого был назначен, по сообщениям иранских источников, специалист по ядерным технологиям. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, видимо, теперь будет искать двусторонние контакты со странами ШОС, расположенными в регионе ЦА, учитывая, что в Ташкенте кандидатуру Ирана отстаивала делегация такой центральноазиатской страны, как Таджикистан.

Не только Иран, но и другие государства-наблюдатели, получившие этот статус еще пять лет назад на саммите глав государств ШОС в Астане, ожидали положительного решения относительно приема новых членов в ШОС. Однако СГГ ШОС принял Положение о приеме, в котором содержались оговорки, не дающие возможность незамедлительного расширения организации. Одна из них гласит, что необходимо как минимум на год продлить мораторий на принятие

новых членов. Согласно пункту, касающемуся непосредственно Ирана, в ШОС не могут быть приняты страны, находящиеся под санкциями ООН. Данный пункт был включен в текст Положения, учитывая тот факт, что в отношении Ирана была принята соответствующая резолюция Совета Безопасности ООН. Россия и Китай поддержали антииранские санкции, так как не пожелали идти на обострение отношений с ЕС и США.

Помимо проблем, связанных с расширением состава ШОС, перед ней стоят вопросы совершенствования механизма взаимоотношений стран, уже являющихся членами ШОС.

Как известно, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан являются еще и членами СНГ и ЕврАзЭС, что в определенной мере не устраивает Китай. Китай же, в свою очередь, участвует в объединении АСЕАН+3. При этом все упомянутые интеграционные объединения предполагают создание зон свободной торговли, где, скорее всего, с течением времени доминирующую роль будет играть Китай, что не устроит уже Россию.

К тому же ШОС дублирует многие функции Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) стран СНГ, куда входят большинство государств — членов ШОС, что тоже не приветствуется Китаем.

Таким образом, внутри ШОС сложилась своеобразная линия раздела: с одной стороны — Китай, с другой — все остальные государства ЦА и Россия, которые готовы наращивать сотрудничество с КНР, но одновременно испытывают опасения в связи с ее растущим могуществом.

Самым серьезным препятствием развитию ШОС может стать проявляющееся ныне расхождение политических и экономических интересов РФ и КНР. Высокие темпы экономического развития Китая требуют постоянного увеличения потребления энергоносителей. Китай заинтересован в ЦА как в надежном поставщике энергоресурсов. Участие в ШОС дает Китаю возможность легитимно присутствовать наряду с Россией в ЦА, которая всегда считалась именно российской сферой влияния. Уже сейчас Китай стремится втянуть страны ЦА в свою экономическую орбиту посредством внушительных финансовых вливаний.

Выгоды сотрудничества с Китаем, казалось бы, очевидны: из Китая в государства ЦА, являющиеся составной частью ШОС, поступают инвестиции, расширяются их торговые связи с Китаем, потребности растущей китайской экономики обеспечивают стабильный спрос на углеводородное сырье, добываемое в ЦА. Однако налицо и возможная перспектива чрезмерной привязанности ЦА к китайской экономике.

Несмотря на имеющиеся проблемы функционирования и развития, на наш взгляд, главную свою функцию ШОС выполняет: сейчас это не только фактор сдерживания американской экспансии в регионе, но и действенный инструмент региональной экономической интеграции и кооперации.

---

1. Декларация десятого заседания Совета глав государств — членов ШОС 10–11 июня 2010 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4.

2. *Болятко А. В.* Взаимодействия России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. М., 2008.
3. Конференция по проблемам Центральной Азии и Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1.
4. *Ходжаев А.* Китайский фактор в Центральной Азии. Ташкент, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 1 декабря 2010 г.

УДК 327.7(417) + 327.7(470) + 327.7(510) + 327.7(574) + **Б. Г. Фаткулин**
+ 327.7(479.22) + 327.7(479.25) + 327.7(479.24)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮЖНО-КАВКАЗСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС И РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Статья посвящена последним тенденциям в развитии российско-иранских отношений в связи с принятием на ташкентском саммите ШОС новых требований к государствам, пожелавшим повысить свой статус страны-наблюдателя до статуса постоянного члена ШОС. Освещаются стратегия Ирана по преодолению международной изоляции, политика Ирана по усилению своих позиций на Южном Кавказе, двусторонние отношения Ирана с государствами Южного Кавказа.

Ключевые слова: Иран, Россия, ШОС, статус наблюдателя ШОС, Китай, Казахстан, Грузия, Армения, Азербайджан, ташкентский саммит ШОС, международные санкции в отношении Ирана, геополитика, транспортные коридоры, Каспийское море.

Проблемы, вызванные мировым экономическим кризисом, поставили перед российской внешней политикой задачу поддерживать международный статус страны, в том числе и за счет создания так называемых «модернизационных» альянсов с другими странами, включая США, в целях привлечения необходимых для модернизации ресурсов. Проект «перезагрузки» отношений с США также направлен на достижение этой цели.

Означает ли это, что модернизационный вектор развития приведет к потере позитивной динамики, которой российская внешняя политика добилась в отношениях со странами, не входящими в клуб «модернизаторов». Этот вопрос относится и к российско-иранским отношениям и связан со стратегическими интересами России в регионе Южного Кавказа.

Присоединение России к санкциям против Ирана, выжидательная позиция в вопросе повышения статуса Ирана в ШОС, проявившаяся в ходе ташкентского саммита ШОС, дают основания полагать, что роль Ирана в качестве потенциального партнера России в регионе Южного Кавказа серьезно недооценивается.

Иран, единственная страна региона, заявившая о своем желании вступить в ШОС, является одним из главных игроков на геостратегическом уровне на

Кавказе. Соответственно признание Ирана в качестве полноправного члена ШОС помогло бы расширить рамки ШОС, активизировать ее деятельность на южно-кавказском направлении.

Событием, которое заставило Иран по-новому взглянуть на свои геополитические возможности, стали неутешительные для Ирана решения ташкентского саммита ШОС, который ознаменовался принятием резолюции, затрудняющей принятие Ирана в число членов Организации. По решению стран, обладающих членством в ШОС, заявки на прием будут рассматриваться после принятия Меморандума об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса члена ШОС. Документ этот еще находится в стадии разработки. Решения, принятые на ташкентском саммите ШОС, в частности решения о том, что страны, попавшие под действие международных санкций, не могут претендовать на полноценное членство в ШОС, свидетельствуют о том, что вступление Ирана в Организацию откладывается на неопределенную перспективу. Как и прежде, ШОС будет охватывать в основном центральноазиатское направление и служить мостиком между Китаем, Россией и государствами Центральной Азии.

Последние события свидетельствуют о том, что основные партнеры России по ШОС Казахстан и Китай намерены установить двусторонние отношения с Ираном и кавказскими государствами. К примеру, Казахстан предлагает не спешить с отменой моратория на прием новых членов. Как подчеркнул министр иностранных дел Казахстана Канат Саудабаев в своем выступлении на пленарном заседании Совета министров иностранных дел государств — членов ШОС, «Казахстан в целях дальнейшего стабильного развития Организации считает принципиально важным, чтобы потенциальные кандидаты в члены ШОС не попадали под санкции Совета Безопасности ООН» [1]. Иран, которому такие санкции сейчас грозят, пока не может рассчитывать на то, чтобы стать полноправным членом этой организации.

Кроме того, страны ШОС пришли к выводу, что при возможном приеме в члены Организации необходимо четко оговорить: двусторонние проблемы отдельных стран никоим образом не должны влиять на взаимодействие в рамках ШОС. Речь, судя по всему, идет о существующих противоречиях между Индией и Пакистаном, которые также хотели вступить в организацию.

В последнее время Россия вынуждена так или иначе поддерживать санкции, направленные против Ирана, что, естественно, вызывает отрицательную реакцию со стороны этого государства и ведет к ослаблению российско-иранского сотрудничества.

Иранская сторона будет стараться ослабить нарастающую политическую и экономическую изоляцию, расширить влияние на Южном Кавказе и не допустить вполне возможный военный удар США/НАТО с этого направления. Ослабление внимания России к Ирану может повлечь за собой перемены в балансе сил на Южном Кавказе.

Сегодня Иран в своей экономической стратегии заинтересован в обеспечении рынков для своих товаров, разработке нефти и газа, развитии сети по транспортировке энергоносителей в государства Центрально-Азиатского и Южно-Кавказского регионов.

Три южнокавказских государства — Грузия, Армения и Азербайджан — при формировании своих подходов к развитию региона во многом учитывают фактор российско-иранских отношений. Каждое из них по-разному смотрит на роль России в этом регионе. В случае ослабления позиций России альтернативой коридору «Север — Юг» может стать коридор «Европа — Кавказ — Азия», который не подразумевает активной роли России [2].

Отказ ШОС от развития отношений с Ираном вынуждает Иран переключиться на свое ближнее зарубежье. При этом Южный Кавказ становится объектом пристального интереса ИРИ. Усиление изоляции Ирана вынудит его искать возможности прорвать блокаду, заключая двусторонние связи с каждой из стран Южного Кавказа. Теперь, встревоженный санкциями, Иран разрабатывает новые отношения с Грузией, Арменией и Азербайджаном в надежде вернуть былую роль региональной силы, устанавливает новые торговые отношения, чтобы не дать Южному Кавказу стать военной базой для США. Трудно сказать, останется ли в этих отношениях место для российских интересов.

Южный Кавказ является ближним зарубежьем для Ирана. Страны Южного Кавказа объединяет общая история. Объединившись между собой, государства Южного Кавказа смогут отстаивать свои интересы сообща, в том числе и в диалоге с Россией. Подобный территориальный союз возник на западных границах России, он называется «Балтия». Это три государства, примерно равные по территории, промышленному потенциалу, с общей историей. Страны Балтии довольно скоро смогли выработать общий курс в отношении России, этой солидарной позиции они придерживаются и сейчас. В отличие от стран Балтии и к счастью для внешних политических акторов Южный Кавказ представляет собой совокупность разных государств, с разной религией и разными интересами. Разобщенность государств Южного Кавказа позволяет внешним силам активно воздействовать на политику в регионе.

Отказ России от активной политики в отношении Ирана может привести к еще большему усилению грузино-азербайджанского альянса. Иран, так же как и Россия, с большим вниманием следит за его развитием. Грузия и Азербайджан расположены в едином географическом пространстве. Их объединяют геополитические интересы и вопросы национальной безопасности. Азербайджан через Грузию может выйти к Черному морю, Грузия, в свою очередь, через Азербайджан выходит к берегам Каспия. Политические интересы Баку и Тбилиси на Кавказе дополняют друг друга.

Рассмотрим особенности дипломатической активности Ирана на примере каждого из государств Южного Кавказа.

Грузия, член 27 международных организаций, имеет дипломатические отношения со 177 странами, в более 20 странах имеет посольства, также является членом таких серьезных структур, как ООН, ОБСЕ, Организация Евроатлантического сотрудничества (ЕАП), Организация черноморского экономического сотрудничества (BSJS) и программы мирных инициатив НАТО (PIP) [3]. Иран настойчиво ищет возможности расширить свое влияние. Грузия и Иран расположены по соседству, и у них есть сегодня резерв отношений, которым может воспользоваться Вашингтон, установив негласные косвенные отношения

с антизападным теократическим Ираном через посредника — проамериканскую демократическую Грузию. Грузия может стать площадкой для осторожных американо-иранских контактов. Страна, считающаяся вратами восточно-западного коридора, пользуется доходами от транспортировки энергоресурсов региона и имеет геостратегическое значение. Поэтому соседние и зарубежные страны стремятся к налаживанию связей с Грузией. Отметим, что Россия также заинтересована в развитии отношений с Грузией, но вследствие неадекватной политики грузинского руководства не имеет для этого достаточных предпосылок. Российско-грузинские отношения и дальше будут находиться в заблокированном состоянии: пока Михаил Саакашвили остается у власти, каких-либо шагов со стороны России по любым серьезным вопросам ожидать не приходится.

3 ноября 2010 г. подписано ирано-грузинское соглашение о безвизовом режиме, согласно которому граждане обеих стран смогут ездить друг к другу на срок до 45 дней без оформления виз. Кроме того, открыто консульство ИРИ в Батуми и возобновлено прямое авиасообщение между Тбилиси и Тегераном, прерванное в 2000 г.

Явное охлаждение российско-иранских отношений заставило Грузию пересмотреть свое отношение к Ирану. Показателем, актуальным для Грузии, выступил фактический отказ ИРИ от признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Другой составной частью современной политики Тбилиси по отношению к Ирану является существующая там «малая Грузия» — Ферейдан, иранцы грузинского происхождения, некогда насильно угнанные иранским шахом на принудительное поселение. Число ферейданцев, по подсчетам грузинских политиков, достигает 300 тыс. человек [4].

Аналогичную роль играет и отмена визового режима Грузией для жителей Южного федерального округа России. Данным шагом грузинское руководство показало, что жители Кавказа являются более комплиментарными по отношению к Грузии, чем жители остальной России. В прошлом году Тегеран предложил Тбилиси помощь в строительстве ГЭС, открыл консульство в Грузии, отправил в эту страну 15 тыс. своих туристов.

Иран предложил Армении построить железную дорогу стоимостью в 1,2 млрд долларов, которая соединит Армению с иранской железнодорожной сетью.

Кроме Ирана ни одно государство региона, в том числе и Армения, выступающая главным союзником России на Кавказе, не является членом ШОС, наблюдателем ШОС и никогда не выступало с инициативой войти в ШОС.

Восстановление Великого шелкового пути предполагает геополитическое сотрудничество между Азербайджаном и Грузией. Грузия и Азербайджан считаются коридорами Кавказа. Через территории этих двух государств казахстанская нефть и зерно, узбекский хлопок найдут себе дорогу в Европу.

Через Шелковый путь оба государства могут поддерживать тесные отношения с Японией, Китаем, Ираном, Турцией, Украиной, Россией, Европой, странами Средиземноморья и т. д. [5].

С точки зрения Армении в настоящее время армяно-иранские отношения развиваются достаточно успешно. В конце 2008 г. началась поставка в Армению иранского природного газа по газопроводу Тебриз — Мегри — Каджа-

ран — Арарат мощностью до 2,6 млрд куб. м газа в год. Оплата за полученный газ осуществляется поставками в ИРИ электроэнергии. Ранее Армения получала природный газ только из России транзитом через Грузию. В настоящее время между Арменией и Ираном действуют две высоковольтные линии электропередачи, посредством которых между двумя странами осуществляются сезонные взаимоперетоки электроэнергии. Сейчас рассматривается сооружение еще одной такой линии напряжением в 400 кВ. Стоимость этого проекта составляет около 100 млн евро.

Между странами уже построена одна и строятся еще две современные шоссейные дороги, подписано соглашение о прокладке из Ирана в Армению железной дороги. По предварительным данным, стоимость последней составит 1,8 млрд долларов, из которых 1,4 млрд предоставит Иран, а оставшуюся часть — ОАО «Российские железные дороги».

Несмотря на существенное улучшение ирано-азербайджанских отношений в последние годы, на них по-прежнему оказывают влияние следующие негативные факторы. Во-первых, Тегеран продолжает активно сотрудничать с Ереваном, что создает серьезную брешь в транспортной блокаде армянской территории. Во-вторых, по мнению руководства Азербайджана, права огромной азербайджанской диаспоры (по некоторым оценкам, ее численность составляет 20 млн человек, что превышает 25 % всего населения страны) в ИРИ постоянно ограничиваются. В-третьих, Республика Азербайджан поддерживает тесные отношения с основным иранским внешним противником — США, что неизбежно приводит к дополнительным трениям в ирано-азербайджанских отношениях, в частности по вопросу размещения на Южном Кавказе американских военнослужащих. В-четвертых, неопределенность статуса Каспийского моря не только затрудняет эксплуатацию его ресурсов, но и создает условия для возможного вооруженного конфликта между Тегераном и Баку. В-пятых, ИРИ и Республика Азербайджан как экспортеры углеводородного сырья являются конкурентами на европейском рынке природного газа [6].

Иран больше всего беспокоит возможность присутствия американского контингента на Южном Кавказе. Известно, что США предложили пользоваться Габалинской РЛС совместно с Россией. Иран беспокоит, что американские военные могут прийти в регион и тем самым создать опасность для Ирана.

Транспортные проекты с Арменией и Азербайджаном и безвизовый режим с Грузией позволят Ирану достичь прогресса в своей кавказской политике. Развитые коммуникации в какой-то степени переориентируют рынки кавказских стран на юг, и Тегеран усилит свое влияние в регионе.

В чем причина нежелания стран ШОС принять Иран в ШОС согласно его желанию? По нашему мнению, причина подобного шага заключается в том, что ключевые страны ШОС (Россия, Китай, Казахстан) стремятся самостоятельно строить отношения с Ираном. Так, будучи страной, не имеющей прямых выходов к международным морским транспортным маршрутам, Казахстан заинтересован в развитии международных транспортных коридоров, проходящих через территорию Грузии. На Каспии Казахстан развивает морской порт Актау, который мог бы стать связующим звеном по маршруту движения товаров Азия —

Актау — черноморские порты Грузии — Европа. Являясь важным мировым экспортером зерна, Казахстан заинтересован в создании новых экспортных маршрутов для выхода на мировые рынки. Казахстан приобрел грузинский порт в Батуми, через который планирует экспортировать свое зерно в Европу.

Тем не менее вступление Ирана в ШОС в целом отвечает интересам каждого из государств — членов ШОС и могло бы открыть перед организацией новые перспективы.

---

1. Выступление действующего председателя ОБСЕ, Государственного секретаря — министра иностранных дел Республики Казахстана К. Б. Саудабаева на пленарном заседании Совета министров иностранных дел государств — членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sco2011.kz/interview/72/>

2. *Давиташвили З.* Грузия — нейтралитет или западная ориентация? // Центральная Азия и Кавказ (Central Asia and the Caucasus) / Центр социально-политических исследований, Швеция. 2002. № 5(23). С. 109–116.

3. *Salamasi-Zadeh M.* A Look at Georgia's Historical Geograph: First Century to the End of the 10th century Hejira // Amu Darya. Iranian J. of Central Asian Studies. Tahran. Winter 2000. Vol. 4, № 4. P. 540–562.

4. *Гаджиев К. С.* Геополитика Кавказа. М., 2003.

5. *Дегоев В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

6. *Искандер В.* Геополитическая ситуация на постсоветском пространстве (Центральная Азия, Закавказье) и внешняя политика России (1991–1997 гг.). М., 2000.

Рукопись поступила в редакцию 1 декабря 2010 г.

УДК 327(470) + 327(474)

Р. С. Мухаметов

РОССИЯ И СТРАНЫ БАЛТИИ: ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются нерешенные проблемы в российско-балтийских отношениях. Автор изучил причины дискриминации прав русскоговорящего населения в Эстонии, Литве и Латвии. Много внимания уделено попыткам балтийских государств переписать историю Второй мировой войны и снизить роль СССР в разгроме нацистской Германии. Автор считает, что проблема «советской оккупации» продолжает оставаться источником напряженности в отношениях между Россией и странами Балтии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: переписывание истории Второй мировой войны, марши ветеранов «Ваффен СС», дискриминация национальных меньшинств, концепция «советской оккупации».

Балтийское направление внешней политики России входит в комплекс вопросов обеспечения гуманитарных, военно-политических и торгово-экономических интересов страны. Балтия для России важна как стратегический регион

обеспечения нормального развития торгово-экономического сотрудничества со странами дальнего зарубежья посредством использования ее транспортных коммуникаций. В свою очередь, Россия для Балтии — естественный торгово-экономический партнер, от восстановления хозяйственных связей с которым зависят и экономическое благополучие, и подъем жизненного уровня населения.

В отношениях России и балтийских государств существует целый ряд проблем, нерешенность которых тормозит их развитие. Но главной проблемой в российско-балтийских отношениях на пути их конструктивного развития является вопрос о положении русского и русскоговорящего населения в странах Балтии.

Поддержка российских соотечественников за рубежом, всемерная защита их прав и законных интересов отнесена президентом России к числу приоритетных направлений внешней политики. Москва стратегически заинтересована видеть зарубежных соотечественников полноправными, законопослушными гражданами своих государств, сохраняющими свою этнокультурную самобытность. Поэтому российская сторона акцентирует внимание своих балтийских партнеров на необходимости решения вопросов, связанных с сохранением культурной и гуманитарной среды соотечественников, а именно с использованием русского языка, получением образования на родном языке, доступом к русскоязычным СМИ. На официальном уровне такая политика получила свое оформление в феврале 1997 г. с принятием МИД РФ программы «Долговременная линия России в отношении стран Балтии».

Основные проблемы, с которыми сталкиваются наши соотечественники в странах Балтии, сводятся к следующим.

Во-первых, проблема массового безгражданства. Она возникла в связи с тем, что власти Латвии и Эстонии отказались автоматически предоставить гражданство всем постоянным жителям этих стран после обретения независимости. Такого права были лишены те, кто приехал в Латвию и Эстонию после их вхождения в состав Союза ССР в 1940 г., а также их потомки, родившиеся на территории этих балтийских республик [16]. На сегодняшний день статус «негражданин» имеют около 360 тыс. жителей Латвии (16 % населения), из них 67 % — этнические русские. Наиболее благополучной с этой точки зрения считается Литва, которая в вопросе о предоставлении гражданства пошла на «нулевой вариант», предоставив гражданство всем ее жителям. Более 90 % российских соотечественников имеют литовское гражданство [17].

Во-вторых, в отношении данной категории жителей, как и всего русскоязычного населения, проводится политика дискриминации в социально-экономической области. Так, неграждане не имеют права голоса даже на муниципальных выборах. Они не получили равных прав на участие в приватизации и до сих пор ограничены в праве на приобретение земли [6].

В-третьих, дискриминация русских выражается и в последовательном сужении сферы применения русского языка. В частности, они лишены права обращаться на русском языке во властные структуры, включая муниципалитеты, даже в местах компактного проживания, получать на нем официальную

информацию [15]. В Латвии и Литве русский язык не используется (запрещено на законодательном уровне) даже в сфере частного предпринимательства, во взаимоотношениях коммерческих структур [10]. Иными словами, русский язык исключен из официального употребления и используется лишь в быту и при личном общении.

Другая тревожная тенденция в сфере функционирования русского языка на постсоветском пространстве — демонтаж системы образования на русском языке. Так, в Латвии с 1 сентября 2004 г. введена программа обязательного перевода старших классов всех государственных и муниципальных средних школ и профессионально-технических училищ на обучение только на латышском языке. В Литве с 1999 г. русский язык исключен из перечня обязательных выпускных государственных экзаменов при окончании средней школы. Полностью ликвидировано обучение на русском языке в государственных вузах стран Балтии [9].

Среди причин дискриминации русскоязычного населения можно назвать следующие:

- дискриминация русскоязычного населения — это своего рода месть за национальное унижение, репрессии, депортации, которые титульное население балтийских стран пережило в сталинский период;

- дискриминация явилась реакцией на то, что многие из приехавших в Прибалтику после войны так и остались «чужеродным телом», поскольку не знали и не хотели знать язык, историю, культуру балтийских стран, считаться с национальными обычаями и традициями их народов;

- за счет дискриминации и «выдавливания» из страны иноязычного населения власти балтийских государств стремились обеспечить более или менее нормальные условия труда и быта для титульного населения [4, 39].

Решение вопроса неграждан по-прежнему считается одним из главных внешнеполитических приоритетов России в странах Балтии. В двусторонних отношениях России с балтийскими государствами вопрос о положении русскоязычного населения должен неизменно присутствовать в повестке дня политического диалога, переговоров различного уровня. Эффективное решение наиболее острых проблем соотечественников, проживающих в Латвии и Эстонии, составляет важное условие формирования отношений добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и ее балтийскими соседями.

В российско-балтийских отношениях сохраняются и застарелые проблемы, которые составляют довольно заметный негативный фон двусторонних связей. Среди них важное место занимает вопрос о возмещении ущерба странам Балтии за время их пребывания в составе Союза ССР. После восстановления независимости Эстонии, Литвы и Латвии в этих государствах началось обсуждение разного рода материальных претензий, которые они могли бы предъявить России как правопреемнице СССР.

Большинство других проблем двусторонних отношений связаны с трактовкой властями стран Балтии периода пребывания республик в составе Советского Союза как «оккупации». Так, во исполнение Декларации латвийского сейма от 12 мая 2005 г. «Об осуждении осуществлявшейся в Латвии политики тоталитарно-коммунистического оккупационного режима СССР» правительство этой

страны создало в августе 2005 г. специальную комиссию, которой поручено «выдвигать требования к Российской Федерации по возмещению ущерба, нанесенного государству Латвии и ее населению в результате деятельности оккупационного режима». В задачи комиссии входит обобщение сведений о депортациях, создание единой базы данных о политически репрессированных, расчет размера ущерба, причиненного экономике, социальной сфере, окружающей среде, культуре и науке Латвии [18]. Убытки, которые понесла республика от пребывания в составе СССР, специальная комиссия оценила в 18,5 млрд долларов. Только окружающей среде Латвии, как следует из отчета комиссии, направленного в правительство, советская власть нанесла ущерб на сумму около 675 млн долларов [11].

Стоит отметить, что соседи Латвии уже проводили подобные исследования и обнародовали их результаты. К примеру, в Эстонии изучение размеров ущерба, причиненного советской оккупацией, началось еще в 1992 г. В итоге была составлена так называемая Белая книга, согласно которой за годы советской и фашистской оккупаций Эстония потеряла около 180 тыс. человек. Компенсацию за каждого погибшего эстонские эксперты не рассчитывали, однако ущерб, причиненный Советской армией эстонской экологии, был оценен ими в 4 млрд долларов [5].

Летом 2000 г. литовский сейм принял Закон «О возмещении ущерба, причиненного оккупацией СССР», которым обязал правительство страны определить размер ущерба, сформировать делегацию для переговоров с Российской Федерацией по вопросу возмещения ущерба. Правительственная комиссия подсчитала, что Литва должна добиваться от РФ как правопреемницы СССР в качестве возмещения ущерба выплаты 20 млрд долларов. 30 июня 2005 г. сейм одобрил резолюцию «В связи с 65-летней годовщиной начала советской оккупации и первой массовой высылки в ссылку литовских граждан», призывающую Россию признать факт советской оккупации государств Балтии, и выразил надежду, что ущерб будет выплачен [13].

То есть, требуя от России признания факта «оккупации», эти государства хотят получить юридическое основание для того, чтобы добиться судебным путем возмещения «ущерба». Отказ Москвы признать «оккупацию» они подают чуть ли не как основную причину напряженности в российско-балтийских отношениях.

Страны Балтии принимают документы, которые вводят судебную ответственность за отрицание или оправдание «советской агрессии». В частности, в сентябре 2009 г. парламент Литвы одобрил поправки к Уголовному кодексу, согласно которым штраф, арест или лишение свободы сроком до двух лет грозит тому, кто публично выскажет одобрение агрессии СССР или нацистской Германии против Литвы, отрицает или умаляет ее [2].

Знаковым событием в этом смысле стало переписывание истории в балтийских государствах. Так, в марте 2007 г. президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес подписал поправки к Закону «О праздниках и знаменательных датах», согласно которому день 22 сентября становится Днем памяти сопротивления. Под сопротивлением авторы закона понимают «борьбу против оккупации», а

в ряды «борцов» попадают эстонцы, воевавшие против Советской армии в составе частей гитлеровской Германии, а также «лесные братья». До восстановления независимости Эстонии в этот день отмечалось освобождение Таллина от фашистов и по традиции ветераны Великой Отечественной войны и жители столицы возлагали венки и цветы на могилы советских воинов [3].

Логика российской стороны хорошо известна и не претерпела особых изменений. Российская сторона неоднократно подчеркивала, что она придерживается иной, чем страны Балтии, оценки событий, в том числе и обстоятельств вхождения прибалтийских государств в состав бывшего Союза ССР. В этой связи Москва считает необоснованными попытки предъявлять России те или иные претензии.

По мнению российских экспертов, главное, чему служит концепция «оккупации», это оправдать дискриминацию нетитульного населения, лишить политических и социально-экономических прав значительную часть постоянных жителей Латвии и Эстонии, закрепить власть в этих странах за определенными этнократическими группами [8]. У большинства граждан России нет никаких сомнений, что именно концепция «советской оккупации» стала основой лишения наших соотечественников в Латвии и Эстонии элементарных гражданских прав, проведения в отношении их ассимиляционной политики, прежде всего в сфере языка и образования.

Одним из самых тяжелых практических последствий тезиса об оккупации являются, с одной стороны, преследование в странах Балтии ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [19], а с другой стороны, стремление реабилитировать лиц, сотрудничавших с гитлеровцами [20, 221].

Еще одним фактором, осложняющим двусторонние отношения России со странами Балтии, является преследование в этих государствах ветеранов-антифашистов при фактической безнаказанности пособников нацистов.

Серьезно отягощает двусторонние отношения продолжающиеся в странах Балтии попытки реабилитировать бывших членов организации «Ваффен СС» и их пособников. Крайне негативную реакцию в России вызывают линия балтийских соседей на пересмотр итогов Второй мировой войны, непрекращающиеся попытки представить бывших эсэсовцев, повинных в тяжелых военных преступлениях, «героями борьбы за свободу и независимость». В частности, согласно решению Правительства Эстонии борцами за независимость страны и против оккупации в период Второй мировой войны будут объявлены все граждане Эстонии, сражавшиеся за освобождение республики, независимо от того, воевали они против Советского Союза или гитлеровской Германии [1].

Москва неоднократно высказывала возмущение проведением в балтийских государствах шествий бывших членов фашистской организации «Ваффен СС», чьи преступления осуждены Нюрнбергским трибуналом. Так, в Риге шествие бывших эсэсовцев проходит ежегодно 16 марта, в день создания латвийского легиона. Мероприятия ветеранов «Ваффен СС» проводятся и в Эстонии. Москва считает неприемлемым любые попытки героизации пособников нацизма.

Дополнительным раздражителем в российско-балтийских отношениях остается продолжающееся в странах Балтии восхваление пособников нацистов на фоне судебного преследования ветеранов-антифашистов. В частности, в Латвии идет судебное преследование гражданина России, ветерана Великой Отечественной войны В. М. Кононова, обвиняемого в ликвидации местных пособников гитлеровцев в деревне Малые Баты в мае 1944 г., когда были убиты девять человек. Шестеро являлись полицейскими, трое — членами их семей [7].

Отношения между Россией и странами Балтии осложняются и из-за того, что в последних предпринимаются попытки на законодательном уровне поставить знак равенства между воинами антигитлеровской коалиции и теми, кто сражался против них на стороне гитлеровской Германии. Так, в июне 2008 г. литовский сейм принял поправки к закону о собраниях, согласно которому запрещается использование нацистской и советской символики во время массовых мероприятий — митингов, пикетов, демонстраций [12]. Кроме того, были установлены суммы штрафов за демонстрацию советской символики. Так, около 300 евро штрафа грозит тому, кто вздумает разгуливать по литовским городам и селам с советским или нацистским флагом или другой атрибутикой. Это максимальное наказание. Минимальный штраф составляет 150 евро [14]. Другими словами, парламент Литвы уравнивал нацистскую и советскую символику, поставил в один ряд преступления нацистов и подвиг советского народа, внесшего решающий вклад в освобождение Европы от фашизма.

Как нам представляется, идея уравнивать политику СССР в этот период с действиями гитлеровской Германии, которая вела в Европе агрессивную войну с целью порабощения или уничтожения целых народов, абсурдна в силу одного того очевидного факта, что именно благодаря усилиям Союза ССР был обеспечен разгром гитлеровской Германии.

За выходом стран Балтии из Союза ССР последовал пересмотр итогов Второй мировой войны. Заговорили о «советской оккупации», взялись устанавливать памятники легионерам «Ваффен СС», поощряли шествия эсэсовцев, создавали музеи, подобные музею «борьбы за освобождение Эстонии» в Лагеди или музею «оккупации» Латвии в Риге.

Таким образом, главное препятствие сближению России со странами Балтии — это принципиальные расхождения в интерпретации советского периода совместной истории. Отсутствие взаимопонимания по ключевому для балтийских стран вопросу ведет к глубокому взаимному недоверию. Конечно, полностью фактор истории из двусторонних отношений изъять невозможно, но свети его влияние до разумного минимума, как нам кажется, Россия и страны Балтии в состоянии.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что российско-балтийские отношения имеют серьезный объективный потенциал для поступательного развития. Однако для того, чтобы вывести их на стезю истинного добрососедства, необходимы последовательные усилия по преодолению старых мифов, которые их обременяют и служат препятствием на пути развития равноправного, взаимовыгодного сотрудничества.

1. Бывшие эсэсовцы Эстонии признаны борцами за независимость [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
2. В Литве будут сажать за отрицание советской агрессии [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
3. В новый праздник Эстония будет чтить «борцов против оккупации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 03.08.2010).
4. *Вахрамеев А. В.* Россия и страны Балтии // Бизнес и политика. 1998. № 1. С. 38–45.
5. Волна народного возмущения // Коммерсантъ. 2008. 29 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 1.10.2010)
6. Выступление посла России в Латвии В. И. Калужного на Дипломатическом салоне по теме: «Российско-латвийские отношения на современном этапе» от 3 июня 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 02.08.2010).
7. Дело ветерана Великой Отечественной войны Василия Кононова. Справка от 17.05.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 03.08.2010).
8. *Демуриш Н. В.* Россия и Балтия: дело не в истории // Россия в глобальной политике. 2005. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
9. Доклад МИД РФ «Русский язык в мире», 2003 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 02.08.2010).
10. К вопросу о роли русского языка в мире (справочная информация МИД РФ, 13.02.2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 02.08.2010).
11. Латвия требует \$18 млрд за советскую «оккупацию» [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
12. Литва приравняла серп и молот к свастике [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
13. Литва требует от России заплатить за «оккупацию» [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
14. Литва установила суммы штрафов за советскую символику [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
15. О положении русскоязычного населения в странах Балтии (справочная информация МИД РФ, 05.03.2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 02.08.2010).
16. Положение русскоязычного населения в Латвии и Эстонии (справочная информация МИД РФ, 22.07.2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 02.08.2010).
17. Российские соотечественники в странах СНГ и Балтии : справка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 03.08.2010).
18. Российско-латвийские отношения (справочная информация МИД РФ от 23.03.2009) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 02.08.2010).
19. *Соколов В., Литвинов А.* Москве пора потребовать от Вильнюса компенсации // Независимая газета. 2000. 28 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru> (дата обращения: 04.08.2010).
20. *Черниченко С. В.* Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. 2004. № 7/8. С. 212–225.

Рукопись поступила в редакцию 7 сентября 2010 г.

ГЕОПОЛИТИКА

УДК 327 + 321 + 316.75

Н. А. Комлева

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОЩЬ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, АКТОРЫ

В статье рассматривается феномен идеологической мощи как средства осуществления геополитической экспансии в идеологическом пространстве. Анализируются различия в сущности и структуре идеологической мощи государства и такого геополитического актора негосударственной природы, как глобальные корпорации. Утверждается, что геополитическая мощь государств в значительной степени замещается мощью глобальных корпораций. Дается прогноз развития идеологической мощи глобальных корпораций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мощь, совокупная мощь геополитического актора, идеологическая мощь, государство, глобальные корпорации.

Мощь — одна из базовых категорий геополитической науки, обозначающая конкурентные возможности геополитического актора в геополитической борьбе, т. е. его реальную способность к геополитическому расширению (экспансии).

Совокупная мощь геополитического актора, на наш взгляд, определяется объемом и качеством ресурсов и технологий, позволяющих ему эффективно осуществлять экспансию во всех типах геополитических пространств. При этом ресурсы реализации любого типа геополитической мощи, как представляется, делятся на материальные и ментальные. Важна также специфика (совокупные характеристики) актора (акторов), реализующего данный тип мощи. Таким образом, структура любого типа геополитической мощи тройная: 1) ресурсы; 2) технологии; 3) акторы.

Классическая геополитика знала лишь один тип пространства — географическое, следовательно, признавала только один тип геополитической мощи — военную силу, так как силовой захват является основным, а часто и единственным способом экспансии в географическом пространстве. Поскольку военная

сила в ее наиболее развитом состоянии может принадлежать только государству, то основным актором геополитического процесса классическая геополитика полагала государство.

Холодная война, с ее акцентом на экономическое и идеологическое противоборство и постиндустриальный этап мировой истории с его информационной революцией принесли понимание того, что типологию геополитических пространств необходимо расширить. Появились понятия «экономическое пространство» и «информационное пространство». Информация распространяется двумя основными способами — через кибернетические и через идеологические системы и сети. В соответствии с этим можно выделить информационно-кибернетическое и информационно-идеологическое пространства. В каждом из упомянутых нетерриториальных пространств существует собственный, специфический тип экспансии, обусловленный свойствами данного пространства, и соответственно свой тип геополитической мощи.

Смысл геополитической борьбы в любом типе пространства — приобретение ресурсов развития. Основными ресурсами для выживания человеческих сообществ являются ресурсы географического пространства, поскольку человек по своей базовой характеристике — биологическое существо. Конечно, человек из всех биологических существ обладает наибольшей степенью развития разума, т. е. его вторая базовая характеристика — *sapience*, а на этой основе уже и *faber, ludence, etc.* Однако ментальные процессы не существуют без биологического субстрата, поэтому, как бы ни хотелось вознести «царя природы» над природой самой по себе, базовые биологические потребности человека и человеческих сообществ определяют охоту за ресурсами прежде всего географического пространства. Тем не менее в современном обществе с его ядерным оружием и иными возможностями обороны от вооруженного вторжения, представленными научно-технической революцией середины прошлого века, в соединении с ментальными возможностями обороны, базирующимися на концепции прав человека, силовой захват природных ресурсов больше не является таким же относительно простым делом, как в традиционном и индустриальном обществах. Единственный выход для экспансиониста — развитие его идеологической мощи¹ и осуществление экспансии прежде всего в идеологическом пространстве общества-реципиента для того, чтобы стимулировать общество-реципиент предоставить ресурсы своего географического пространства без военного сопротивления, а также для минимизации его экономического и идеологического сопротивления.

Современная эпоха — это эпоха информационно-идеологических войн. Они намного дешевле «горячих войн», ведущихся в географическом пространстве, а их результаты никогда не опротестовываются эффективно и сохраняются неизмеримо дольше, чем результаты военных кампаний. К тому же, поскольку эти войны протекают без видимых жертв и разрушений, они не умаляют престижа актора-экспансиониста, не отнимают его символического капитала.

---

¹ Понятие идеологической мощи было введено в научный оборот автором данной статьи в 2002–2003 гг. [6, 7].

И финансово-экономический, материальный и символический капитал экспансиониста не только не расходятся, но приращиваются, умножаются в результате актов «тихой» идеологической агрессии.

Таким образом, идеологическая мощь геополитического актора сегодня намного важнее всякой другой. Здесь необходимо отметить, что геополитические пространства, так же как и совокупная геополитическая мощь, имеют иерархический порядок, параметры которого меняются в зависимости от специфики конкретной эпохи всемирной истории.

Вплоть до XX в. основными были географическое пространство и соответственно военная мощь. Непосредственно вслед за ними — по важности — шли экономическое пространство и экономическая мощь, определяющие возможности экспансии в географическом пространстве, и замыкали данный порядок идеологическое пространство и идеологическая мощь. Информационно-кибернетическое пространство и информационно-кибернетическая мощь появляются лишь во второй половине XX в. и в геополитической иерархии помещаются, на наш взгляд, ниже всех других, поскольку кибернетические коммуникации, как и всякие иные, являются вспомогательным средством развития экономической и идеологической мощи. Однако это «средство» настолько важно, что в современном мире эффективная экспансия в любом типе геополитического пространства становится невозможной без его использования.

Порядок геополитических пространств и геополитической мощи изменяется начиная с середины XX в. (информационная революция, появление оружия массового поражения как «оружия сдерживания»). На первое место выходят идеологическое пространство и идеологическая мощь.

Какова же сущность, структура и основные средства осуществления идеологической мощи? Каковы основные направления ее развития?

На наш взгляд, *идеологическая мощь* — это реальная способность геополитического актора к экспансии в идеологическом пространстве, которая определяется совокупностью его ментальных ресурсов, технических возможностей (технических ресурсов) распространения ментальных ценностей, а также технологий воздействия на массовое сознание.

В качестве ментальных ресурсов идеологической мощи можно выделить:

— идеологию, признаваемую официальной идеологией данного геополитического актора (реже — имеющую юридический статус таковой), выражающую форму и степень осознания национального интереса. Официальная идеология является совокупностью ментальных ценностей, производство, сохранение и распространение которых поддерживается соответствующими государственными структурами, поскольку эти ментальные ценности обосновывают легитимность данной политической системы вообще и данного государства в частности. Идеология является системой ментальных ценностей, и она, как любая система, иерархична. Ценности официальной идеологии могут быть доминантными, т. е. определяющими деятельность в основных сферах жизни данного общества, иначе говоря — находящимися наверху иерархии ценностей массового сознания данной нации, а могут и не быть таковыми. Доминирование официальной идеологии, по нашему мнению, зависит от следующих причин: 1) степени реальной легитимности

государственных структур; 2) меры соответствия данной идеологической системы национальному характеру и традиционным ценностям данного общества. Так, коммунистическая идеология доминировала в России/СССР на протяжении нескольких десятилетий XX в., но постепенно ее нормы, как и деятельность правящего класса, вошли в противоречие с реальностью и утратили господствующее положение в идеологическом пространстве советского общества;

— *ценности традиционной культуры* общества, геополитическими представителями которого выступают государство или негосударственный актор; прежде всего это «национальный характер» и «традиционный образ жизни».

На наш взгляд, национальный характер, как и традиционный образ жизни, представляет собой совокупность фиксированных психологических и поведенческих стандартов, присущих данному человеческому сообществу на протяжении длительного исторического периода (несколько столетий или тысячелетий, в зависимости от реальной продолжительности существования данного этноса или данной нации как политически оформленной совокупности этносов). При этом понятие «национальный характер» относится преимущественно к сфере социальной психологии, а понятие «традиционный образ жизни» отражает социальные практики, преобладающие в данном обществе на протяжении веков. Фиксированные поведенческие стандарты данного общества в значительной степени определяют основные формы геополитического поведения государства или крупного негосударственного актора, представляющих это общество на международной арене. Так, считается, что русские импульсивны, эмоциональны и долготерпеливы, а также склонны к коллективным формам общезнания;

— *достижения науки, искусства и литературы*, выражающие и развивающие национальный характер и традиционный образ жизни данного социума;

— *спортивные достижения*, демонстрирующие успешность данного социума перед лицом других. Спорт, несомненно, выражает, сохраняет и утверждает национальный характер и традиционный образ жизни. Спорт, массовая физическая культура объективно формируют естественный, не навязанный, проект национальной идеи, основанный на стремлении к победам.

Характерен тот факт, что после убедительных побед советских спортсменов на Олимпийских играх 1956 и 1964 гг. США увидели в этом удар по своему престижу и начали принимать экстренные меры по коренной перестройке системы подготовки спортсменов высших разрядов. В мае 1964 г. в США была принята программа восстановления превосходства США в олимпийском спорте и ответа на советский вызов, одобренная президентом Л. Джонсоном. Было обеспечено дополнительное финансирование спорта как со стороны государства, так и со стороны ведущих промышленных компаний страны, к делу подключилась армия. Были привлечены силы отдельных крупнейших ученых и целых научно-исследовательских коллективов, началось строительство принципиально новых спортивных сооружений — комплексных тренировочных баз, появились новые материалы для покрытия беговых дорожек и ледовых арен. Ведущие государства западного блока приняли курс на государственное руководство спортом по примеру стран восточного, социалистического блока [3, 10].

Победы на международных соревнованиях так важны для обеспечения престижа державы, что США постоянно стремятся внести в программу Олимпиад все новые виды спорта, в которых они могли бы демонстрировать свое национальное превосходство. Так, после Олимпийских игр в Токио в программу соревнований по плаванию, где лидировали американцы, было дополнительно включено целых одиннадцать новых видов. Сегодня мы видим в программе международных соревнований и Олимпиад такие нетрадиционные виды спорта, как могул или скейтбординг;

— *доминантное общественное мнение.* Доминантное общественное мнение представляет собой оценку основных процессов и явлений данного социума, преобладающую в массовом сознании. Оно может соответствовать официальной идеологии либо расходиться с ней, при этом степень расхождения зависит от конкретных социальных условий. Доминантное общественное мнение предопределяет установку на массовое социальное действие и является, в частности, ментальной предпосылкой как геополитического прорыва, так и геополитического сжатия — в зависимости от характера оценки процесса развития данного общества и промежуточного результата его развития на определенном этапе. В конце советского периода российской истории доминантное общественное мнение было выражено в названии документальной кинокартины режиссера С. Говорухина «Так жить нельзя!». Это в определенной степени повлияло на распад СССР как государства и на исчезновение его как геополитического актора;

— *общая эмоциональная атмосфера данного социума.* Основными социальными эмоциями являются оптимизм и пессимизм, отражающие соответственно доверие подвластных структур к политическому курсу правящего класса и ощущение данного курса как верного, приносящего благо или несогласие с ним. Оптимистическая эмоциональная атмосфера общества является фактором психологической поддержки, в том числе и в отношении геополитических практик, реализуемых правящим классом. Психология победителей, укорененная в массовом сознании данного общества, то, что М. Вебер называл «престижем могущества», является важным геополитическим ресурсом. В этом смысле ныне осмеянный лозунг «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики» являлся выражением именно «престижа могущества» и не мог не появиться в период первых пятилеток и побед на фронте индустриализации и внешней политики. Мощные прорывы в сфере освоения воздушного, а затем и космического пространства явились как следствием проявления «престижа могущества», так и одним из факторов его усиления. На развитие психологии победителей работало и советское искусство, часто лакируя действительность. Однако еще Ницше замечал, что миф и не должен быть правдой. Его функция иная — не адекватное отражение действительности (тогда это было бы научным знанием), а обеспечение психологического единства общества.

Необходимо отметить, что практически все ментальные ресурсы идеологической мощи управляемы и могут быть изменены с помощью целенаправленного воздействия изнутри данного общества и/или извне. Рамки журнальной статьи не позволяют углубиться в рассмотрение этого вопроса, чрезвычайно

интересного в исследовательском плане и актуального в политическом и геополитическом отношении.

Материально-техническими ресурсами идеологической мощи являются:

- учреждения образования, науки и культуры;
- типографские мощности;
- радио- и телевизионные станции;
- кинопроизводство и кинопрокат;
- торговые сети по распространению идеологической продукции;
- спортивные сооружения.

К *основным технологиям* производства и распространения ментальных ценностей, как мы полагаем, относятся:

- научные исследования в области гуманитарного знания;
- образовательные технологии;
- специфические технологии создания произведений искусства и литературы;
- пропаганда и агитация, а также контрпропаганда.

Научные исследования развивают такой ментальный ресурс, как официальная идеология, а все остальные вышеперечисленные технологии влияют преимущественно на развитие доминантного общественного мнения и эмоциональной атмосферы общества.

В соответствии со структурой ресурсов и технологий идеологической мощи можно выделить следующие *ключевые акторы* идеологической мощи:

- структуры государственного и негосударственного характера, в той или иной степени управляющие идеологическим процессом в данном социуме;
- деятели искусства и литературы;
- организаторы образовательного процесса и преподаватели;
- ученые-гуманитарии;
- журналисты и редакторы СМИ.

В различные периоды развития глобальной социальной системы, определенного социума, а вместе с ним и представляющего этот конкретный социум геополитического актора (акторов) отдельные элементы идеологической мощи данного актора (акторов) могут менять свое место в иерархии — выходить на первый план, уходить в тень и даже исчезать совсем. Так, в период 1990-х — начала 2000-х гг. практически исчезла контрпропаганда; было сведено к минимуму российское кинопроизводство; постепенно значительно уменьшилась материально-техническая база российского образования, науки, культуры и спорта; многие ученые, преподаватели, тренеры и деятели искусства эмигрировали; некоторые управленческие структуры идеологического процесса исчезли. С изменением характера экономической и политической системы страны ушла в прошлое официальная коммунистическая идеология, в эмоциональной атмосфере общества перестали преобладать оптимистические настроения 1960–1970-х гг., появились выраженные пессимистические черты. В период 1990-х гг. российские спортсмены резко снизили свои показатели в командных видах спорта (футбол, хоккей), где особенно важно наличие общих психоэмоциональных ценностей, поскольку вместо психологии победителей в массовом сознании как по

объективным причинам, так и вследствие навязанных стереотипов утвердилась психология исторических неудачников.

Идеологическая мощь, разумеется, имеет специфические формы в зависимости от сущности и особенностей геополитического актора, которому она принадлежит. Прежде чем говорить об этом, необходимо определить основные типы тех геополитических акторов, которые осуществляют глобальную и региональную экспансию в современном мире.

В связи с изменением содержания понятий «геополитическое пространство» и «экспансия» модифицировалось и понятие геополитического актора: если традиционная геополитика единственным актором признавала государство (союзы государств), то постклассическая выделяет наряду с государством и негосударственные геополитические акторы. К таковым относятся экономические структуры — межгосударственные (АТЭС, ОЭСР и т. п.) и крупные частные (например, Microsoft, Exxon), а также политические структуры — межправительственные (типа ООН, ОБСЕ) и неправительственные (международные правозащитные организации, прежде всего экологические), влиятельные СМИ. Актором геополитического расширения может выступать и церковь. В XX в. в число геополитических акторов вошли крупные теневые структуры (организованная преступность, в том числе имеющая террористический характер, а также мафия).

Геополитические акторы, конечно, неодинаковы по объему совокупной мощи и возможностям осуществления экспансии. Таким образом, их порядок представляет собой не ряд (горизонталь), а иерархию (вертикаль). Реалии XXI в. таковы, что наверху данной иерархии находится вовсе не государство (политический институт), даже представляющее собой так называемую сверхдержаву, а глобальные экономические корпорации (ГК) (экономический институт). Процесс превращения ГК в основной геополитический актор современности резко активизировался в период 90-х гг. прошлого века и завершился в течение 2000-х. Этому обстоятельству, на наш взгляд, чрезвычайно способствовал распад СССР и мировой системы социализма. Сведение этатократической экономики стран социализма к ничтожному минимуму (КНДР, Куба) превратило либеральную рыночную экономику в глобальный абсолют. До 1991 г. геополитическая борьба во многом определялась идеологическими различиями двух межгосударственных систем — социалистической и капиталистической. Исчезновение коммунистической идеологии как активного фактора геополитического процесса в значительной степени снизило глобальную роль государства как геополитического актора, поскольку идеологическая борьба ведется в основном государственными структурами. На первое место в геополитических баталиях вышла экономика, которой эффективнее занимаются транснациональные и глобальные корпорации, чем государство. Ментальным отражением этого глобального изменения стало возникновение в 80-х гг. прошлого века и расцвет в настоящее время такой науки, как геоэкономика. Некоторые ученые (Ж. Аттали) утверждают, что геополитика как наука и социальный феномен исчезла, ее заменила геоэкономика.

Государство тем не менее остается, по нашему мнению, основным *открытым* актором геополитического процесса, поскольку только государство имеет

легитимную возможность и оптимальный объем внутренних ресурсов для применения во внешней политике как «жесткой», так и «мягкой» силы. Но, несомненно, основной *латентный* актер современного геополитического процесса, активно влияющий в том числе и на геополитическое поведение любого из государственных геополитических акторов, — это глобальные корпорации. Мощно эволюционировав на протяжении второй половины XX в., глобальные корпорации в настоящее время обладают такими же возможностями применения «жесткой» и «мягкой» силы для осуществления своей экспансии во всех пространствах, как и государства, но часть их мощи, в отличие от мощи государства, *нелегитимна*². Так, современные ГК обладают военной силой (так называемые частные военные корпорации и частные вооруженные контингенты — ЧВК, используемые для охраны экономических объектов, к примеру трубопроводов, а также для силового захвата необходимой ГК территории). Имеются и разведывательные структуры, сопоставимые по количественному составу и материальным возможностям с разведкой небольших государств.

Естественно, что мощь государственных и мощь негосударственных геополитических акторов имеют свою специфику.

Государство создается и функционирует в качестве института, реализующего интересы всего социума, в том числе и в геополитическом пространстве. При этом необходимо учитывать, что социум неоднороден и доминантными являются интересы социальной группы, обладающей наибольшим объемом социальных ресурсов как материального, так и нематериального характера. Однако государство с необходимостью должно учитывать и реализовывать также и интересы всех иных групп населения в соответствии с реальным объемом их социальных ресурсов и социального влияния, во избежание социальной напряженности и тем более социальных взрывов.

Основная цель государства — социальная стабильность, сохранение целостности социума. Реализация этой цели является многосоставным процессом, включающим в себя — в рамках идеологического пространства — прежде всего *пропаганду* как главную технологию обеспечения лояльности населения (избирателей, если государство демократическое). Тот факт, что современные государства практикуют так называемую социальную рекламу, не отменяет необходимости и преобладающего характера пропаганды в структуре идеологической мощи государства. В данном случае реклама является частью пропагандистской практики (технологией второго порядка), в случае же ГК, напротив, пропагандистские технологии являются частью рекламных кампаний.

Из ментальных ресурсов идеологической мощи государство, по понятным причинам, наиболее активно развивает *официальную идеологию* как форму реализации ментального единства общества. Официальная идеология существует в виде:

— устных выступлений и публикаций государственных деятелей, лидеров и активистов правящей политической партии;

---

² Политическая наука различает легитимность и легальность. Вполне легальная (созданная в рамках закона) структура может быть нелегитимной по содержанию своей деятельности (т. е. эта деятельность большинством населения не признается справедливой и даже вообще необходимой).

- научных публикаций ученых-гуманитариев, отстаивающих ценности данной идеологии;
- пропагандистской деятельности журналистов в СМИ;
- художественного воплощения официальных идеологических постулатов в произведениях литературы и искусства.

Для того чтобы быть эффективной, официальная идеология опирается на ценности традиционной культуры и особенности национального характера.

Такие составляющие идеологической мощи, как доминантное общественное мнение или эмоциональная атмосфера общества, определяются не только пропагандой официальной идеологии, но в гораздо большей мере — степенью развитости экономической и военной мощи данного государства, т. е. величиной и качеством жизненного пространства данного социума и такими экономическими параметрами, как уровень и качество жизни населения.

Экономические корпорации, независимо от того, являются они локальными, региональными, транснациональными или глобальными, создаются совершенно с иной целью, чем государство, — с целью получения наибольшей прибыли для их владельца (владельцев). Таким образом, экономические корпорации изначально преследуют узкогрупповые или даже сугубо индивидуальные интересы. Разумеется, «жить в обществе и быть свободным от него нельзя», и в итоге социально-политической эволюции и становления «социального государства» корпорациям приходится, добровольно или нет, осуществлять так называемую «социальную ответственность бизнеса», т. е. выделять часть прибылей на развитие социальной сферы в интересах небуржуазных групп населения. Тем не менее социальная ответственность бизнеса не отменяет факта его изначально и преобладающей ориентированности на частный интерес.

С начала XX в. глобальные корпорации, исходя из своих настоятельных потребностей в осуществлении экономической экспансии и увеличения прибылей, стали постепенно создавать институты, как правило также имеющие глобальный характер и фактически дублирующие на глобальном уровне основные межгосударственные структуры и структуры государства.

В порядке возникновения эти структуры таковы:

- координирующие управленческие структуры. Первая по времени возникновения глобальная структура, инициированная ГК, — Совет по международным отношениям (CFR). Создан в июле 1921 г. Любопытно совпадение по времени с созданием в январе 1920 г. Лиги наций как межгосударственного координирующего глобального центра. Совет был создан банкирскими домами Морганов и Рокфеллеров. В настоящее время его деятельность поддерживается такими гигантами бизнеса, как «Ксерокс», «Дженерал Моторс», «Тексако». Медийную основу Совета составляют руководители таких изданий, как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон пост», «Тайм», «Лайф». Финансируют проекты Совета специальные фонды (главные из них — фонды Рокфеллера и Карнеги), полностью освобожденные от уплаты налогов на федеральном (США) уровне. «Многие считают, что Совет был наиболее мощной частной организацией по влиянию на внешнюю политику Соединенных Штатов» [11, 21]. CFR

способствовал появлению ряда мощных структур влияния глобального уровня, в том числе Бильдербергского клуба (1954) и Трилатеряля (1973);

— частные сыскные агентства (ЧСА). Время возникновения — 30-е гг. XIX в., но на службу транснациональным и глобальным корпорациям активно привлекаются во второй половине XX в. В некоторых случаях фактически дублируют такую межгосударственную организацию, как Интерпол.

Первое агентство подобного рода возникло во Франции. Оно было организовано в 1834 г. знаменитым шефом Сюртэ Эженом Франсуа Видоком, который, выйдя в отставку, решил создать свою, частную полицию — детективную контору «Бюро расследований в интересах торговли». Задачей новой организации была защита предпринимателей от коммерческих преступлений — злостных банкротств. За небольшую плату — 20 франков в год — бюро бралось поставлять предпринимателям сведения о кредитоспособности тех или иных дельцов и владельцев магазинов. Сфера частных агентств — охрана частной собственности. Так, например, сыскная корпорация «Международное детективное агентство Бэрнса» (США) содержит 15 тыс. платных высококвалифицированных сотрудников, специализирующихся в самых различных областях, включая выслеживание и задержание преступников, сбор всевозможной информации, обработку данных, бухгалтерское дело, электронные системы и науку о поведении. Агентство имеет 50 крупных филиалов в Нью-Йорке, Детройте, Лос-Анджелесе, Торонто, на Багамах, в Лондоне и во многих других городах [5];

— частные агентства по сбору информации (сбор личной и бизнес-информации, создание обширных баз данных). По сути представляют собой узкоспециализированные ЧСА, выделились из ЧСА во второй половине XX в.;

— частные разведывательные структуры (ЧРС), вначале занимавшиеся промышленным шпионажем и противодействием ему; наибольший расцвет — рубеж XX–XXI вв., появление так называемой «корпоративной разведки». Вероятно происхождение ЧРС из ЧСА, а также сращивание их друг с другом в XX–XXI вв. Одна из крупнейших структур такого рода — американская группа «Дилидженс», основателями которой стали английский экс-сотрудник контрразведки Ник Дей и бывшие члены MI5, Службы безопасности Великобритании и ЦРУ. «Дилидженс» занимается сбором информации в области экономики и геополитики. Она имеет свои офисы в Лондоне, Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве [9];

— частные коммуникационные системы. Возникли в начале XX в., расцвет приходится на вторую половину XX в.;

— частные научно-исследовательские структуры различных направлений деятельности. По объему инвестиций и исследований сопоставимы с НИС крупных государств, возникли в начале XX в.

На Западе частные НИИ существуют в рамках ТНК с начала XX в. В 2008 г. компания «Ситроникс» (дочернее предприятие корпорации «АФК-Система») создало первый в России частный НИИ по отбору разработок и технологий для дальнейшей их коммерциализации бизнес-направлениями концерна «АФК-Система» [10];

— частные военные компании (ЧВК), формально являющиеся самостоятельными структурами, возникли в 80-е гг. XX в. Примером крупной ЧВК может служить Aegis Defense Services — британская охранная компания, владеющая одной из самых больших в мире частных наемных армий. Под ружьем у нее находится в общей сложности около 20 тысяч наемников [2, 4, 9];

— частные тюрьмы — созданы в XX в., расцвет пришелся на конец 1990-х гг. — 2000-е гг.

Тысячи лиц, официально не признанных преступниками, находятся на содержании в частных следственных изоляторах, фильтрационных пунктах и других подобных заведениях США, на которые в настоящее время приходится примерно 14 % от общего числа «федеральных» заключенных (всего в США около 2,5 млн заключенных). Частные тюрьмы, кроме США, существуют в Великобритании, Швеции и Австралии. Готовится законопроект о частных тюрьмах в РФ [1].

До определенного времени (вторая половина XX в.) ГК использовали в своих интересах, через свое влияние на государство базирования, государственные структуры (разведку, например), а также активно занимались деятельностью по созданию лояльных к ним правительств или «агентов влияния» в рамках политического класса в других государствах. Однако развитие гражданского общества и гражданского контроля в отношении государственных структур в так называемых «политических демократиях» заставило ГК создавать собственные структуры глобального влияния, в том числе и не имеющие непосредственно экономического характера. В значительной степени, на наш взгляд, повлиял на процесс становления «параллельных» управленческих и обслуживающих структур глобального уровня такой фактор, как заключение различных договоров между странами капиталистического и социалистического блока с механизмами межгосударственного контроля над их выполнением, особенно договоров в сфере обороны. То, что подвергалось контролю и наблюдению со стороны межгосударственных структур различного уровня, но нуждалось в сохранении функций, которые не могли быть при этом в необходимой степени реализованы, воплощалось в функционировании «параллельных» негосударственных структур, создаваемых ГК или под патронажем ГК.

Естественно, что для осуществления глобальной экспансии, особенно в ее доминантной форме, ГК нуждаются также и в развитии идеологической мощи.

Отличия в сущности и структуре идеологической мощи государства и ГК определяются их базовыми характеристиками и доминирующими направлениями деятельности.

Основная цель ГК — получение прибыли, поэтому основной технологический элемент их идеологической мощи — *реклама*. Для увеличения эффективности рекламы ГК используют различного рода ментальные и материально-технические ресурсы.

Основной ментальный ресурс ГК, как и любой экономической корпорации, — корпоративная идеология. В отличие от официальной идеологии государства *корпоративная идеология* содержит ценности так называемой корпоративной культуры. Прежде всего это преданность корпоративному бренду и

лояльность руководству корпорации. Ключевым элементом корпоративной идеологии — миссия (обещание) товарного бренда (брендов)³. В данном случае миссия бренда как структурный элемент идеологической мощи ГК тождественна национальному характеру в структуре идеологической мощи государства.

Для реализации своей основной цели — увеличения продаж и прибыли — ГК активно продвигают свои бренды с помощью спонсирования спортивных клубов и отдельных спортсменов (размещение логотипа бренда или корпорации на спортивных сооружениях, спортивной форме и т. п.). Гранты научным коллективам, отдельным студентам, образовательным учреждениям — даже без артикулируемых условий продвижения корпоративной идеологии или соответствующего бренда — являются специфической формой товарной рекламы. Той же цели служат и премии для деятелей искусства и литературы, учреждаемые данной корпорацией⁴. Имидж бренда, создаваемый подобным способом, тождествен таким элементам структуры идеологической мощи государства, как доминантное общественное мнение и преобладающая эмоциональная атмосфера социума.

В конце 2000-х гг. XXI в. явно проступила закономерность, с неизбежностью вытекающая из сущности процесса либерально-рыночной глобализации: постепенное, но повсеместное замещение элементов мощи государства, в том числе и идеологической мощи, элементами мощи ГК. Недаром на рубеже XX–XXI вв. в среде экономической элиты стали особенно популярны высказывания, сводящиеся к единой словесной конструкции: «Что хорошо для данной ГК (“Сони”, “Боинг”, “Дженерал моторс” и т. п.), то хорошо и для всего мира». О причинах данного явления кратко говорилось выше. Каковы же вероятные тенденции развития глобального процесса замещения мощи государства мощью ГК?

На наш взгляд, такое замещение приведет к следующему:

— станут более частыми и более масштабными кампании по увеличению прибылей ГК, завуалированные некими глобальными общественными интересами: охраной окружающей среды⁵, противостоянием терроризму⁶, противодействием новым болезням («птичий», «свиной», «козий» грипп)⁷ и т. д.;

³ Миссия (обещание) бренда — совокупность выгод и позитивных ожиданий, имеющих у потребителей относительно данного товара или услуги.

⁴ Маркетологи любят рассказывать такой анекдот. Если на вечеринке юноша приходит к девушке со словами «Говорят, в постели мне нет равных!», это прямая продажа. Если к девушке на вечеринке подходит юноша, приглашает ее танцевать, провожает домой, звонит ей каждый день, дарит цветы и конфеты — это PR. Если к девушке подходит приятель юноши и говорит: «Говорят, в постели ему нет равных!», это реклама. Если на вечеринке девушка подходит к юноше со словами «Говорят, в постели вам нет равных!», это уже бренд. Перечисленные формы продвижения своих брендов современными ГК служат «завлечению девушки» без осознания ею факта маркетингового воздействия.

⁵ Меры, связанные с защитой озонового слоя или борьбой с «парниковым эффектом» в определенной мере подавили производство, связанное с использованием фреонов и побочным производством углекислого газа, и принесли значительное увеличение прибылей компаний-конкурентов.

⁶ Локальные войны в Евразии, усиление внутригосударственных мер безопасности связаны с повышением доходов военных корпораций и компаний, выпускающих средства обеспечения безопасности.

⁷ Производство и распространение вакцин и соответствующих пропагандистских материалов увеличили прибыли крупных фармацевтических компаний.

— постепенно, но значительно снизится степень защиты прав человека, особенно социально-экономических прав; вероятнее всего, этот процесс будет проходить в сопровождении пропагандистской кампании, утверждающей, что, напротив, права человека защищаются как никогда прекрасно;

— произойдет расцвет манипулятивных технологий обработки массового сознания, обеспечивающих приход к власти политиков, которые действуют прежде всего в интересах ГК;

— будет целенаправленно снижаться уровень образованности населения и степень его информированности о сущности реально происходящих экономических и социальных процессов;

— наука постепенно превратится в сервильную, обслуживающую в основном интересы ГК;

— роль государства будет минимизирована;

— в ткань гражданского общества будут во все большей степени целенаправленно внедряться структуры-симулякры, внешне радеющие об интересах народа (или конкретной социальной группы, права которой ущемляются), но реально служащие интересам ГК.

В рамках указанных тенденций потребность в развитии идеологической мощи ГК резко возрастет. Будут совершенствоваться элементы структуры идеологической мощи ГК, особенно материально-технические и технологические.

Поскольку развитие мира, и общества в том числе, происходит циклически-волновым образом, этап развития социума, связанный с господством ГК, через несколько десятилетий постепенно сменится этапом, характеризующимся подъемом, а затем и расцветом совокупной мощи государства как социального института. Однако это будет уже несколько иное государство, чем то, к которому мы привыкли на современном этапе истории человечества. Изменятся и ГК предстоящего периода развития. Идеологическая мощь как государства, так и ГК, сохранив первенствующую роль и свои основные структурные характеристики, перейдет в иное качество. Прогноз развития идеологической мощи на этом предстоящем этапе является предметом дальнейшего исследования.

---

1. Американские частные тюрьмы переживают подъем бизнеса [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_21960_aId_349045.html; <http://www.pravda.info/society/70321.html>

2. *Валецкий О. В.* ЧВК, их создание, развитие и опыт работы в Ираке и других регионах мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-society.ru/wind.php>

3. Год олимпийский. 1976. М., 1977.

4. *Грачева Т.* Частные военные компании // Русский журнал. 2008. № 2.

5. История создания частных детективных агентств в мире [Электронный ресурс]. URL: http://www.karpovpartners.info/docs/ur_stat/istor_sozd_detek_agen.php

6. *Комлева Н. А.* Информационная мощь как геополитический фактор // Информационное общество: концепции и тенденции развития : сб. ст. М., 2003.

7. *Комлева Н. А.* Феномен экспансии. Екатеринбург, 2002.

8. *Попов И.* Частные разведывательные компании [Электронный ресурс]. URL: <http://gotachev.ru/?cat=392>

9. Ромачев Р. Р. Разведка как бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://romachev.ru/?cat=392>

10. «Ситроникс» создаст первый в России частный НИИ [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2008/03/17/nii/>

11. Browne S. Secret societies & How They Affect Our Lives Today // NY. Hay House Inc. 2007.

Рукопись поступила в редакцию 4 октября 2010 г.

УДК 327.2 + 327.7 + 81:39

А. С. Чесноков

СОВРЕМЕННАЯ «ЯЗЫКОВАЯ» ГЕОПОЛИТИКА

В статье рассматриваются особенности внешнеполитической деятельности ряда международных организаций, созданных государствами на основе общности национального или официального языка. Особое внимание уделяется анализу политического регулирования трансграничных миграционных процессов между странами, входящими в эти объединения.

Ключевые слова: мировая политика, международные организации, государственный язык, мигранты, соотечественники, Франкофония, Содружество наций, Содружество португалоязычных стран, Северный совет, Испания, Россия.

В настоящее время в мире функционируют созданные во второй половине XX в. несколькими группами государств международные организации, в которых формальный принцип общности языка, используемого в качестве государственного и/или официального, положен в основу глубокого, но гибкого сотрудничества по широкому спектру вопросов — от культуры и искусства до промышленности и финансов. Не последнее место в межгосударственном диалоге внутри таких организаций обычно занимают вопросы кооперации в миграционной сфере. Не всегда в бывших доминионах, владениях и зависимых территориях европейских империй формально декларируемый в качестве государственного или официального язык бывшей метрополии является широко и повсеместно распространенным языком общения. С другой стороны, не менее очевидно также и то, что именно язык бывшей метрополии часто используется в официальном документообороте, при обучении в учебных заведениях, в национальных средствах массовой информации и т. п. и тем самым не только интегрирует различные этноконфессиональные группы и формирует картину мира, но и служит своего рода мостом между странами, в которых распространены схожие культурные (мировоззренческие) модели, основанные на одинаковом лингвистическом фундаменте. Именно поэтому такие международные объединения, за некоторым исключением, как правило, объединяют государства, ранее составлявшие колониальные империи. Так, Содружество наций объединяет большинство бывших колониальных владений Соединенного Королевства,

Содружество португалоязычных стран — Португалии, а Франкофония — Франции. Остановимся подробнее на особенностях кооперации в миграционной сфере в этих международных объединениях.

Термин «Британское Содружество наций» начал употребляться в правящих кругах Британской империи еще в середине 1880-х гг., что было связано с эволюцией колониальной политики империи в направлении предоставления наиболее развитым ее территориям статуса самоуправляемых доминионов. В 1926 г. доминионы (Канада, Ньюфаундленд, Австралийский союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский союз и Ирландия) фактически были приравнены к независимым государствам, при этом формально оставаясь владениями британской короны. Вестминстерский статут 1931 г. установил правовой статус доминионов и их взаимоотношения с Соединенным Королевством. Наконец, в 1949 г. объединение изменило название и оформилось в существующем в настоящее время виде: главой Содружества наций является британский монарх, а членом Содружества может стать любое государство, имевшее в прошлом политические связи с Соединенным Королевством или его доминионами, вне зависимости от формы правления. Двумя исключениями из этого правила стали Мозамбик и Руанда, никогда не являвшиеся британскими колониями и не имевшие с Британией политической взаимосвязи. В настоящее время в Содружество наций входят 54 государства¹, объединенные с целью содействия экономическому процветанию и демократическому развитию. В 29 государствах английский является государственным языком и еще в 17 государствах входит в число двух или более официальных языков. Только в восьми странах английский не является ни государственным, ни официальным языком, однако и там он продолжает более или менее широко использоваться, особенно в сфере государственного управления, образования и культуры (Бангладеш, Пакистан, Бруней-Даруссалам, Республика Кипр, Малайзия, Мальдивская Республика, Шри-Ланка, а также Мозамбик).

Институт гражданства Соединенного Королевства представляет собой сложный комплексный феномен, являющийся совокупным результатом различных политических курсов, проводимых правительством страны по отношению к своим бывшим доминионам, колониям, протекторатам и зависимым территориям по мере обретения последними полной независимости или ограниченного суверенитета. Во-первых, гражданство Соединенного Королевства могут получить лица, рожденные за границей, в том случае если хотя бы один из родителей — гражданин Соединенного Королевства. Во-вторых, статус гражданина Британских зависимых территорий могут получить жители Британских заморских территорий (Бермудские острова, Каймановы острова, Гибралтар, остров

---

¹ В 2003 г. из Содружества вышло Зимбабве, после принятия в 2002 г. главами правительств стран — членов Содружества решения о приостановлении участия Зимбабве в совещаниях лидеров и министров стран Содружества. За время существования Содружества, во второй половине XX в., на разные периоды приостанавливалось членство ЮАР, Нигерии, Фиджи и Пакистана. Подробная информация о Содружестве наций — на официальном веб-сайте организации: URL: <http://www.thecommonwealth.org/> (дата обращения: 26.09.2010).

Св. Елены, британские военные базы на Кипре и др.). Эти два способа получения гражданства Соединенного Королевства активно используются иностранцами и в настоящее время. В-третьих, существовало еще четыре способа получения гражданства Соединенного Королевства, использовать которые можно было только непосредственно в момент обретения бывшей колонией независимости, и распространялись эти четыре способа лишь на лиц, проживавших в то время в соответствующей колонии, но не на их потомков. Первым способом, заключавшимся в получении статуса «британского заморского гражданина», воспользовались некоторые жители Малайзии и Кении. Вторым способом, давшим статус «британского субъекта», воспользовались жители Индии и Ирландии. Третий способ, состоявший в получении статуса «британского гражданина (за рубежом)», был доступен жителям Гонконга. Наконец, четвертый способ заключался в приобретении статуса «лица, находящегося под британской защитой», который могли получить лица, проживавшие на территориях, на которые распространялся британский мандат Лиги Наций, или позднее — на территориях, находившихся под британским мандатом ООН.

Отдельно следует сказать о гражданстве Содружества наций. В принципе, каждый гражданин страны, входящей в Содружество наций, а также британский гражданин любой из перечисленных категорий (за исключением последней категории — «лица, находящегося под британской защитой») автоматически является гражданином Содружества и обладает на территории Соединенного Королевства практически теми же гражданскими правами, что и граждане Королевства. Кроме того, на время пребывания в Соединенном Королевстве гражданам Содружества не требуется вставать на учет в полиции. Граждане Содружества, родившиеся до 1983 г. от родителей, являвшихся гражданами Соединенного Королевства, освобождаются от иммиграционного контроля и могут свободно жить и работать в стране. В случае если лицо является гражданином любой из стран Содружества наций и имеет предков, родившихся в Соединенном Королевстве (без ограничения по времени) или Ирландии (до 1922 г.), оно имеет право на получение в упрощенном порядке сначала иммиграционной визы сроком на пять лет, а затем — права на бессрочное проживание и работу в Соединенном Королевстве.

Современная международная организация Франкофония также имеет длительную историю. В 1960 г. впервые была проведена Конференция министров образования франкофонных государств. В 1970 г. на конференции в Нигере по инициативе франкофонных стран Африки и Азии было создано Агентство по культурному и техническому сотрудничеству, однако институционализация Франкофонии произошла только в 1986 г. на первом саммите, после которого организация начала существовать в современном виде. Для вступления в организацию необходимо наличие в прошлом или настоящем политических связей с Францией или использование страной французского языка как государственного или официального. Вместе с тем некоторые государства вошли во Франкофонию исключительно в силу устойчивых исторических и широких культурных связей с Францией (например, Армения, Болгария, Молдова, Гана, Кабо-Верде и др.), возникших не в последнюю очередь благодаря миграционным процессам.

Во Франкофонию [1] в настоящее время входят 56 территориальных образований (как государств мира, так и отдельных субъектов в составе некоторых государств). При этом только в 29 государствах и 3 субъектах государств (Франкоязычное сообщество Бельгии, почти полностью совпадающее с регионом Валлония; Квебек и Нью-Брансуик — провинции Канады) французский язык является государственным (одним из государственных) или официальным. Среди основных задач, стоящих перед организацией, значатся не только сотрудничество в сфере образования, науки и культуры и поддержка и развитие французского языка, но и мониторинг свободы, демократии и прав человека, а также реализация программ экономического развития во франкоговорящем мире.

Согласно законодательству Франции о гражданстве в упрощенном порядке гражданство страны можно приобрести тем лицам, которые родились от родителей, проживающих во Франции, но не являющихся ее гражданами и родившихся в каком-либо из бывших колониальных владений Французской Республики до того, как Франция признала их суверенитет. Следует отметить, что независимость абсолютного большинства бывших французских колоний и заморских территорий была признана Францией в период с середины 1950-х по начало 1960-х гг.

Содружество португалоязычных стран [2] — международная организация, созданная в 1996 г. и объединяющая восемь стран, в которых португальский язык является официальным государственным языком (Португалия, Ангола, Бразилия, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, а также Тимор-Лешти).

В Содружестве португалоязычных стран с 2004 г. действует Наблюдательный орган, отвечающий за мониторинг международных миграций между странами, входящими в организацию, а с 1997 г. регулярно проходят заседания глав национальных служб, отвечающих за иммиграционный и пограничный контроль.

В пакете из пяти соглашений, касающихся ряда аспектов миграционного обмена между странами Содружества португалоязычных стран, подписанных странами Содружества 30 июля 2002 г. в г. Бразилиа, указывается, что бизнесмены, лица свободных профессий, ученые и исследователи, спортсмены, журналисты и артисты, являющиеся гражданами стран Содружества португалоязычных стран, имеют право на получение на облегченных условиях (в течение семи дней без уплаты консульских сборов и с правом на прохождение таможенного и паспортного контроля в специально оборудованных пограничных пунктах пропуска для граждан стран Содружества португалоязычных стран) многократных въездных виз в любое из государств Содружества.

Согласно законодательству Португалии о гражданстве в упрощенном порядке гражданство страны могут приобрести жители индийского штата Гоа в том случае, если они проживали там до аннексии этой территории Индией в 1961 г. Аналогичная схема применяется к жителям Тимора-Лешти, находившимся там до индонезийской оккупации в 1975 г. Кроме того, до 1999 г. гражданство Португалии автоматически предоставлялось жителям Макао, однако

с переходом территории под административный контроль Китая эта практика прекратилась.

Характерными особенностями обладает и сотрудничество в миграционной сфере между странами Скандинавии, составлявшими между собой различные политические альянсы начиная с XIV в. и тесно связанными друг с другом в культурно-цивилизационном плане. В 1397–1523 гг. Дания на правах личной унии управляла Норвегией (в состав которой входили Исландия, Гренландия и Фарерские острова) и Швецией (в состав которой входила Финляндия). В 1523 г. с распадом Кальмарской унии Дания признает независимость Швеции. С 1536 по 1814 г. существовало Датско-норвежское королевство, которое сменила Шведско-норвежская уния, прекратившая существование в 1905 г. в связи с провозглашением Норвегией независимости. В 1809–1917 гг. Финляндия являлась частью Российской империи. Последней в 1944 г. независимость от Дании получила Исландия.

В 1952 г. Норвегия, Швеция, Дания, Исландия (в 1955 г. к объединению присоединилась Финляндия) создали Северный совет [3]. Уже в 1954 г. в рамках сотрудничества между странами был создан общий рынок труда, а в 1957 г. — паспортный союз, ставший основой взаимного безвизового пространства, которое позволяет гражданам стран — членов Северного совета свободно путешествовать, бессрочно жить и работать, а также иметь равный объем прав и обязанностей во всех пяти странах без каких-либо визовых и регистрационных процедур. Несмотря на то что территория, охватываемая Северным паспортным союзом, пересекается с шенгенской зоной, для граждан государств Скандинавии предусмотрены дополнительные преференции, касающиеся упрощенного оформления вида на жительство/гражданства в любой скандинавской стране и необязательности паспорта в качестве документа, удостоверяющего личность.

Некоторые государства, ранее обладавшие широкими колониальными владениями, зависимыми или присоединенными территориями, после распада империй по разным причинам не сформировали на основе вновь образованных государств институционализированные союзы, что, впрочем, не исключило продолжения активного экономического и культурного сотрудничества между ними уже в формате межгосударственного диалога. Это касается прежде всего Испании, России, Нидерландов и Бельгии. Однако данные государства стали проводить различную политику по отношению к бывшим зависимым и присоединенным территориям. Так, например, Нидерланды автоматически лишили гражданства метрополии жителей всех своих бывших колоний (Суринама и Индонезии) после достижения ими независимости. Единственным исключением остаются Нидерландские Антильские острова и Аруба, жители которых могут свободно иммигрировать в Нидерланды и получить гражданство без дополнительных условий, среди которых обязательность пятилетнего легального проживания в стране, прохождение специальных натурализационных тестов и т. п. В Бельгии исключение в виде упрощенного порядка получения гражданства для лиц, родившихся за рубежом, сделано только для тех, кто родился от гражданина Бельгии или гражданки Бельгии, проживавших в Бельгийском Конго (до 1960 г.), в Бурунди или Руанде (до 1962 г.).

В Испании и России, напротив, сложилось иное, значительно более лояльное отношение к новым независимым странам-партнерам. Вся совокупность бывших владений Испании часто называют «испанидад», что означает совокупность стран (или некоторых территорий в составе государств), в становлении которых значительную роль сыграла испанская колонизация, положившая начало широкому распространению испанского языка и католицизма. Так, испанский язык является государственным или официальным в 23 странах мира, из которых 19 расположены в Латинской и Центральной Америке, две — в Африке (Западная Сахара и Экваториальная Гвинея) и по одной — в Европе (собственно Испания) и Азии (Филиппины).

С декабря 2008 г. в Испании действует так называемый Закон об исторической памяти, согласно которому, во-первых, неграждане, родившиеся в Испании, и их дети имеют право получить гражданство Испании без обязательного предварительного проживания в стране в качестве легального резидента. Во-вторых, дети и внуки проживающих за рубежом граждан Испании, вне зависимости от места рождения, имеют право получить гражданство Испании после одного года легального проживания в стране. Этим же правом и на таких же условиях пользуются потомки евреев, в 1492 г. изгнанные из Испании в результате принятия Альгамбрского декрета. Наконец, в-третьих, жители всех бывших испанских колоний в Латинской Америке, а также Португалии, Андорры, Филиппин и Экваториальной Гвинеи имеют право получить гражданство Испании после двух лет легального проживания в стране. Отметим, что для всех остальных иностранцев этот срок составляет десять лет.

После распада СССР первым международным объединением, в задачу которого входило, помимо прочего, сохранение культурных связей между народами, оказавшимися в новых независимых государствах, стало Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное в декабре 1991 г. Однако еще до создания СНГ 19 августа 1991 г. в Москве был проведен Первый конгресс соотечественников, и, несмотря на то, что работа его была прервана путчем, делегаты конгресса провозгласили отказ от всех идеологических противопоставлений как между различными группами российских эмигрантов за рубежом, так и между ними в целом и россиянами, проживающими в России. Так эмигрантов разных волн и их потомков объединило понятие «соотечественники». Во-вторых, на заседании оргкомитета конгресса было подчеркнуто, что «русский» означает не национальность соотечественника, а его самоидентификацию, т. е. отношение к русскому языку, культуре и истории как к родным. В этой связи нельзя не отметить и роль религии в самоидентификации соотечественников. Так, например, многие белоэмигранты «отмечали, что быть православным для них означало чувствовать себя русским. Православие оставалось духовной опорой тех, кто верил в возрождение жизненного уклада прежней дореволюционной Российской державы, в уничтожение коммунизма и безбожия» [4, 53–65].

Задачи по популяризации и поддержке русского языка за рубежом, отбор кандидатов на учебу в Российскую Федерацию среди соотечественников и иностранных граждан, а также взаимодействие с иностранными гражданами —

выпускниками советских/российских вузов были возложены на Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданное в 2008 г. путем слияния Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств и Росзарубежцентра [5].

Некоторым империям и государствам, имевшим обширные присоединенные территории или колонии, после распада, по разным причинам, не удалось создать вообще никаких «основанных на общей культуре» союзов со своими бывшими владениями и территориями, ставшими независимыми государствами. Например, это касается Австро-Венгрии, Германии, Италии и Турции. Но даже и в этих случаях можно наблюдать выстраивание между бывшими частями единых империй устойчивого миграционного взаимодействия.

Подводя итоги, отметим, что специфика политического управления миграционными процессами на международном уровне выражается прежде всего в создании и функционировании международных организаций, объединяющих близкие или родственные с историко-политической, лингвистической или этноконфессиональной точек зрения нации.

Таким образом, деятельность, направленная на управление иммиграционными и реэмиграционными процессами, является важной составляющей внешней и внутренней политики многих государств мира. Ее реализация непосредственным образом влияет на формирование глобальных миграционных трендов и современное состояние и перспективы политического и социально-экономического развития различных регионов мира.

---

1. Официальный веб-сайт организации Франкофония [Электронный ресурс]. URL: <http://www.francophonie.org/> (дата обращения: 26.09.2010).

2. Официальный веб-сайт организации Содружество португалоязычных стран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cplp.org/Default.aspx> (дата обращения: 26.09.2010).

3. Официальный веб-сайт организации Северный совет [Электронный ресурс]. URL: http://www.norden.org/en?set_language=en (дата обращения: 26.09.2010).

4. *Пушкарева Н. Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–65.

5. Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества».

Рукопись поступила в редакцию 4 октября 2010 г.

УДК 327.2 + 008 + 316.722

С. В. Васильев

ПАРАДИГМА ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Статья посвящена особенностям постклассических подходов в геополитике второй половины XX — начала XXI в. в рамках цивилизационной научной программы. Рассматривается понятие «цивилизация» и предпринимается попытка определения цивилизационного типа и цивилизационного кода. Автор полагает, что отношения между цивилизациями могут выстраиваться не только на основе противостояния, но и взаимодействия.

Ключевые слова: акторы мировой политики, Великий Лимитроф, цивилизации, цивилизационная парадигма, цивилизационный тип, цивилизационный код, отношения цивилизаций.

В последнее десятилетие XX — начале XXI в. постклассическая геополитическая наука уделяет все большее внимание изучению вопросов, связанных с изменением паттерна геополитических акторов, выделяя среди них геоцивилизации.

Безусловно, эволюция любой науки представляет собой процесс смены парадигм — широких концептуальных схем, которые в течение определенного периода истории используются в качестве исходной модели при постановке и поиске решения актуальной для данного исторического периода проблемы.

При анализе современной политической карты мира, рассматриваемой в рамках геоцивилизационной парадигмы, представляется целесообразным исходить из признания важности устойчивых, неповторимых особенностей *культурно-генетических кодов и архетипов*.

Ими определяются образ мышления, чувства и поведение людей, понимание и осознание того, что не существует общих, единых для всех народов закономерностей. Кроме того, следует обратить внимание на особенности и самобытность региональных систем мирового сообщества, которые являют собой духовно-исторические типы, великие мировые религии и культуры, образуя ядро цивилизаций.

Точка зрения, представленная в работах С. Хантингтона, В. Л. Цымбурского, А. Г. Дугина, А. С. Панарина, И. А. Василенко, И. Ф. Кефели, В. А. Дергачева, С. Г. Киселева и других исследователей, позволяет в формате научной цивилизационной программы геополитики выйти за рамки географического и экономического детерминизма, значительно расширить спектр базисных факторов, которые определяют место и роль государств в системе международных отношений.

Государства, которые остаются основными акторами мировой политики, могут быть сгруппированы в семь-восемь мировых цивилизаций. Самуэль Хантингтон выделил на современной геополитической карте мира следующие цивилизации: 1) западную; 2) конфуцианскую (китайскую); 3) исламскую;

4) православно-славянскую; 5) японскую; 6) индуистскую; 7) латиноамериканскую; 8) африканскую [4].

В свою очередь, В. Л. Цымбурский при изложении своего видения новой геополитической реальности не разделяет точку зрения С. Хантингтона. Так, С. Хантингтон, опираясь на аксиому столкновения, рассматривает современную глобальную политику только с точки зрения противостояния цивилизаций, исходит из неизбежности «битв на “цивилизационных разломах”», порожденную историческими, политическими различиями в развитии цивилизаций и различием культур [1]. В. Л. Цымбурский формулирует ряд положений о необходимости «различения для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии» [Там же] и предлагает концепцию Великого Лимитрофа, т. е. периферийного пространства любой цивилизации, в котором проживают «межцивилизационные народы», тогда как в «ядре» цивилизации живет «основное человечество» на «основной земле». Взаимодействие цивилизационных ядер и периферий, утверждает он, «оказывается не менее важным, чем относительно редкие случаи лобового столкновения цивилизаций» [Там же].

В рамках цивилизационной научной программы представляется целесообразным обозначить ее исходные положения, которые определяются следующим образом:

- государство — политическая структура, появляющаяся в процессе развития первичных ячеек древних цивилизаций;
- человек — один из географических факторов;
- пространство — потенциал развития государства;
- противоречия, существующие между государствами хартленда и римленда, разрешимы;
- могущество государства определяется его географическим положением, наличием коммуникаций и особенностями территории;
- месторазвитие представляет собой единство географической среды и человеческого общества и обеспечивает устойчивое развитие человеческого общества;
- геоэкономика государств определяется их принадлежностью к внутриконтинентальному или морскому притяжению;
- акторами глобальной геополитики выступают не только государства, но и их объединения в виде мировых цивилизаций;
- мир многополярен;
- мировые цивилизации определяют мировой порядок;
- столкновение цивилизаций обусловлено в первую очередь социокультурными противоречиями.

В настоящее время в научной литературе используются следующие определения понятия «цивилизация» (от лат. *civilis* — гражданский, государственный):

- 1) общефилософское значение — социальная форма движения материи, обеспечивающая ее стабильность и способность к саморазвитию путем саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства);

2) историософское значение — единство исторического процесса и совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в ходе этого процесса (человеческая цивилизация в истории Земли);

3) стадия всемирно-исторического процесса, связанная с достижением определенного уровня социальности (стадия саморегуляции и самопроизводства при относительной независимости от природы дифференцированности общественного сознания);

4) локализованное во времени и пространстве общество. Локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающимися по законам витальных циклов.

Одним из первых понятие «цивилизация» в научный оборот ввел философ Адам Фергюсон, который подразумевал под этим стадию в развитии человеческого общества, характеризующуюся существованием общественных классов, а также городов, письменности и других подобных явлений. Предложенная шотландским ученым стадийная периодизация мировой истории (дикость — варварство — цивилизация) пользовалась поддержкой в научных кругах в конце XVIII — начале XIX в., но с ростом популярности в конце XIX — начале XX в. плюрально-циклического подхода к истории понятие «цивилизация» приобретает более конкретизированное значение — «локальная цивилизация».

Содержание понятия «цивилизация» находится в парадигмальной зависимости от взглядов на социальное развитие, социальный прогресс. Классические принципы научного познания предполагали линейный подход в исследовании любых объектов, в том числе и социальных. Формирование неклассических подходов в познании имело отражение, в частности, в новой парадигме.

Под воздействием фундаментальных открытий в области естествознания в последней четверти XX в. начинают формироваться постклассические подходы, концепции и принципы познания, которые приводят к появлению новой научной дисциплины — глобалистики. Глобалистика представляет собой междисциплинарную форму знаний в сфере международных отношений и мировой политики. Она ставит перед собой цель преодолеть кризис гуманитарных наук, которые специализируются на изучении социальных трансформаций и процессов современного мира.

Все эти изменения в познании оказали влияние на содержание понятия «цивилизация». Из широкого спектра существующих подходов к понятию «цивилизация» наиболее употребляемыми в науке являются следующие два. Они, однако, являются противоположными и заключаются в восприятии цивилизации как высшей стадии развития в рамках парадигмы эволюционного развития и понимания цивилизации как самостоятельной социокультурной общности.

Сегодня термин «цивилизация» в актуальном политологическом анализе апплицируется главным образом синхронически и функционально для того, чтобы обозначить широкие и устойчивые географические и культурные зоны, объединенные приблизительно общими духовными, ценностными, психологическими установками и историческим опытом.

В контексте подходов начала XXI в. цивилизация означает зону устойчивого и укоренившегося влияния определенного социокультурного стиля, паттерн которого, как правило, совпадает с границами распространения мировых религий. Политическое оформление отдельных сегментов, входящих в цивилизацию, может быть различным: цивилизации шире, чем одно государство; цивилизация может состоять из нескольких стран. Кроме того, границы некоторых цивилизаций могут проходить через страны, разделяя их на части.

«Если в древности “цивилизации” чаще всего совпадали с границами империй и были, так или иначе, политически объединены... сегодня их границы представляют собой невидимые линии, нерелевантно накладывающиеся на административные границы государства» [3].

В определенный период своей истории некоторые государства являлись частью империи (страны современной Латинской Америки в составе Испанской короны), в то время как другие государства не имели статуса государства, а были объединены между собой на основе единой религии, общей культуры, принадлежности к одной расе.

Процесс возникновения и развития неклассических подходов обусловил формирование цивилизационной парадигмы как таковой. Однако следует отметить, что в настоящее время не существует единого мнения в отношении универсального линейно-стадиального процесса формирования и развития цивилизации. Каждая цивилизация имеет свою историю, специфический путь развития.

Определение цивилизации как субъекта мировой политики XXI в. даст возможность осуществлять «региональную глобализацию» — объединение между собой стран и народов, относящихся к одной и той же цивилизации. Это, в свою очередь, позволит использовать преимущества социальной открытости, но не в отношении всех, а прежде всего в отношении тех, кто принадлежит к общему *цивилизационному типу* и обладает *цивилизационным кодом*.

В связи с этим, с нашей точки зрения, возникает необходимость определения содержания понятий *цивилизационного типа* и *цивилизационного кода*.

В качестве отправной точки представляется целесообразным использовать определение, данное русским публицистом и философом Н. Я. Данилевским, который в своей работе «Россия и Европа» выделил *культурно-исторические типы* или *самобытные цивилизации* и расположил их в хронологическом порядке, а именно: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабийский и 10) германо-романский, или европейский. Кроме того, он указывал на существование мексиканского и перуанского культурно-исторического типов, «погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития» [1]. Далее он подчеркивает, что «только народы, составлявшие эти *культурно-исторические типы*, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы уединенные... Таковыми преемственными

типами были: египетский, ассирийско-вавилоно-финикийский, греческий, еврейский и германо-романский, или европейский. Так как ни один из *культурно-исторических типов* не одарен привилегией бесконечного прогресса и так как каждый народ изживается, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую и получивших к тому же сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковыми являются китайская и индийская» [1].

Значимость и ценность данного похода в определении *культурно-исторических типов* заключается в том, что, еще задолго до С. Хантингтона, Н. Я. Данилевский рассматривал геополитические проблемы, исходя из социокультурного, цивилизационного анализа.

По мнению В. А. Дергачева, *цивилизационный* (социокультурный, культурно-генетический) *код* «представляет собой устойчивые культурно-генетические признаки принадлежности к той или иной цивилизации (суперэтносу)». Это «исторически сложившаяся система коммуникаций (отношений), интегрирующая местную трансформацию природно-географических, геополитических, геоэкономических и других признаков; обеспечивающая целостность и защиту от внешних Вызовов Большого многомерного пространства цивилизаций и других региональных сообществ (общин). Мировые цивилизации способны устоять против любого внешнего Вызова, если сохраняются их менталитет, нравственные ценности (центр в душе)» [2].

Представления о геоцивилизациях восходят к понятию «цивилизация» и формируются в русле цивилизационного подхода.

Применение геоцивилизационного подхода, по мнению А. Г. Дугина, позволяет дать объективную оценку реального положения дел в мире, вести поиск и осуществлять подбор инструментария, необходимого для политологического анализа и обобщения особенностей новой исторической эпохи, обеспечения средствами защиты при отстаивании собственной идентичности (пример ЕС, стран Латинской Америки, африканского континента) в условиях прогрессирующего смещения реально существующего воздействия сетевой глобализации. Более того, использование геоцивилизационного подхода «позволяет органично заполнить идеологический вакуум, образовавшийся после исторического кризиса всех теорий». «Цивилизация как концепт, истолкованный в современном философском контексте, оказывается в центре новой идеологии. Эту идеологию можно определить как многополярность» [3].

Выводы:

1. Концепция цивилизации может быть использована в качестве базовой категории при разработке и создании проекта в мировом масштабе. При использовании этой категории в качестве основной возникают возможности для выстраивания иерархии широких государственных, общественных, политических сил в общей системе взаимоотношений цивилизаций.

2. Существование множества цивилизаций, религиозных и этнических общин, которые проживают на территории различных государств, обуславливает необходимость разработки общей цивилизационной идеи.

3. В рамках конкретной цивилизации появляется возможность широкого выбора для поиска и нахождения идентичности внутри самой цивилизации. Это допускает непротиворечивое существование иных цивилизаций, различающихся по основным признакам и параметрам.

4. Существование множества цивилизаций совсем не предполагает их противостояния. Безусловно, конфликты являются потенциально возможными. Однако дух сотрудничества, в основе которого лежит понимание вызовов планетарной значимости, приводит к осознанию необходимости ведения межкультурного диалога с целью достижения консенсуса, образования альянсов.

5. Возникающий многополярный мир позволит создать необходимые предпосылки для продолжения политической истории человечества в силу утверждения многообразия социально-политических, религиозных, экономических, культурных систем ценностей.

Геополитические процессы чрезвычайно сложны для понимания. Иногда они видны, «лежат на поверхности», но чаще происходят в глубине исторической действительности, проявляясь лишь в отдельных событиях и фактах, реже — тенденциях. В силу этого необходимо применение цивилизационного подхода при изучении и осмыслении исторической действительности. Цивилизационный подход помогает глубже понять смысл исторического процесса, его сущность, внутренние формы, фундаментальные основания, исторические факты и события, а также позволяет анализировать причины конфликтных ситуаций.

-
1. Геополитика : ант. М., 2006. С. 710, 711, 935, 940.
  2. Дергачев В. А. Геополитический словарь-справочник. Киев, 2009. С. 502–503.
  3. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб., 2009. С. 183, 190.
  4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 54–60.

Рукопись поступила в редакцию 1 декабря 2010 г.

УДК 327.7(470) + 327.7(474)

Р. С. Мухаметов

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье говорится о современном состоянии отношений между Россией и Евросоюзом. Излагаются основные проблемы российско-европейских отношений. Автор затрагивает вопросы подписания нового Договора о европейской безопасности, нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и отмены визового режима между РФ и ЕС. Много внимания уделено российской военной операции в Грузии в контексте отношений между Москвой и Брюсселем.

Ключевые слова: внешняя политика России, Европейский союз, страны СНГ и Балтии.

Отношения с Евросоюзом занимают в системе внешних связей Российской Федерации особое место. Европейский союз является крупнейшим внешнеэкономическим партнером России, на государства объединенной Европы приходится значительная часть всех гуманитарных и человеческих контактов граждан РФ за рубежом. Однако на фоне обширной программы сотрудничества углубляются принципиальные расхождения сторон в политической сфере. Отношения России и ЕС, несмотря на ритуальные фразы о стратегическом партнерстве, систематически повторяемые в Москве и Брюсселе, до сих пор не удалось вывести на уровень бесконфликтного сотрудничества. На практике за красивыми лозунгами подчас скрывается жесткая конкуренция по конкретным политическим вопросам.

Одной из наиболее конфликтных тем в политическом и гуманитарном плане в отношениях по линии Москва — Брюссель является *неурегулированность вопросов, связанных с положением русскоязычного населения в государствах — членах ЕС*. Основная проблема, с которой сталкиваются российские соотечественники, сводится к отсутствию у них гражданства. Так, на сегодняшний день статус «негражданин» имеют около 360 тыс. жителей Латвии (16 % населения), из них 67 % — этнические русские [11]. По мнению Евросоюза, Россия часто использует проблемы русскоязычных граждан ЕС, чтобы пресечь критику в области прав человека в свой адрес. Критика Европейского союза российскими властями является лишь инструментом переключения внимания с ситуации с правами человека в самой России [7].

Москва неоднократно высказывала возмущение проведением в государствах — членах Евросоюза шествий бывших членов фашистской организации «Ваффен СС», чьи преступления осуждены Нюрнбергским трибуналом. Так, в Риге шествие бывших эсесовцев ежегодно проходит 16 марта, в день создания латвийского легиона. Мероприятия ветеранов «Ваффен СС» проходят и в Эстонии.

Одним из главных источников проблем и противоречий в развитии отношений Россия — ЕС в настоящее время и на ближайшую перспективу можно

считать *соперничество России и Евросоюза на постсоветском пространстве*. Россия традиционно считает его сферой своих жизненных интересов и потому очень ревниво относится к политике других глобальных игроков, в первую очередь ЕС, развития сотрудничества с государствами региона, вовлечения их в собственную зону влияния.

Различия между Россией и ЕС в области политики по отношению к новым независимым государствам обозначились в 2003 г. в связи с приднестровским конфликтом. Москва подготовила и предложила собственный план урегулирования замороженного с 1992 г. конфликта в Приднестровье («меморандум Козака»). Согласно российскому плану Молдавия должна была стать федеративным государством, а ПМР и Гагаузия получили бы статус субъектов Федерации с правом сепарации в случае присоединения Молдовы к Румынии. Молдавия обязывалась соблюдать нейтралитет и демобилизовать армию, предоставить России право на размещение российских войск на территории Приднестровья до 2020 г. [8]. Буквально в последний момент, под давлением ОБСЕ, ЕС и США, президент Молдавии В. Воронин отказался от подписания соглашения.

В России сложилась уверенность в том, что «революция роз» в Грузии и украинская «оранжевая революция» явились следствием западного заговора против России, целью которого была попытка вырвать эти страны из-под российского влияния и вытеснить ее с постсоветского пространства. Как пишет Ю. М. Шарков, «государства, в которых одержали верх “цветные революции”, проводят откровенно проамериканский курс, стремятся вступить в НАТО и европейские структуры и связать свое будущее с западным миром» [13].

Яблоком раздора послужила также напористо продвигаемая отдельными государствами — членами ЕС (Польша, Швеция и страны Балтии) программа «Восточное партнерство», старт которой дан 7 мая 2009 г. в Праге. «Восточное партнерство» трактуется Москвой как стремление Евросоюза навязать государствам, традиционно входящим в российскую сферу влияния, путь развития, отвечающий интересам Брюсселя, отождествляется с попыткой создать новый или восстановить старый «санитарный кордон» вокруг России непосредственно по периметру ее границ.

Задачи, которые ставит перед собой Запад на постсоветском пространстве, сводятся:

- к максимальному политическому, экономическому и военному отрыву бывших советских республик от России и созданию вокруг нее «санитарного кордона» из ориентированных на Запад государств;
- установлению прозападного курса в политике государств СНГ (например, В. Ющенко на Украине, М. Саакашвили в Грузии);
- установлению контроля над углеводородами государств ближнего зарубежья и их транспортировкой (нефтепроводы Баку — Тбилиси — Супса, Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум);
- ослаблению международных организаций, в которых ключевую роль играет Россия (ОДКБ, ЕврАзЭС), и повышению значения региональных структур без участия России (ГУАМ).

ЕС и США принимают активные усилия по формированию параллельной СНГ организации, способной конкурировать с ней в политической и экономической областях. Речь идет об Организации за демократию и экономическое развитие — ГУАМ. Одной из ее задач является активизация «усилий, направленных на реализацию совместных программ... по транспортировке энергоресурсов Каспийского региона на европейский энергетический рынок с использованием территорий государств — участников объединения» [6]. В рамках объединения подготовлен энергетический проект, направленный на обеспечение независимости участников от российских поставок энергоносителей. Это газопровод «Белый поток». «White Stream» — идея украинской стороны по диверсификации поставок природного газа в Европу и Украину и снижению зависимости от России. Согласно концепции разработчиков данный газопровод должен пройти параллельно Евразийскому нефтетранспортному коридору, т. е. из Азербайджана в грузинский порт Супса, затем по дну Черного моря на Украину и оттуда в ЕС, минуя Россию [2].

В рамках ГУАМ также сформирована задача лишить Россию доминирующей роли в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве путем привлечения новых игроков в лице США и ЕС, а также замены российских миротворцев. В частности, в Декларации глав государств ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов подчеркивается «важность демилитаризации конфликтных зон и обеспечения безопасности... с помощью размещаемых там многонациональных миротворческих сил под эгидой ООН или ОБСЕ» [12]. В свою очередь, Кишиневская Декларация глав государств ГУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» призывает «все государства ОБСЕ приложить максимум усилий для исполнения Россией принятых обязательств о полном выводе российских войск и вооружений из Республики Молдова и Грузии» [6].

Таким образом, территория общего соседства во многом является предметом стратегического и политического соперничества между Россией и ЕС.

Россия скептически относится к расширению ЕС на восток, хотя и не возражает против него официально, как она делает это в отношении расширения НАТО за счет бывших советских республик. Представительство в европейских институтах стран Балтии и некоторых стран Центральной и Восточной Европы отрицательным образом сказывается на политике ЕС в отношении России. Москва обеспокоена тем, что антироссийские настроения в Евросоюзе являются тормозом для инициатив по развитию сотрудничества с Россией. В качестве примера можно привести ситуацию вокруг переговоров по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС.

Первоначальный десятилетний срок действия СПС истек 1 декабря 2007 г. Переговоры по заключению нового соглашения должны были начаться в ноябре 2006 г. на очередном саммите ЕС — Россия, однако Польша наложила вето на мандат Европейской комиссии на ведение переговоров, требуя от России снять эмбарго на поставки польского мяса. Когда Москва и Варшава урегулировали проблемы с экспортом в Россию польской сельхозпродукции в декабре 2007 г., мандат на переговоры по документу отказалась дать Литва. Вильнюс

потребовал от Евросоюза учесть, в частности, вопросы о возобновлении поставок по нефтепроводу «Дружба», об оплате ущерба депортированным из стран Балтии, об урегулировании замороженных конфликтов в Молдавии и Грузии. Только 26 мая 2008 г. Совет министров иностранных дел ЕС без обсуждения утвердил мандат на переговоры о новом базовом соглашении между Москвой и Брюсселем. 27 июня 2008 г. на саммите РФ — ЕС в Ханты-Мансийске Россия и Евросоюз официально объявили о начале переговоров по новому соглашению [1].

В России усиливается чувство разочарования или даже раздражения относительно диалога по линии Москва — Брюссель, так как сужается содержательная часть принимаемых на двусторонних саммитах документов. Российская сторона заинтересована в прогрессе по трем наиболее «чувствительным» для себя темам — подписание нового Договора о европейской безопасности, нового СПС и облегчение (отмена) визового режима между РФ и ЕС. Главной причиной сохранения такой бессодержательности отношений по линии Москва — Брюссель является хроническая незаинтересованность Евросоюза в развитии сотрудничества с Россией в сфере политики. В Брюсселе доминирует подход, при котором Москва рассматривается как рынок сбыта и источник энергоресурсов. В этом контексте Россия обладает для единой Европы необходимым статусом и весом. Однако за пределами данного направления сотрудничества степень заинтересованности в партнерстве с Кремлем незначительна.

В политическом измерении Москва рассматривается Брюсселем как крупный, но в то же время бесполезный или даже опасный контрагент. Единая Европа видит в России если не угрозу, то на 100 % неравноправного союзника. ЕС готов пока лишь к декларативному партнерству с Россией. Речь идет о такой форме взаимодействия, в которой достаточно беспредметной политической риторике отводится роль наиболее знаковой составляющей двусторонних контактов. При этом практические компоненты отношений развиваются в достаточно сдержанном режиме.

Проблема виз и тема СПС — инструменты давления на РФ, т. е. пока будут продолжаться «неторопливые» переговоры, Брюссель сможет воздействовать на политическую позицию Москвы. Для европейских чиновников принятие конкретных решений станет возможным только тогда, когда Россия откажется от жесткой линии в проведении своей энергетической дипломатии и признает возможным планы по диверсификации поставок энергоносителей, строительству трубопроводной инфраструктуры в обход ее территории. Речь идет о прокладке газопровода Nabucco. Это проектируемый магистральный трубопровод проектной мощностью 30 млрд куб. м газа в год. Ориентировочная стоимость проекта составляет 7,9 млрд евро. Строительство газопровода планируется начать в 2011 г. и завершить в 2014 г. Магистраль станет продолжением уже построенного газопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум [10].

Таким образом, игнорирование Брюсселем названных выше тем свидетельствует в пользу того, что Евросоюз намерен исходить в диалоге с Кремлем лишь из собственных интересов.

Не последнее место в диалоге и сотрудничестве ЕС и РФ занимают тема нарушения прав человека и гражданских свобод, а также движение России, как считают в западных столицах, по пути свертывания демократии. В ходе официальных и неофициальных встреч делегаций Евросоюза и России первые заявляют о своей озабоченности в связи с систематическими нарушениями прав человека в России. В качестве примеров приводят обычно преследование иностранцев, убийства чернокожих студентов скинхедами. Особое беспокойство в ЕС вызывает сложная ситуация с правами человека в республиках Северного Кавказа.

Подобное внимание к правовой тематике со стороны Брюсселя вполне объяснимо: так как права человека являются важнейшей ценностью Европейского союза, он постоянно включает условия, связанные с этой темой, во все соглашения, заключаемые с не входящими в Евросоюз странами. В российско-европейских отношениях данная тема нашла отражение в концепции четырех Общих пространств и Общего пространства свободы, безопасности и правосудия в частности. Поэтому соблюдение прав и свобод человека, по мнению Брюсселя, не является внутренним делом какого-либо государства, и ссылки на национальный суверенитет в вопросах соблюдения международно-правовых обязательств ни для кого не могут считаться обоснованными. Следовательно, у ЕС есть все основания включать данную тему в круг вопросов двусторонних отношений, наряду с вопросами экономики и безопасности.

С ноября 2004 г. ЕС и Россия проводят регулярные консультации по вопросам прав человека один раз в шесть месяцев. Евросоюз также участвует в многочисленных проектах, связанных с правами человека в России. К примеру, он направляет наблюдателей на определенные судебные процессы, организует конференции и семинары. Он контролирует соблюдение прав человека и проводит мониторинг условий работы правозащитных организаций [4].

Во многих европейских странах усиливается беспокойство по поводу того, что Россия использует свои углеводороды как политическое оружие и относится к своим независимым соседям как к прежней сфере влияния. В Евросоюзе считают, что авторитарная Россия может использовать свой контроль над значительной долей европейского импорта энергоносителей в качестве рычага давления и шантажа, угрожая «перекрыть вентиль». В подтверждение того что подобные опасения небезосновательны, обычно приводят пример взаимоотношений России со странами СНГ, поскольку считается, что Россия не раз прибегала к сокращению поставок энергоносителей, чтобы подавить и ограничить политическую и экономическую самостоятельность своих соседей, а также чтобы изменить их прозападную ориентацию [9].

Сохранение российского воинского контингента в Приднестровье является сложным аспектом переговоров между Брюсселем и Москвой. Россия взяла на себя обязательства в 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ до окончания 2001 г. вывести всю боевую технику бывшей 14 армии с территории Молдовы. Москва выполнила это обязательство полностью. В Приднестровье остался весьма ограниченный контингент (оперативная группа российских войск), основными задачами которого являются участие в миротворческой операции и

охрана складов с боеприпасами. Все остальное, в том числе и военная техника, было либо вывезено на территорию Российской Федерации, либо уничтожено на месте. Впрочем, это не мешает Брюсселю постоянно требовать от России выполнения взятых на себя в Стамбуле обязательств.

Вмешательство России во внутригрузинские конфликты (Абхазия и Южная Осетия) также вызывает напряженность во взаимоотношениях России и ЕС. Брюссель дал резко отрицательную оценку роли России в событиях августа 2008 г. на Кавказе. Во-первых, ЕС считает непропорциональными ответные действия России на вторжение Грузии в Южную Осетию. Во-вторых, Брюссель призывает к немедленному выводу российских вооруженных сил из Грузии на позиции, которые они занимали до начала конфликта [3]. В-третьих, Евросоюз заявил не только о своем жестком осуждении одностороннего решения России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, но и, более того, призвал другие государства не признавать их независимость. Позицию против признания независимости Абхазии и Южной Осетии Брюссель обосновал своей приверженностью «принципам независимости, суверенитета и территориальной целостности, которые признаны международным правом, Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и резолюциями СБ ООН» [5].

Разумеется, как и у любых партнеров, у России и Евросоюза возникают разногласия и противоречия по разным политическим вопросам. Это объективная реальность. Было бы наивно рассчитывать на то, что российско-европейские отношения будут беспроблемными. Главное, чтобы стороны были заинтересованы в преодолении препон и стремились, чтобы они не служили препятствием для сотрудничества там, где интересы России и Евросоюза совпадают.

---

1. Базовое соглашение между Россией и Европейским союзом. Справка от 03.04.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gian.ru> (дата обращения: 27.09.2010).

2. Белый поток. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.02.2010).

3. Европарламент призвал РФ к немедленному выводу войск из Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 27.09.2010).

4. Европейский союз и права человека в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu> (дата обращения: 27.09.2010).

5. Заявление Североатлантического совета по поводу официального признания Россией Южной Осетии и Абхазии, регионов Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int> (дата обращения: 27.09.2010).

6. Кишиневская Декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» от 22 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://guam-organization.org> (дата обращения: 27.09.2010).

7. *Конти М.* ЕС: страхи и ожидания от России // Европа и Россия: искренние друзья или запуганные соседи? : обзор Центра ЕС-Россия. 2009. Вып. 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://eu-russiacentre.ru> (дата обращения: 7.09.2010).

8. «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru> (дата обращения: 27.09.2010).

9. *Монаган Э.* Дилемма энергетической безопасности // Pro et Contra. 2006. № 2–3.

10. Проект газопровода «Набукко». Справка от 13.07.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 27.09.2010).

11. Российские соотечественники в странах СНГ и Балтии : справка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 03.08.2010).

12. Совместная Декларация глав государств Организации за демократию и экономическое развитие — ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов от 23 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://guamorganization.org> (дата обращения: 27.09.2010).

13. *Шарков Ю. М.* Разные одинаковые «цветные революции» // *Международная жизнь*. 2008. № 5.

Рукопись поступила в редакцию 4 октября 2010 г.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 339.175 + 347.731 + 339.137

С. А. Евтюхов
С. А. Лукьянов

К ВОПРОСУ О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГУЛИРУЕМЫХ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

На основе результатов сплошного обследования авиакомпаний Российской Федерации, проведенного в 2006–2008 гг., в статье анализируются основные барьеры входа в данную отрасль. Делается вывод о существовании для этого значительных структурно-технологических и поведенческих отраслевых барьеров, что ставит под вопрос представление о ней как об отрасли с квазиконкуренцией в условиях современной российской экономики. Проведенная эмпирическая оценка высоты входных барьеров позволяет заключить, что для анализируемой отрасли группа административных барьеров рассматривается респондентами как наиболее значимая с точки зрения ограничения конкуренции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: структура рынка, конкуренция, барьеры входа, концентрация.

Открытость национальных границ, как следствие глобализации мировой экономики, с одной стороны, и усиление глобальной конкуренции — с другой приводит к так называемому противоречию между барьерами входа относительно их географической локализации [4]. В условиях глобализации особую значимость имеет предложенное Д. Якобсоном и Б. Андреосо деление отраслевых барьеров входа на барьеры первого и второго порядка². Барьеры второго порядка нивелируются, а роль барьеров первого порядка заметно возрастает.

---

¹ Авторы выражают благодарность Е. В. Тиссен, Н. В. Кисляк за помощь в проведении эмпирического анализа.

² В представлении данных авторов, барьеры первого порядка охватывают все свойственные национальному рынку препятствия на вход в него. Барьеры второго порядка относятся к совокупности дополнительных инструментов сдерживания входа, с которыми сталкиваются фирмы при экспансии на зарубежный рынок.

Глобализация оказывает противоречивое воздействие на национальные экономики и экономических агентов, оперирующих на международных и национальных рынках, с одной стороны усиливая взаимозависимость между экономиками, стирая (нивелируя) национальные границы, повышая открытость национальных экономик, с другой — усиливая асимметрию между странами и экономическими агентами, создавая тем самым новые барьеры (преимущественно барьеры первого порядка) для экономической активности компаний. Следовательно, можно предположить, что такая противоречивая связь между глобализацией и отраслевыми барьерами входа может быть интерпретирована в качестве индикаторов глобализационных процессов как на уровне национальных экономик, так и на уровне отдельных экономических агентов [4]. В этих условиях ряд отраслей национальной экономики особенно подвержены воздействию иностранной конкуренции, например рынок авиационных пассажирских перевозок (далее — АПП) России.

Рынок АПП в любой экономике служит специфическим показателем развитости экономики в целом. По уровню предложения услуг в этой отрасли можно судить о развитости инфраструктуры всей экономики, уровне научно-технического потенциала отрасли и экономики в целом, рыночной власти оперирующих в отрасли компаний; по уровню спроса на авиаперевозки — об уровне благосостояния населения в целом, степени его мобильности. С точки зрения экономической политики можно говорить о наличии корреляции между степенью развитости авиации и рынка авиаперевозок в стране, с одной стороны, и эффективностью экономической, промышленной, социальной и институциональной политики государства — с другой. Эти аспекты, безусловно, определяют особый интерес к анализу рынка авиационных пассажирских перевозок.

В нашей работе мы намерены, опираясь на базу данных по всем оперирующим авиакомпаниям России, эмпирически оценить уровень конкуренции в отрасли АПП и доказать, что рыночная структура здесь не носит характер квазиконкуренции, присущей соответствующим отраслям Западной Европы и США.

База данных и методика эмпирического исследования

В качестве основного источника информации для нашего исследования мы используем базу данных ФГУП «Государственная корпорация по организации воздушного движения в РФ». В работе используются сведения о 355 компаниях-авиаперевозчиках РФ, вошедших в отрасль в 1991–2006 гг., а также статистические и отчетные материалы Росавиации, Транспортной клиринговой палаты, Федерального агентства воздушных сообщений РФ, Минтранса РФ.

Помимо информации из официальных источников мы использовали результаты собственных исследований — опроса 156 экспертов авиакомпаний РФ посредством анкеты (опросного листа) и интервьюирования.

О состоятельности рынка авиаперевозок России

Рынки пассажирских авиаперевозок Западной Европы и США зачастую анализируются как пример состоятельного (квазиконкурентного) рынка,

концепция которого представлена в работах Баумоля, Панзара, Уиллига и Кейвза [1–3]. В какой же степени характеристики состязательного рынка могут быть присвоены российскому рынку авиаперевозок? Согласно Баумолю «состязательный рынок — это рынок, вход на который абсолютно свободный и выход абсолютно бесплатный». Это предполагает, что новичок не находится в невыгодном положении в отношении техники, качества продукта по отношению к укоренившейся фирме.

Авторы концепции состязательных рынков считают обязательным выполнение следующих условий: свободный доступ к технологиям для укоренившихся и новых фирм; наличие реальной угрозы потенциальной конкуренции; незначительные необратимые издержки входа; реализация стратегии «ударить и убежать» для новых фирм.

Условие свободного доступа к технологиям, которыми владеют действующие фирмы, является реально выполнимым на множестве рынков, в том числе и на рынке пассажирских авиаперевозок. Под доступными технологиями при наличии парка самолетов в первую очередь подразумеваются услуги основных и гостевых аэропортов. В то же время в авиационной отрасли встречается ситуация, когда аэропорт объединен в одно юридическое лицо с местной авиакомпанией, что зачастую затрудняет открытие новых маршрутов через этот аэропорт для других авиакомпаний.

Наличие реальной угрозы потенциальной конкуренции реализуется на практике через незамедлительное проникновение конкурентов на существующие маршруты компаний, как только существенно повышаются цены на авиаперевозки. Это обусловлено тем, что авиакомпании постоянно вынуждены искать приложение своих капиталов в целях повышения рентабельности бизнеса.

Условие низких необратимых издержек входа выполнимо для рынка АПП лишь с некоторыми оговорками. Необратимые затраты — это постоянные затраты, возникающие вследствие осуществления невозвратных инвестиций. Состязательность рынка предполагает, что необратимые издержки на проникновение в отрасль должны быть низкими, несущественными. Баумоль рассматривал рынок пассажирских авиаперевозок именно как рынок с незначительными необратимыми издержками.

Еще в меньшей степени на рынке авиационных пассажирских перевозок выполняется условие относительной легкости входа новичка, использующего стратегию «ударить и убежать». Предполагается, что потенциальный конкурент может использовать любую, даже краткосрочную, возможность получения прибыли, поскольку он может войти, получить прибыль до того, как цены изменятся, и затем выйти из отрасли без всяких затрат. А укоренившиеся в отрасли фирмы, опасаясь такого вторжения конкурентов, будут держать цены на уровне предельных затрат, и рынок, будучи даже высококонцентрированным, будет показывать «конкурентные результаты».

Условие относительно низких необратимых затрат тесно связано с условием реализации стратегии новичка «ударить и убежать». Когда инвестиции обратимы, фирме не надо беспокоиться о том, как долго она сможет пробыть в данном бизнесе, поскольку она всегда сможет продать свои основные фонды

по цене не ниже их рыночной оценки. Но когда присутствуют необратимые затраты, срок жизни основных фондов становится решающим фактором. Чем больше необратимые затраты, тем более длительным является период функционирования в отрасли, необходимый для возмещения затрат, тем менее успешна реализация стратегии «ударить и убежать».

Представленный выше предварительный анализ базовых теоретических положений концепции квазиконкуренции позволяет усомниться в выполнимости необходимых условий состязательности рынка АПП России. Проверим данный вывод, описав структуру российского рынка АПП на основе дескриптивной статистики и оценив эконометрически на основе данных опроса авиакомпаний РФ.

Структура рынка авиационных пассажирских перевозок России характеризуется следующими параметрами:

1. Практически все игроки рынка авиационных пассажирских перевозок — и лидеры, и аутсайдеры — вышли из «Аэрофлота — Советских авиалиний», во времена СССР единственной авиакомпании страны. После распада государственного авиаперевозчика образовались 393 авиакомпании. Их формирование происходило, как правило, по территориальному признаку — на базе бывших территориальных управлений гражданской авиации либо объединенных авиационных отрядов. В свою очередь, это предопределило соответственно и их позиции в структуре рынка АПП, — маршрутные сети, аэропорты базирования, авиапарк.

2. Рынок АПП России чрезвычайно динамичен. Начиная с 2000 г., после более чем 10-летнего спада объемов пассажирских перевозок, наступил период роста их объема в среднем до 9–10 % в год при ежегодном росте ВВП России в среднем на 5–6 %. За последние 5 лет объем перевозок вырос на 60 %, при этом количество перевозчиков постоянно сокращалось (табл. 1).

Если говорить о «входе-выходе» на российском рынке АПП в количественных показателях, то наблюдается достаточная динамика. Однако анализ производственных активов, маршрутных сетей, числа и качества авиапарка входящих авиакомпаний говорит о том, что наблюдается в основном вход небольших компаний, имеющих в парке всего несколько самолетов, предназначенных для частных/деловых полетов либо обслуживающих соответствующие отрасли народного хозяйства. Всего за 2006 г. было выдано 7 и аннулировано 6 сертификатов эксплуатантов коммерческой гражданской авиации РФ [6, 92–94].

Обобщенные показатели развития рынка АПП РФ с 1993 по 2006 г., свидетельствующие о достаточной количественной динамике его развития, приведены в табл. 1.

3. Рынок авиационных пассажирских перевозок характеризуется довольно высоким уровнем концентрации. При том, что всего функционируют около 180 авиакомпаний, 90 % всех перевозок выполняют лишь 25 авиакомпаний, а около 60 % объемов работ — ведущие 5 авиакомпаний.

Мы рассчитали отраслевой индекс Херфиндаля — Хиршмана (1), который дает оценку уровня концентрации в отрасли с учетом степени равномерности

Таблица 1

Обобщенные показатели развития рынка авиационных пассажирских перевозок РФ (1993–2006)

Год	Количество эксплуатантов	Количество выданных сертификатов (входов)	Количество аннулированных сертификатов (выходов)	Количество перевезенных пассажиров, млн чел.	
				всего	в том числе на международных воздушных линиях
1993	260	161	0	—	—
1994	393	148	15	—	—
1995	387	55	61	—	—
1996	389	44	42	26,96	9,38
1997	362	37	64	25,10	9,12
1998	338	37	61	22,33	8,41
1999	328	26	36	21,47	7,14
2000	296	17	49	21,83	8,14
2001	267	7	36	25,07	10,04
2002	235	10	42	26,52	11,08
2003	216	5	24	29,42	12,31
2004	199	4	21	33,78	14,90
2005	182	4	21	35,09	15,89
2006	183	7	6	38,00	17,20

Источник: составлено авторами по данным ФГУП «Государственная корпорация по организации воздушного движения в РФ», Росавиации, Транспортной клиринговой палаты.

(неравномерности) распределения рыночных долей между отдельными авиакомпаниями:

$$HHI = \sum S_i^2, \quad (1)$$

где S_i — доля i -го предприятия, % в общем выпуске отрасли.

Значение индекса составило 960,17. Выявленная величина индекса показывает, что в соответствии с критериями У. Шепарда рынок авиационных пассажирских перевозок России представляет собой нормальную олигополию без доминирования какой-либо из авиакомпаний.

4. Рынок АПП РФ можно охарактеризовать как рынок с *дискретной* конкуренцией. Под дискретной конкуренцией мы понимаем рыночную структуру, характеризующуюся а) относительно большим числом участников для всего продуктового пространства рынка; б) относительно малым количеством участников для отдельных пространственных сегментов рынка, которые отличаются высокой локализацией с достаточно высокими барьерами входа (на отдельный пространственный сегмент рынка). Российский рынок АПП — хороший пример рынка с дискретной конкуренцией, поскольку вход на отдельные

маршрутные сети авиаперевозок (пространственные сегменты рынка) является затрудненным в силу достаточно низкого уровня субституции между аэропортами для авиакомпаний и потребителей. Несмотря на «хорошие» количественные показатели уровня конкуренции в отрасли в целом, в силу ее дискретности общая картина степени конкуренции в отрасли выглядит не так оптимистично.

Представленный на основе дескриптивной статистики и отраслевого индекса Херфиндаля – Хиримана анализ структуры российского рынка АПП позволяет заключить, что в современной российской экономике необходимые условия состязательности рынка авиационных пассажирских перевозок пока отсутствуют. Проверим данный вывод с помощью эконометрических инструментов, используя данные опроса авиакомпаний РФ.

Состязательность рынков как зависимая переменная в эконометрической спецификации модели может определяться, как было описано выше, четырьмя независимыми переменными: свободным доступом к технологиям для укоренившихся и новых фирм; наличием реальной угрозы потенциальной конкуренции; незначительными необратимыми издержками входа; реализацией стратегии «ударить и убежать» для новых фирм [5].

Наше эмпирическое исследование нацелено на решение двух основных вопросов: во-первых, мы хотели бы эконометрически проверить, являются ли выявленные четыре независимые переменные существенными для оценки российского рынка АПП как квазиконкурентного или состязательного; во-вторых, посредством дескриптивной статистики нам необходимо оценить каждую из данных независимых переменных на предмет ее реализуемости в условиях российского рынка АПП.

Оценка значимости условий наличия квазиконкуренции на рынке АПП выполняется посредством следующей эконометрической модели (уравнение 2):

$$\text{Pr}(Y_i = 1) = F(\beta_0 + \beta_1 \text{FreeEntry}_i + \beta_2 \text{Competition}_i + \beta_3 \text{EntryCosts}_i + \beta_4 \text{Strategy}_i), \quad (2)$$

где Y_i – наличие (1) или отсутствие (0) квазиконкуренции на рынке АПП; $F(\cdot)$ – функция стандартного нормального распределения; FreeEntry – экспертная оценка свободного доступа к технологиям (от 0 до 10; 0 – доступ к технологиям отсутствует, 10 – отсутствуют какие-либо ограничения на доступ к технологиям); Competition – экспертная оценка наличия реальной угрозы потенциальной конкуренции (от 0 до 10; 0 – угроза потенциальной конкуренции отсутствует, 10 – угроза потенциальной конкуренции максимальна); EntryCosts – экспертная оценка уровня необратимых издержек входа (от 0 до 10; 0 – необратимые издержки входа отсутствуют, 10 – необратимые издержки входа непреодолимы); Strategy – экспертная оценка возможности реализации стратегии «ударить и убежать» на рынке авиаперевозок (от 0 до 10; 0 – стратегия «ударить и убежать» может быть реализована любой авиакомпанией, 10 – стратегия «ударить и убежать» не может быть реализована ни одной компанией).

Эмпирическую базу исследования составляют результаты опроса 156 экспертов ведущих авиакомпаний РФ и СНГ. Результаты оценки уравнения 2 представлены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка значимости условий наличия квазиконкуренции на рынке АПП в рамках теоретической модели

Независимые переменные	Коэффициенты	
Const	-0,018195	(0,624518)
FreeEntry	0,013628**	(5,768325)
Competition	0,103686**	(4,587693)
EntryCosts	0,000318**	(4,800122)
Strategy	-0,018195*	(-2,255429)
Pseudo R ²	0,726	
Количество наблюдений	156	

Примечание. В скобках приведены значения Z-статистик; * — коэффициент значим на 5 %-м уровне значимости; ** — коэффициент значим на 1 %-м уровне значимости.

Представленные в табл. 2 результаты показывают, что все выделенные переменные эксперты рассматривают как существенные при оценке российского рынка АПП в качестве квазиконкурентного или состязательного. Таким образом, можно сделать вывод, что выполнение/невыполнение четырех условий состязательности рынков: свободный доступ к технологиям для укоренившихся и новых фирм; наличие реальной угрозы потенциальной конкуренции; незначительные необратимые издержки входа; реализация стратегии «ударить и убежать» для новых фирм — являются необходимыми условиями для оценки уровня квазиконкуренции рынка АПП.

Дескриптивная статистика позволяет оценить эти четыре независимые переменные применительно к современному состоянию российского рынка авиаперевозок [4].

Оценивая *свободу доступа новичков к технологиям, которыми владеют укоренившиеся авиакомпании*, мы опирались на результаты анкетного опроса ведущих авиакомпаний России. Результат показывает наличие значительного технологического разрыва между компаниями-новичками и укоренившимися компаниями. Данный разрыв обусловлен в первую очередь сложностью доступа новичков к технологиям, которыми владеют укоренившиеся фирмы.

Оценивая *наличие реальной угрозы потенциальной конкуренции*, следует отметить, что в период с 1990 г. наблюдалось большое количество входов новых игроков на данный рынок. Так, например, согласно данным ФГУП «Государственная корпорация по организации воздушного движения в РФ», в 2006 г. было осуществлено 33 входа в отрасль авиационных перевозок. Но лишь 7 игроков получили сертификат эксплуатанта авиационной техники. Более детальный анализ структуры активов входящих компаний, численности их сотрудников, развитости маршрутной сети авиакомпаний, а также их членства в IATA и ICAO позволяет говорить о том, что только одна авиакомпания (Sky-Express) из 33 обладает парком магистральных самолетов и может рассматриваться как

серьезный игрок в данной отрасли. Практически все респонденты (97 %) утвердительно ответили на вопрос о существовании значительных административных барьеров входа в отрасль АПП. Таким образом, можно сделать вывод о наличии в отрасли значительных поведенческих (административных) барьеров входа, что существенно снижает угрозу потенциальной конкуренции.

Анализируя проблему *уровня необратимых издержек входа*, мы опирались на то, что доминирующее число экспертов (98 %) охарактеризовали отрасль АПП как отрасль с очень высокой капиталоемкостью. Необратимые издержки при этом составляют значимую часть отмеченной «капиталоемкости» и определяются высокой степенью специфичности ресурсов рынка АПП. В качестве важнейшего компонента необратимых издержек выступают транзакционные издержки. Интервьюирование экспертов показало, что рынок АПП РФ характеризуется крайне высоким их уровнем, что объясняется необходимостью сдерживать вход в отрасль новых участников, либо, наоборот, осуществить попытку входа. При этом в качестве инструмента достижения данной цели используются в подавляющем большинстве случаев не экономические механизмы конкуренции, а административные меры.

Оценивая возможности *реализации стратегии «ударить и убежать» для новых фирм* на российском рынке авиаперевозок, все эксперты отметили невозможность быстрого перемещения капитала из одного рыночного сектора в другой. Например, отрасль АПП РФ характеризуется отсутствием субституции аэропортов как для авиакомпаний, так и для пассажиров. Условием субституции аэропортов является наличие их равной доступности (например, связь между аэропортами с точки зрения пассажиров) и возможности базирования для авиакомпании (определяется классом аэропорта, наличием сертификата на прием и обслуживание различных типов авиационной техники и др.).

Эконометрический анализ выполнения четырех условий квазиконкуренции (уравнение 2) говорит о корректности применения такой оценки для характеристики отрасли АПП с точки зрения наличия квазиконкуренции, а дескриптивная оценка четырех независимых переменных уравнения 2 свидетельствует о невыполнении условий состязательности отрасли АПП РФ.

На основе результатов сплошного обследования авиакомпаний РФ, проведенного в 2006–2008 гг., можно сделать вывод о существовании значительных структурно-технологических и поведенческих отраслевых барьеров входа в отрасль АПП РФ, что ставит под вопрос представление о ней как об отрасли с квазиконкуренцией в условиях современной российской экономики, что характерно для рыночной структуры АПП Европы и США. Проведенная нами эмпирическая оценка высоты входных барьеров позволяет заключить, что для анализируемой отрасли группа административных барьеров рассматривается респондентами как наиболее значимая с точки зрения ограничения конкуренции. Для описания рыночной структуры в отрасли АПП РФ мы ввели понятие «дискретная конкуренция», отражающее смещенную плотность рыночной концентрации в сторону небольших региональных авиакомпаний, как правило, состоящих в связке единой собственности или аффилированности «аэропорт —

авиакомпания», обладающих значительной рыночной властью на оперируемых ими маршрутах, но при этом обладающих незначительной долей рынка в общероссийском объеме перевозок.

---

1. Baumol W. J., Panzar J. C., Willig R. D. Contestable Markets and the Theory of Industry Structure. N. Y., 1982.

2. Baumol W. J. Contestable markets: An Uprising in the theory of industry Structure // American Economic Rev. 1982. March. Vol. 72.

3. Caves R. Air Transport and its regulators. Cambridge, 1962.

4. Лукьянов С. А., Кисляк Н. В. Отраслевые барьеры входа как важнейший инструмент политики ограничения конкуренции // Вопр. экономики. 2007. № 2. С. 101–111.

5. Лукьянов С., Тиссен Е., Кисляк Н. Рынок авиационных пассажирских перевозок России: квазиконкуренция или?.. // Там же. № 11. С. 120–138.

6. Лукьянов С. А. Рынок авиационных пассажирских перевозок. Современное состояние в России и странах СНГ // ЭКО. 2008. № 10.

Рукопись поступила в редакцию 11 октября 2010 г.

УДК 339.56 + 339.727.24 + 346.62

С. В. Голованова

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ В 1995–2008 гг.

В статье рассматриваются тенденции развития международной торговли в России после либерализации внешнеэкономической деятельности. На основе анализа статистических данных проводится оценка изменения интенсивности и структуры международной торговли в период с начала экономических реформ.

Ключевые слова: международная торговля, экспорт, импорт, Россия.

Экономические условия развития торговли после начала рыночных реформ

Барьерами на пути международной торговли являются не только прямые издержки, связанные с перевозом товара через границу (расходы на транспортировку, экспортные/импортные пошлины, плата за лицензию на осуществление внешнеторговой деятельности и пр.). Существуют и другие факторы, количественная оценка влияния которых затруднена: различного рода риски, связанные с отсутствием устойчивых долгосрочных связей с зарубежными партнерами; асимметричность информации в отношении цен, особенностей государственного регулирования, национальных особенностей ведения бизнеса и пр.; макроэкономическая неустойчивость (инфляция, высокий уровень безработицы, финансовый кризис и пр.) и многое другое. Следует принимать во внимание колебания мировых цен на товары, составляющие основные статьи

экспорта и импорта страны, а также изменения валютного курса, определяющие относительную прибыльность поставок товара на внутренний и зарубежный рынки. Таким образом, оценивая изменения условий торговли и внешне-торговых барьеров в рассматриваемый период времени, необходимо учитывать всю совокупность факторов.

Государственная монополия на ведение внешнеторговой деятельности была отменена в 1991 г. Указом Президента России от 15 ноября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». Развитие международной торговли в первые годы экономических реформ происходило в условиях высокой макроэкономической нестабильности. Разрушение традиционных хозяйственных связей между республиками бывшего СССР стали причиной резкого сокращения объемов производства в 1991–1994 гг. Некоторое замедление трансформационного спада наметилось во второй половине 90-х гг., однако устойчивая тенденция роста производства была достигнута лишь после финансового кризиса 1998 г. (рис. 1).

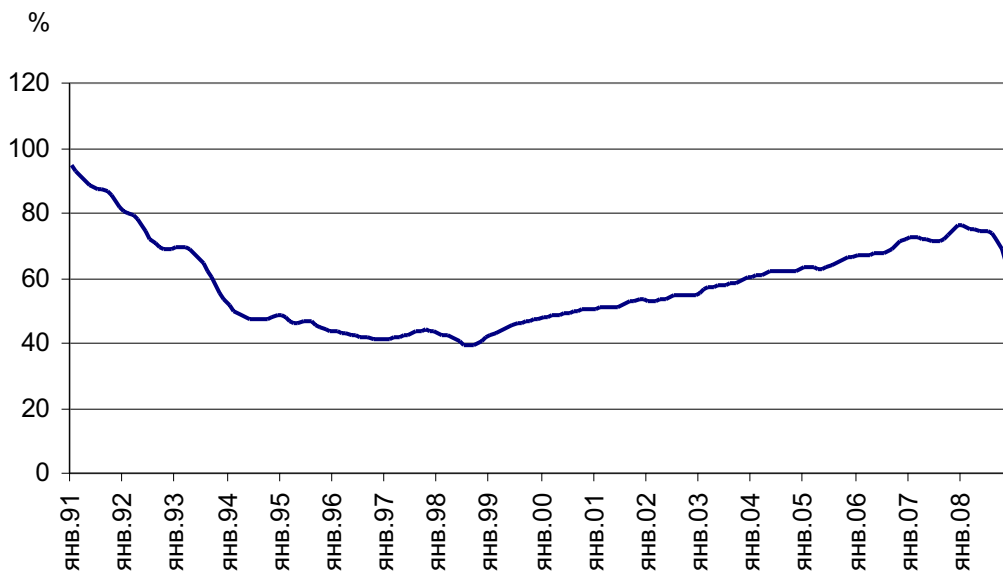

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства (январь 1990 г. = 100 %).
Источник: Институт экономического анализа [3]

Трансформационный спад проходил на фоне укрепления реального эффективного обменного курса рубля, снижавшего международную конкурентоспособность российских товаров и повышавшего привлекательность импорта (рис. 2). Негативное влияние на развитие экспорта оказывало также введение внешнеторговых ограничений, не применявшихся в годы плановой экономики. В первые годы проведения реформ было введено множество ограничений на экспорт, имевших целью удержать товары в стране: экспортное лицензирование и квотирование, экспортные налоги, ограничение числа экспортеров, монопольное право государственных торговых организаций приобретать экспортные

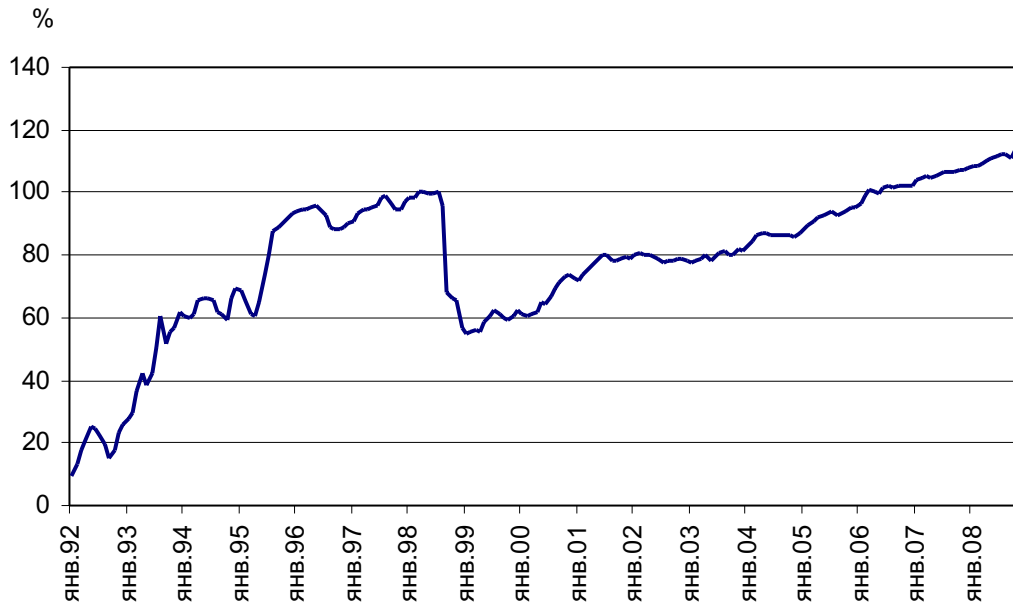

Рис. 2. Динамика реального эффективного валютного курса рубля (июль 1998 г. = 100 %). Источник: Институт экономического анализа [3]

товары на внутреннем рынке, принудительная продажа экспортерами валютной выручки по курсу ниже рыночного. При этом четкие ограничения импорта, призванные защитить отечественных производителей, фактически отсутствовали.

Девальвация рубля, последовавшая за финансовым кризисом августа 1998 г., способствовала ослаблению конкуренции со стороны импортируемых товаров. Процесс импортозамещения, т. е. замещения импортных товаров товарами отечественного производства в потребительской корзине после девальвации 1998 г., выявлен в исследовании Института экономики переходного периода [1]. Эффект девальвации сохранялся на протяжении всего последующего периода, обеспечивая относительную защищенность внутреннего рынка и в то же время дополнительную конкурентоспособность экспорта. Международные торговые потоки (как импорт, так и экспорт) сдерживали также высокие риски ведения внешнеэкономической деятельности, ограничивающие возможность долгосрочного планирования и заключения долгосрочных контрактов с зарубежными партнерами. Влияние кризиса на российских экспортеров выразилось также в снижении финансовых возможностей развития производственной и экспортной деятельности. Таким образом, можно предположить, что в 1998 г. появились дополнительные внешнеторговые барьеры, интенсивность которых с течением времени уменьшалась.

Развитию экспорта и снижению конкуренции со стороны импортных товаров в период после кризиса 1998 г. способствовало также изменение конъюнктуры на мировых товарных рынках. Период с 1998 по 2008 г. характеризуется

улучшением условий торговли для России. В целом прослеживается тенденция к более интенсивному росту контрактных цен на экспортируемые товары по сравнению с ценами товаров, импортируемых в Россию (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста средних цен экспортных и импортных контрактов на основные товары в торговле со странами вне СНГ, 1998–2008 гг. (долл. США)*

Товар	Темп роста цен	Товар	Темп роста цен
<i>Экспортные товары</i>		<i>Импортные товары</i>	
Сырая нефть	9,4	Алюминиевые руды	4,7
Нефтепродукты	8,9	Легковые автомобили	0,4
Каменный уголь	2,8	Грузовые автомобили	0,3
Железные руды	4,2	Трубы	1,9
Круглый лес	2,0	Свежемороженое мясо	2,1
Медь	3,7	Свежемороженая рыба	4,2
Необработанный никель	3,8	Сливочное масло	1,7
Калийные удобрения	5,1	Сахар-сырец	1,3
Азотные удобрения	6,1	Кожаная обувь	1,2
Синтетический каучук	3,2		

*Источник: расчеты автора на основе данных Госкомстата России [4].

Влияние мирового финансового кризиса 2008 г. на международную торговлю России в данной статье не анализируется, что обусловлено недоступностью на момент написания статьи необходимых статистических данных. Тем не менее отметим ключевые моменты, характеризующие изменение экономических условий после августа 2008 г. За пять месяцев (август – декабрь) индекс промышленного производства в России составил 83,5 %, при этом ситуация сильно различается по отраслям. В целом можно сказать, что предприятия, производящие товары промышленного назначения и товары роскоши, пострадали сильнее, чем предприятия, производящие потребительские товары. Реальный эффективный курс рубля почти не изменился благодаря активной политике Центробанка: индекс составил 99,8 %. Цены мировых товарных бирж на ключевые экспортные товары России (топливно-энергетические товары, продукцию черной и цветной металлургии) упали на 20–60 %, в то же время существенного снижения цен на основные импортные товары (прежде всего продукты питания) не произошло. Таким образом, можно говорить об ухудшении условий торговли и снижении платежеспособного спроса в этот период времени.

В 2009 г. индекс промышленного производства составил 108,6 %, индекс реального эффективного курса рубля – 96,8 %. Цены товарных бирж демонстрируют тенденцию к возвращению на предкризисный уровень. Все это позволяет

рассматривать сложившуюся экономическую ситуацию как благоприятствующую расширению российского экспорта.

Изменение степени открытости российской экономики

Динамика объемов экспорта и импорта России в этот период времени свидетельствует о развитии торговых отношений, что может рассматриваться как косвенное доказательство снижения ограничений на пути международной торговли. С 1995 по 2008 г. товарооборот России (млрд долларов США) увеличился в 5,2 раза, при этом объем экспорта вырос в 5,7 раза, а объем импорта — в 4,7 раза (рис. 3). Наиболее интенсивный рост объема торговли наблюдается начиная с 2002–2003 гг., т. е. в период устойчивого экономического роста российской экономики. Можем ли мы рассматривать этот факт как сигнал повышения степени открытости российской экономики?

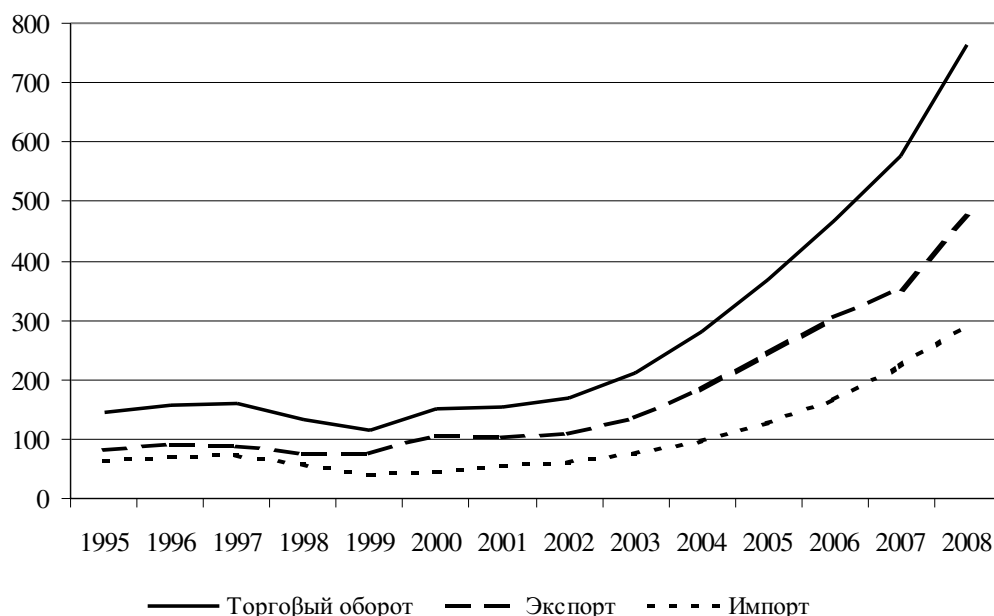

Рис. 3. Объемы экспорта и импорта России, 1995–2008 гг. (млрд долларов США).

Источник: данные Госкомстата России [4]

На рис. 4 представлены результаты расчета ряда индексов, характеризующих относительное изменение объема международной торговли России в 1995–2008 гг.:

1) показатель вовлеченности в международную торговлю (показатель торговой зависимости):

$$I = \frac{\text{торговый оборот}}{\text{ВВП}} \cdot 100\%.$$

Значение этого показателя, превышающее единицу, расценивается как повышенная зависимость страны от мировых цен на ключевые экспортируемые и импортируемые товары;

2) доля экспорта в общем производстве товаров и услуг:

$$\text{доля}_{\text{эк}} = \frac{\text{экспорт}}{\text{производство товаров}} \cdot 100\%;$$

3) доля импорта в общем объеме внутренних продаж товаров и услуг:

$$\text{доля}_{\text{им}} = \frac{\text{импорт}}{\text{производство товаров} + \text{импорт} - \text{экспорт}} \cdot 100\%.$$

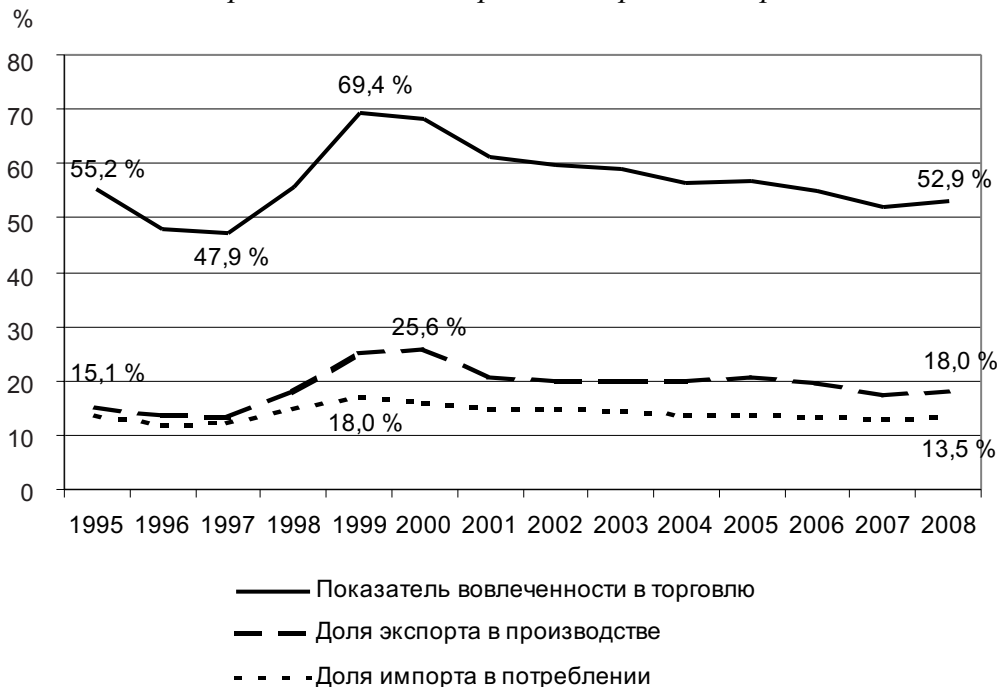

Рис. 4. Показатели интенсивности торговли России

Источник: расчеты автора на основе данных Госкомстата России [4]

Для расчета индексов используются данные об объемах производства и торговли в текущих ценах. Все рассматриваемые показатели демонстрируют одну и ту же динамику за последние четырнадцать лет (см. рис. 2). Снижение интенсивности торговли в 1995–1997 гг. сменяется двумя годами усиления интенсивности торговли после кризиса 1998 г. Однако, как показано ранее, в абсолютном выражении экспорт и импорт России в этот период снижаются. Рост рассматриваемых показателей обусловлен не увеличением торговых потоков между Россией и зарубежными странами, а более интенсивным сокращением валового

выпуска и потребления товаров российского производства по сравнению с объемами экспорта и импорта.

С 2000 г. все рассчитываемые показатели интенсивности торговли России начинают снижаться. Особо следует отметить, что в последние десять лет не происходит увеличения доли импорта в общем объеме внутренних продаж товаров и услуг. Снижение этого показателя обусловлено более высокими темпами развития российского производства в период экономического подъема по сравнению с темпом роста объема импорта. Это дает основания предполагать, что увеличение объема импортных товаров на внутреннем рынке России не привело к значительному усилению иностранной конкуренции и влияние этого фактора на российское производство было сравнительно невысоким.

Отметим, что в 2008 г. все показатели вовлеченности России в международную торговлю практически вернулись к уровню 1998 г., что не означает, однако, отсутствия развития торговых отношений. Происходит развитие и укрепление международных связей российских предприятий. По данным опроса руководителей 822 крупных и средних российских предприятий промышленности и связи в 64 регионах России, проведенного в 2005 г., около половины респондентов являются экспортерами, свыше 40 % — импортерами. При этом 31 % респондентов являются активными участниками внешнеэкономической деятельности [2]. Важно при этом, что рост объема торговли не приводит к повышению торговой зависимости страны (чувствительности экономики к изменению мировых цен на ключевые экспортные и импортные товары). Еще один интересный вывод, который может быть сделан на основе результатов проведенного анализа, — более высокая чувствительность внутренних поставок товаров к изменению экономической ситуации в России по сравнению с международными потоками товаров.

В табл. 2 представлена информация о развитии торговли десяти стран, имеющих наибольшую долю в мировом валовом продукте (оценки проведены по паритету покупательной способности). В 2008 г. в число этих стран входит и Россия. Международные сопоставления иллюстрируют тот факт, что вовлеченность в международную торговлю большинства рассматриваемых стран за рассматриваемый период повышается, в отличие от России¹. Тем не менее общий уровень открытости российской экономики по сравнению с ними не выглядит низким. Важно также отметить, что рост торгового оборота России приводит к увеличению ее доли в общем объеме мировой торговли, в то время как соответствующие доли других стран (за исключением Китая), сопоставимых с Россией по общему объему валового внутреннего продукта, снижаются или не изменяются.

---

¹ Значения показателя вовлеченности России в международную торговлю отличаются от рассчитанных ранее, поскольку при расчетах используются статистические данные из другого источника.

Таблица 2

Развитие торговли: международные сопоставления*

Страна	Показатель вовлеченности в международную торговлю, %		Доля в мировом валовом продукте, %		Доля в мировом экспорте, %		Доля в мировом импорте, %	
	1995	2008	1995	2008	1995	2008	1995	2008
США	18,3	24,2	23,0	20,7	11,3	8,0	14,6	13,2
Китай	38,6	58,2	5,7	11,4	2,9	8,9	2,5	6,9
Япония	14,8	31,4	8,7	6,4	8,6	4,9	6,4	4,6
Индия	18,5	38,9	3,2	4,8	0,6	1,1	0,7	1,8
Германия	39,1	72,7	5,6	4,2	10,1	9,1	8,8	7,3
<i>Россия</i>	<i>45,3</i>	<i>45,5</i>	<i>3,0</i>	<i>3,3</i>	<i>1,6</i>	<i>2,9</i>	<i>1,2</i>	<i>1,8</i>
Великобритания	43,6	40,8	3,7	3,2	4,6	2,9	5,1	3,8
Франция	37,6	45,7	3,8	3,1	5,8	3,8	5,5	4,3
Бразилия	13,1	24,2	3,2	2,9	0,9	1,2	1,0	1,1
Италия	39,0	47,2	3,6	2,6	4,5	3,3	3,9	3,4

*Источник: расчеты автора на основе данных Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации

Изменение структуры торговли

Итак, результаты предшествующего анализа показали, что при высоких темпах роста торгового оборота России повышения степени ее вовлеченности в международную торговлю за последние 10–15 лет не происходит, что объясняется скорее активным ростом внутреннего потребления, чем сохранением прежнего уровня торговых барьеров или отсутствием стимулов к торговле у российских предпринимателей. В этом отношении постепенное изменение товарной и пространственной структуры торговли может рассматриваться как сигнал о развитии торговых потоков, в наибольшей степени соответствующих конкурентным преимуществам отраслей и территорий. Следующий анализ нацелен на характеристику долгосрочных тенденций этого процесса.

Информация об изменении долей стран — основных торговых партнеров России в общем объеме экспорта и импорта России представлена в табл. 3. Данные свидетельствуют о повышении интенсивности торговли со странами дальнего зарубежья и уменьшении доли торговли со странами СНГ. В экспортных поставках России за рассматриваемый период наиболее сильно увеличилась доля Италии и Нидерландов, в структуре импорта значительно возросла доля Китая. Наибольшее сокращение доли в торговле России (как по экспорту, так и по импорту) с Украиной.

Таким образом, мы наблюдаем постепенное замещение старых хозяйственных связей, сформировавшихся в годы плановой экономики между республиками СССР, новыми, международными торговыми отношениями.

Таблица 3

Экспорт и импорт России по основным странам-партнерам (1995–2008)*

Страна	Экспорт, %		Импорт, %	
	1995	2008	1995	2008
<i>Всего по странам дальнего зарубежья</i>	<i>81,4</i>	<i>85,1</i>	<i>70,9</i>	<i>86,3</i>
Германия	7,9	7,1	13,9	12,8
Италия	4,3	9,0	4,0	4,1
Китай	4,3	4,5	1,9	13,0
Нидерланды	4,1	12,2	3,5	1,8
Польша	2,2	4,3	2,8	2,6
Великобритания	3,9	3,2	2,4	2,9
США	5,5	2,9	5,7	5,2
Финляндия	3,1	3,4	4,4	2,5
Швейцария	4,5	2,1	1,4	0,9
<i>Всего по странам СНГ</i>	<i>18,6</i>	<i>14,9</i>	<i>29,1</i>	<i>13,7</i>
Беларусь	3,8	5,0	4,7	4,0
Казахстан	3,3	2,9	5,7	2,4
Украина	9,1	5,0	14,2	6,1

*Источник: расчеты автора на основе данных Госкомстата России [4]

Из-за значительной протяженности территории России ожидаются различия в темпах развития торговли в разных макрорегионах страны. Информация, представленная в табл. 4, позволяет оценить масштабы этих различий. Анализ проводится для периода 1998–2008 гг. из-за отсутствия статистических данных за предшествующие годы.

Сопоставление тенденций развития международной торговли макрорегионов России позволяет сделать несколько важных выводов. Прежде всего, прослеживается положительная связь между долей макрорегиона в суммарном по России объеме валового регионального продукта и его долей в торговом обороте, что неудивительно. Подобная положительная связь является прямым следствием способности территории к производству товаров для поставок на внешние рынки и наличия у нее платежеспособного спроса на импортируемые товары. Изменение степени вовлеченности макрорегионов в международную торговлю также чаще всего происходит пропорционально изменению объема валового производства. Что же касается степени открытости макрорегионов, то здесь присутствуют определенные различия в их стратегиях. По сравнению с другими территориями Центральный федеральный округ значительно активнее вовлечен в международную торговлю: его доля в общероссийском экспорте и импорте выше, чем доля в валовом производстве; производство Уральского федерального округа ориентировано на экспорт, а Северо-Западного федерального округа — на импорт. Остальные макрорегионы относительно более

Таблица 4

Развитие торговли в макрорегионах России*

Федеральный округ	Доля федерального округа в суммарном по России объеме, %					
	ВРП		Экспорт		Импорт	
	1998	2007	1998	2008	1998	2008
Центральный	24,6	36,5	34,8	43,2	45,7	57,7
Северо-Западный	10,8	9,9	10,6	10,5	13,7	17,7
Южный	8,3	7,7	3,0	3,2	6,2	4,5
Приволжский	20,7	15,5	11,3	11,7	7,8	5,0
Уральский	14,2	15,1	18,0	16,7	5,8	4,0
Сибирский	15,3	10,7	11,8	6,5	6,6	3,7
Дальневосточный	6,1	4,6	3,8	3,0	3,8	3,3

*Источник: расчеты автора на основе данных Госкомстата России [4].

ориентированы на внутренние поставки. Для объяснения этих различий, несомненно, необходимо провести анализ структуры производства территорий, что не является целью данной работы. Тем не менее, полученные результаты дают основания для вывода об изменении пространственной структуры торговли России.

Происходит ли изменение товарной структуры экспорта и импорта страны? Для ответа на этот вопрос сопоставим темпы роста объемов торговли основными экспортными и импортными товарами в России в натуральном выражении в 1995–2008 гг. (табл. 5).

Для большинства экспортируемых товаров объем торговли в натуральном выражении в 1995–2008 гг. увеличился в 1,5–2,5 раза. Несколько более высокие темпы роста объема экспорта демонстрируют отрасли топливно-энергетического сектора; экспорт меди, напротив, сокращается. В целом же рост объема экспорта российских товаров соответствует темпу роста российской экономики: индекс физического объема валового внутреннего продукта за этот период составил 1,79; индекс промышленного производства — 1,60².

Темпы роста объемов импорта ключевых товаров различаются более существенно. Например, импорт автомобилей за рассматриваемые 14 лет вырос в десятки раз, а импорт алюминиевых руд, напротив, существенно сократился. Такое различие в темпах роста объемов торговли уже не может быть объяснено только различиями в динамике мировых цен на рассматриваемые товары. Столь существенные изменения структуры торговли могут сопутствовать трансформации внутреннего производства, обусловленной влиянием иностранной конкуренции на внутренние рынки. Между объемами производства и экспорта

² Индекс рассчитан как произведение индекса промышленного производства (классификация ОКОНХ) за 1995–2004 гг. и индекса производства в сумме по разделам С, D и E (классификация ОКВЭД) за 2004–2008 гг.

Таблица 5

**Темпы роста объемов экспорта/импорта основных торгуемых товаров
в натуральном выражении (1995–2008)***

Товар	Темп роста объема выпуска	Темп роста объема торговли
<i>Экспортные товары</i>		
Сырая нефть	1,6	2,1
Нефтепродукты	1,3	2,4
Каменный уголь	1,5	3,9
Железные руды	1,6	1,6
Круглый лес	1,0	2,0
Медь	1,8	0,4
Необработанный никель	1,4	1,7
Калийные удобрения	1,9	2,1
Азотные удобрения	1,6	1,1
Синтетический каучук	1,4	1,7
<i>Импортные товары</i>		
Алюминиевые руды	1,5	0,0
Легковые автомобили	1,8	39,9
Грузовые автомобили	1,9	36,5
Трубы	2,1	1,1
Свежемороженое мясо	1,9	3,2
Свежемороженая рыба	0,8	2,9
Сливочное масло	0,6	0,5
Сахар-сырец	1,9	2,1
Кожаная обувь	1,3	4,4

*Источник: расчеты автора на основе данных Госкомстата России [4]

российских товаров более вероятна положительная связь. Рост импорта, напротив, может способствовать сокращению российского производства аналогичных товаров. Эти предположения, однако, не подтверждаются статистическими данными. Результаты расчетов, представленные в табл. 5, демонстрируют отсутствие четкой связи между темпами роста объемов производства и объемами торговли товарами. Это может означать, что в рассматриваемый период времени происходит одновременно и изменение структуры предпочтений российских потребителей.

Основные выводы, полученные в ходе исследования:

1. Косвенные свидетельства позволяют рассматривать период после финансового кризиса 1998 г. как период снижения барьеров (прежде всего институциональных) на пути международной торговли.

2. Увеличение торгового оборота страны в последние десять лет не приводит к повышению ее торговой зависимости, что обусловлено не менее высоки-

ми темпами роста производства товаров для внутреннего потребления по сравнению с темпами роста объема торговли.

3. Развитие торговли происходит по пути изменения пространственной и товарной структуры экспорта и импорта. При этом для большинства рассмотренных товаров происходящие изменения следует расценивать как умеренные.

---

1. *Кадочников П.* Анализ импортозамещения в России после кризиса 1998 года // Научные труды ИЭПП. 2006. № 95 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iet.ru/files/text/working_papers/95.pdf

2. *Яковлев А.* Конкуренция, глобализация и развитие корпоративного сектора в России // Вопр. статистики. 2006. № 5.

3. Институт экономического анализа. Независимые исследования российской экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iea.ru>

4. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

Рукопись поступила в редакцию 22 марта 2010 г.

УДК 339.727.24 + 346.62 + 368.8

А. В. Породнов

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА В РОССИИ

Содействие развитию экспорта — важнейшая задача правительства любой страны. Опыт зарубежных государств показывает, что наиболее действенным механизмом государственной поддержки национальных экспортеров является создание экспортных агентств, которые осуществляют страхование, гарантирование и кредитование экспортных сделок. Несмотря на значительные средства, направляемые государством на поддержку отечественных экспортеров, в России система продвижения экспорта малоэффективна. Основными причинами этого являются разорванность системы, бюрократические барьеры и, самое главное, отсутствие влиятельного экспортного агентства, которое оказывало бы экспортерам всестороннюю поддержку по принципу «единого окна».

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспортно-кредитное агентство, поддержка экспорта, кредитование и страхование экспортных сделок.

Развитие экспорта напрямую определяет успешное развитие экономики в целом. Одним из показателей, характеризующих развитие экономики государства, в том числе является конкурентоспособность производимых национальной экономикой товаров на внешних рынках. Очевидно, что если структура экономики позволяет производить товары, которые выигрывают в конкуренции с продукцией других стран, то эта экономика сильнее и эффективнее.

Сила национальной экономики напрямую определяет экономическую мощь государства, которая сегодня, по нашему мнению, имеет значительно большее значение, чем политическая или военная сила страны.

В связи с этим поддержка и продвижение национального экспорта на зарубежные рынки является приоритетной задачей правительства любого государства. Помимо этого выделяют и другие причины, объясняющие, почему правительства стран должны уделять внимание развитию экспорта:

- необходимость возмещения экспортом средств, уплаченных за импортные товары (по мнению ряда экспертов, кризисы 1990-х гг. в Латинской Америке, Азии и России были вызваны значительным дефицитом платежного баланса);

- эффективность и успешность (при соблюдении определенных условий) стратегий экспортного роста, доказанная опытом азиатских стран во второй половине XX в.;

- прямая зависимость между эффективностью предприятия и способностью осуществлять экспортные поставки.

По итогам 2009 г. объем российского экспорта составил 300 млрд долларов, при этом 65 % составляет экспорт энергоресурсов (нефти и газа), еще 12 % – экспорт металлов и изделий из них. В итоге на машиностроительную отрасль, продукция которой отличается высокой добавленной стоимостью, остается лишь 6 %. К примеру, в странах – партнерах по БРИК показатели иные: Бразилия – 15 %, Китай – 47 %, Индия – 12 %.

Ситуация выглядит особенно неприглядно, если учесть, что при 6 % продукции машиностроения в российском экспорте доля этой отрасли в ВВП составляет около 15 %. Это существенная разница, и объяснить ее только технической отсталостью российских предприятий нельзя, особенно принимая во внимание то, что уже почти 20 лет отечественные предприятия вполне успешно конкурируют с импортными машиностроителями на национальном рынке.

В большинстве развитых стран, так же как и во многих крупных развивающихся государствах, созданы специальные государственные институты поддержки промышленного экспорта.

По сути оказываемой поддержки мы предлагаем выделять два типа подобных институтов:

- финансово-кредитные институты (экспортно-кредитные агентства, эксимбанки), использующие реальные финансовые инструменты для поддержки национальных экспортеров;

- консультационно-информационные институты (агентства по развитию международного сотрудничества, агентства по развитию инвестиционного сотрудничества), которые обеспечивают информационную поддержку экспортеров, организуют международные выставки и ярмарки, деловые миссии за рубежом и т. д.

Наибольший интерес представляют именно финансовые институты, потому как такого рода поддержку можно измерить, почувствовать в цифрах. Наиболее известными и, по нашему мнению, эффективными институтами являются экспортно-кредитные агентства (ЭКА) и эксимбанки. Формальное отличие

этих организаций заключается в различных механизмах поддержки экспорта. ЭКА — это финансовый институт, аффилированный с национальным правительством, основной целью которого является поддержка национальных экспортеров. Основными инструментами ЭКА являются экспортное страхование, благодаря которому экспортер получает страховку от возможных рисков со стороны покупателя; предоставление экспортных гарантий коммерческому банку или финансовой организации, которые кредитуют экспортирующую или импортирующую фирму, при этом беря на себя риски, которые могут возникнуть в случае невозврата кредита. Эксимбанки также являются государственными или квазигосударственными банками, которые осуществляют прямое финансирование экспортных сделок. В некоторых странах функции ЭКА и эксимбанка выполняет одно правительственное агентство (Германия, Франция), в других эти функции разделены между разными структурами (Япония, Китай, Чехия). Следуя традиции зарубежной литературы, в данной работе мы обозначили ЭКА и эксимбанки термином «экспортное агентство» (ЭА).

Традиционно экспортные агентства действуют на рынках развивающихся стран, и, по оценке ОЭСР, их доля варьируется на уровне 30–40 % от всех частных кредитных сделок в развивающихся странах [10].

Тенденции развития рынка, а также положительный опыт других государств в использовании такого инструмента, как ЭКА и эксимбанк [11], свидетельствуют о необходимости создания в РФ подобных специализированных институтов.

В России основным правовым документом, определяющим развитие государственной финансовой поддержки промышленного экспорта является Концепция развития государственной финансовой (гарантийной) поддержки экспорта промышленной продукции в Российской Федерации, которая предусматривает следующие механизмы:

1) предоставление государственных гарантий. При этом агентом Правительства Российской Федерации по выдаче гарантий экспортерам является ЗАО «Росэксимбанк». В федеральном бюджете на 2010 г. закреплены следующие виды государственных гарантий на сумму 2 млрд долларов США:

— государственные гарантии для российских экспортеров промышленной продукции или российских/иностраннх банков-кредиторов в качестве обеспечения платежных обязательств иностранного импортера (1 млрд долларов США);

— государственные гарантии для обеспечения займов ЗАО «Росэксимбанк», направляемых на кредитование российских экспортеров или иностранных импортеров российской промышленной продукции (400 млн долларов США);

— государственные гарантии ЗАО «Росэксимбанк» по обязательствам российских экспортеров перед банком-агентом по выставленным банком-агентом банковским гарантиям (600 млн долларов США).

2) возмещение части процентных ставок по экспортным кредитам. Данная деятельность находится в ведении Министерства промышленности и торговли РФ;

3) долгосрочное экспортное кредитование, которое предполагает предоставление кредитов правительствам иностранных государств, а также импортерам российской промышленной продукции или их банкам. Данная часть Концепции

была позже дополнена Федеральным законом «О Банке развития» (2007), в котором за Внешэкономбанком закреплены функции не только по прямому кредитованию международных проектов, но и по обеспечению страхования и предоставления гарантий экспортерам [9].

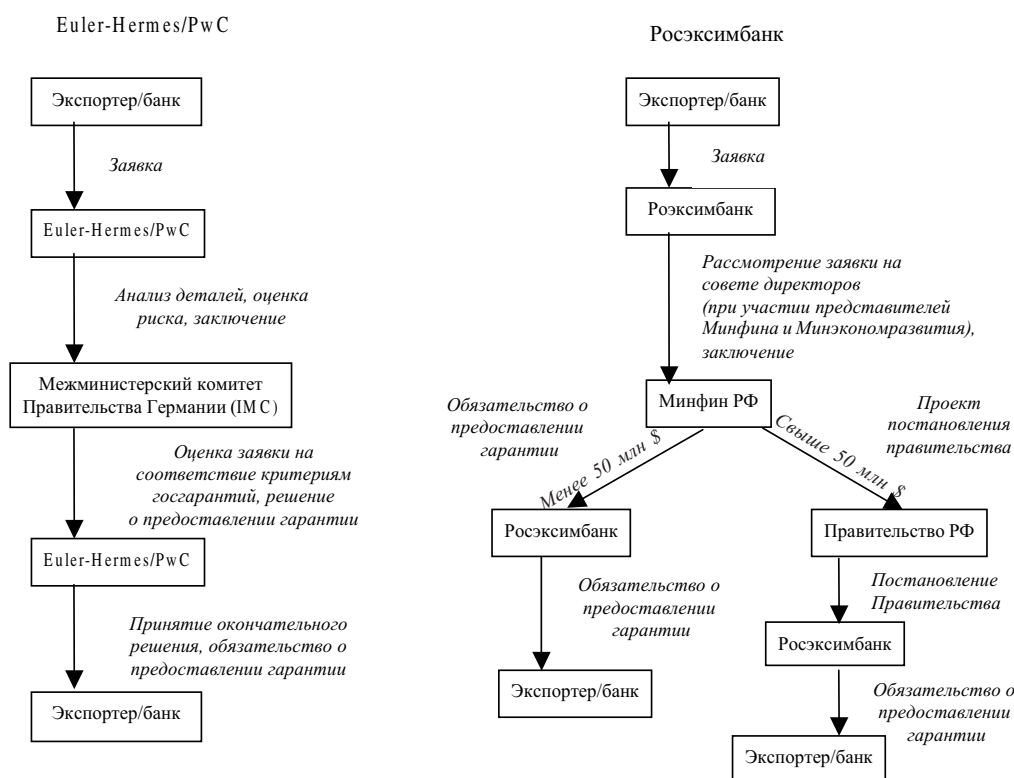
Таким образом, сегодня российская система поддержки экспорта характеризуется разорванностью, нескоординированностью и сложностью. Работу по субсидированию части процентных ставок ведет Минпромторг, ВЭБ осуществляет кредитование некоторых проектов, Минэкономразвития готовит свои разработки по институциональному развитию и регулированию поддержки экспорта, Минфин и Росэксимбанк обеспечивают функционирование механизма государственных гарантий и т. д.

Помимо того что эффективность всей системы поддержки экспорта страдает от отсутствия единства и целостности, отдельные механизмы экспортной поддержки неэффективны.

Государство направляет на предоставление государственных гарантий экспортерам значительные средства. Как было сказано выше, в бюджете на 2010 г. зарезервировано на эти цели 2 млрд долларов США (примерно 0,6 % федерального бюджета). При этом реально используется от силы 10 % [1]. Интересно, что другие страны в среднем направляют 0,4 % бюджета на эти цели и практически целиком выбирают зарезервированные средства.

В чем же причина неэффективности системы? В этом плане показательно сравнение механизма предоставления государственной гарантии экспортеру в России (агент правительства — Росэксимбанк) и в Германии, где эти функции делегированы Euler-Hermes совместно с PriceWaterCoopers (см. рисунок).

При внешней схожести механизмов принятия решений существенным различием является тот факт, что в России реальное решение принимается чиновниками в Министерстве финансов РФ. В случае когда речь идет о крупных проектах, процедура еще более усложняется ввиду необходимости принятия постановления правительства. Безусловно, если речь идет о государственных гарантиях, то правительство должно участвовать в определении целесообразности той или иной сделки. Вместе с тем в целях повышения эффективности системы государство должно ограничиваться контролирующими функциями. Так, в рассматриваемом случае с Германией такие контролирующие функции выполняет Межминистерский комитет Правительства Германии (ИМС), в состав которого входят представители Правительства Германии (Минэкономики, Минфин, МИД, Минразвития), эксперты (Ассоциация экспортеров, IPEX-Bank, АКА, Счетная палата), а также представители Euler-Hermes и PwC. Комитет специально создан для определения соответствия поданной экспортером заявки критериям предоставления государственной поддержки. При этом основными критериями являются обеспеченность сделки, создание рабочих мест и поддержка рынка, важность для развития внешнеэкономических связей государства, приоритет малым и средним предприятиям из Восточной Германии и т. д. [4]. Таким образом, специально созданный орган обеспечивает не только оперативность принятия решений (счет идет на недели), но и единовременный учет интересов всех заинтересованных сторон.

Российский механизм предоставления госгарантий отличается тем, что каждая сделка рассматривается индивидуально одним органом исполнительной власти, который, очевидно, не всегда обладает всей полнотой информации. По мнению экспертов, именно бюрократические проволочки (согласно законодательству на весь процесс согласования отводится 3,5 месяца) являются причиной недостаточной эффективности государственной поддержки экспорта не только в части предоставления государственных гарантий, но и других форм поддержки.

Другой причиной низкой эффективности системы поддержки экспорта является слабость ответственной организации, а именно Росэксимбанка. И в первую очередь эта слабость определяется небольшим уставным капиталом (35 млн долларов США). Уставный капитал французского экспортного агентства COFACE — 400 млн евро [5], Чешского экспортного банка — 2 млрд чешских крон (около 77 млн евро) [6] и т. д. Именно поэтому зарубежные организации имеют возможность не только выступать в качестве государственных агентов, предоставляя государственные гарантии, но и выдавать свои гарантии. Росэксимбанк своих гарантий не выдает (не хватает капитала), а выступает лишь как агент правительства. По этой же причине деятельность по прямому финансированию экспортных сделок Росэксимбанком крайне ограничена.

Вместе с тем низкий кредитный рейтинг государства не позволяет Росэксимбанку как агенту Правительства РФ привлекать средства на выгодных

условиях даже под государственные гарантии Правительства, а следовательно он лишен возможности предлагать экспортерам российской продукции конкурентоспособные условия кредитования.

Следующей проблемой являются не совсем правильно определенные условия предоставления государственных гарантий. Минфин принимает решение о выделении госгарантии на экспортный контракт только при наличии или готовности предоставить на него госгарантии правительства страны-импортера [2]. Данное условие действительно не для всех стран, а лишь для тех, которые не имеют кредитного рейтинга (долгосрочного инвестирования в иностранной валюте) агентств Standard & Poog's, Moody's, Fitch. Следует отметить, что предоставление госгарантий страны-импортера является обязательным условием и для других стран (Германия, Чехия и т. д.). Однако необходимо учитывать тот факт, что российский промышленный экспорт конкурентоспособен именно в странах, которые не имеют кредитного рейтинга. А конкурентоспособность российских экспортеров определяется в том числе финансовыми пакетами, которые им предоставляются. Следуя этой логике, очевиден вывод, что такие условия предоставления госгарантий снижают конкурентоспособность российских экспортеров.

Очевидно, что сегодня в России нет полноценного института, основной функцией которого является финансовая поддержка национальных экспортеров. Росэксимбанк является лишь агентом правительства по выдаче госгарантий и имеет ограниченные ресурсы, а кредитование международных проектов ВЭБом имеет избирательный характер и продиктовано стратегическими целями государства.

Вместе с тем исследования международных организаций показывают, что экспортные агентства — это не только эффективный механизм развития реального сектора путем продвижения товаров на зарубежные рынки, но еще и инструмент развития финансового сектора, а также инструмент реализации актуальной сегодня антикризисной политики. Согласно исследованиям, проведенным Всемирным банком [12], существенным фактором падения объемов торговли в развивающихся странах явилось и ограничение возможности торгового финансирования. В кризис наращивание экспорта дало возможность противостоять сокращению совокупного спроса без риска разгона внутренней инфляции.

Создание государственного финансового института поддержки экспорта оказывает определенный эффект в первую очередь на финансовый сектор, что определяется сущностью деятельности экспортного агентства, а именно предоставлением финансовых продуктов.

Учитывая нынешнее состояние финансового сектора в России, попробуем оценить некоторые эффекты создания и деятельности экспортного агентства.

Во-первых, агентство смогло бы значительно дополнить существующий финансовый сектор РФ. Российские кредитные организации испытывают дефицит ликвидности, который вызывает дефицит и дороговизну капитала. В этих условиях, а также учитывая повышенные риски при работе с экспортерами, банкам выгоднее развивать другие направления деятельности (например, розничное кредитование).

Во-вторых, необходимость создания подобных институтов обусловлена и особенностями финансовых систем стран — традиционных рынков сбыта российской экспортной продукции. Промышленные товары российского производства наиболее конкурентоспособны на рынках стран СНГ, финансовые системы которых развиты слабо. Согласно рейтингу, опубликованному Всемирным экономическим форумом (WEF) [3] в 2009 г., Россия занимает 40-е место среди 55 стран с наиболее развитой финансовой системой. При этом Украина занимает лишь 53-е место, а остальные страны СНГ вообще не попали в рейтинг. Слабость финансовых систем и дороговизна капитала в этих государствах обуславливают ограничения, с которыми сталкиваются потенциальные импортеры. В этом плане предоставление государственных гарантий Правительством РФ обеспечивает упрощение получения кредита на импорт.

Влияние на реальный сектор обусловлено не только сущностью задачи экспортного агентства, а именно поддержкой, предоставляемой предприятиям реального сектора. Данный финансовый институт может являться одним из инструментов диверсификации экономики.

Деятельность экспортного агентства предполагает создание комфортных условий для определенной группы предприятий (экспортеров). Создание более благоприятных условия в одном секторе приведет к перетоку ресурсов из других секторов и, как следствие, к структурным изменениям в экономике в долгосрочной перспективе. В этом плане подобный институт и правильно выбранные критерии предоставления госгарантий могут стать полезным инструментом в процессе диверсификации российской экономики.

Итак, российского института страхования и кредитования экспорта, аналогичного зарубежным ЭКА и эксимбанкам, нет. Некоторые функции ЭКА делегированы Росэксимбанку, который, в силу указанных выше обстоятельств, является недостаточно эффективным инструментом. Каковы же перспективы создания полноценного, эффективного механизма финансовой поддержки экспорта?

В соответствии с ФЗ «О Банке Развития» [1, ст. 3, п. 3, пп. 8] Внешэкономбанк должен осуществлять деятельность по страхованию экспортных кредитов от коммерческих и политических рисков. И ВЭБ имеет определенное видение нового института. В стратегии развития Внешэкономбанка до 2012 г. [8] предполагается программа создания специального агентства по страхованию экспортных кредитов и инвестиций.

Согласно данной стратегии ВЭБ пойдет по пути экспортных агентств Японии и Чехии по разграничению деятельности по прямому финансированию, с одной стороны, и страхованию и гарантированию — с другой. В части страхования риски, которые ВЭБ намерен страховать, будут не только чисто коммерческими, но и политическими — на основе рекомендаций ОЭСР. ВЭБ готов страховать риски по экспортным кредитам сроком от 2 до 15 лет, лимитом возмещения является 95 % убытков по кредиту. Эту работу ВЭБ намерен осуществлять именно в режиме госагентства и на бюджетные деньги. Гарантийную поддержку экспорта ВЭБ предполагает, напротив, осуществлять без привлечения средств бюджета: планируемый объем гарантийных операций должен вырасти до 1,338 млрд долларов в 2012 г. Установлен и минимальный лимит стоимости

гарантии — 0,375 % от стоимости контракта. Основными инструментами, которые ВЭБ предполагает использовать, будут гарантии возврата аванса, гарантии надлежащего исполнения, тендерные гарантии, гарантии платежа в замену аккредитива, аккредитивы standby. При этом в программе госгарантий ВЭБ ориентируется на постепенное включение в свою работу Росэксимбанка.

С уверенностью можно утверждать, что именно эта программа ВЭБ получит свое продолжение и уже через 1–2 года появится полноценное, влиятельное российское государственное экспортное агентство. Тем не менее эффективность создаваемого агентства будет определяться в первую очередь его бизнес-моделью. Далее мы хотели бы привести некоторые размышления на тему того, что необходимо предусмотреть при создании эффективного экспортного агентства.

Важность и, более того, исключительность проблеме правильного выбора бизнес-модели института придает тот факт, что экспортное агентство, какого бы типа оно ни было, поддерживается правительством и вынуждено сотрудничать с частными компаниями. А это потенциально может провоцировать коррупцию. Именно закрытость принятия решений и коррупция вызвали в 1980–1990-х гг. жесткую критику подобных институтов во всем мире, которая привела к их большей открытости и коммерциализации.

Факт того, что экспортное агентство является государственным институтом, порождает еще одно противоречие. С одной стороны, одной из целей экспортного агентства является расширение экономического влияния государства, которое неразрывно связано с политикой; с другой стороны, опыт развития ЭКА в 1970–1980-х гг. показывал, что когда доминирует политический интерес, экономическая выгода от деятельности падает. Именно по этой причине современные иностранные экспортные агентства стремятся к независимости при принятии решений.

Независимость при принятии решений должна быть в первую очередь обеспечена значительными ресурсами. Необходимо обеспечить доступ к ресурсам, адекватным поставленным задачам.

Мировая практика показывает, что наиболее эффективным инструментом продвижения промышленного экспорта на государственном уровне является создание специализированных институтов — экспортных агентств, которые занимаются страхованием и гарантированием экспорта (экспортно-кредитные агентства), а также прямым кредитованием (эксимбанки). В настоящее время в России есть институты, которые формально выполняют роль экспортных агентств (Росэксимбанк, ВЭБ), однако слабость Росэксимбанка, избирательность ВЭБа, а также существующие бюрократические барьеры делают систему финансовой поддержки экспорта в стране малоэффективной.

---

1. Единой системы поддержки и стимулирования экспорта в России в настоящий момент не существует // Энергия промышленного роста. Сент. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.veb.ru/ru/about/press/publications/index.php?id32=5800>

2. Распоряжение Правительства РФ № 926-р от 28 июня 2006 года.

3. Сайт РосбизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://rating.rbc.ru>
4. Сайт Федерального министерства экономики и технологии ФРТГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agaportal.de>
5. Сайт Французского экспортного агентства COFACE [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coface.com>
6. Сайт Чешского экспортного банка [Электронный ресурс]. URL: www.ceb.cz
7. Современная международная экспортно-кредитная система // Международные банковские операции. 2009. № 2.
8. Стратегия развития государственной корпорации «Банк развития и Внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на период 2008–2012 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.veb.ru/ru/strategy/strat/>
9. Федеральный закон ФЗ-82 «О Банке развития» (2007).
10. *Chauffour J.-P., Saborowski Ch., Soylemezoglu Ah. I.* Trade Finance in Crisis Should Developing Countries Establish Export Credit Agencies? // The World Bank Working Paper 5166.
11. *Lederman D., Olarreaga M., Payton L.* Export Promotion Agencies: What Works and What does not // World Bank Group, Trade Note 30. Sept. 2006.
12. *Malouche M.* Trade and trade finance developments in 14 developing countries post September 2008 – a World Bank survey // World Bank Policy Research Paper 5138.

Рукопись поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

УДК 656.71 + 336.2 + 351.814.1 + 656.73

Н. Ю. Ярошевич

ПОИСК ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ АЭРОПОРТОВЫМ БИЗНЕСОМ

В статье поднимается проблема поиска эффективной модели управления аэропортами в России. На основе большого фактического материала анализируется зарубежный опыт управления аэропортами и выделяются следующие модели: государственная собственность и государственная эксплуатация; государственная собственность и коммерческая эксплуатация; региональная собственность (субъектов Федерации) и эксплуатация; государственная собственность и частная эксплуатация; частная собственность и частная эксплуатация. Определены принципы эффективности деятельности аэропортов и даны рекомендации по формированию эффективной модели управления аэропортами в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модели управления аэропортами, государственная собственность, эксплуатация аэропорта, принципы эффективности аэропорта, аэропортовый бизнес.

Главной целью государственного управления федеральным имуществом аэропортов в 1991–2007 гг. являлись реструктуризация инфраструктурной составляющей гражданской авиации и ее адаптация к условиям рыночной экономики. Происходило это в два этапа:

— первый (1991–1998) — приватизация предприятий гражданской авиации;

— второй (1999–2007) — реализация первоочередных мер по установлению эффективного гражданского оборота имущества аэропортов.

Проводимая государственная политика предполагала приватизацию и одновременное разделение предприятий гражданской авиации на независимые хозяйствующие субъекты — авиакомпании и аэропорты; запрет на приватизацию предприятий и объектов гражданской авиации двойного назначения, в том числе аэродромов; передачу уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (его территориальными органами) аэродромов, предприятий гражданской авиации, преобразованных в открытые акционерные общества, акционерным обществам в пользование по договорам аренды.

В результате сложилась следующая ситуация: не сформировался институт эффективных собственников приватизированных предприятий — балансодержателей аэропортов, заинтересованных в долгосрочных капитальных вложениях в имущество приватизированных аэропортов. В большинстве своем частные акционеры приватизированных предприятий — балансодержателей аэропортов были представлены менеджерами-инсайдерами или крупными акционерами, ориентированными на перепродажу пакетов акций ввиду значительной недооценки приватизированных предприятий на момент их приватизации.

Произошло существенное сокращение количества аэропортов — с 1302 в 1999 г. до 351 в 2007-м. Средний возраст действующих аэропортов составляет около 50 лет. Износ основных производственных фондов превышает 60 %, а по отдельным аэропортам доходит до 80 % [1].

Существующая практика государственного управления аэропортами как естественными монополиями показала свою неэффективность. Роль государства сводится к распределению государственных инвестиций и регулированию тарифов и сборов. Такой подход, по мнению ряда экспертов, не стимулирует развитие авиаперевозок [2].

Таким образом, становится актуальным поиск эффективных моделей организации и управления современным аэропортовым бизнесом.

Анализируя мировую практику организации и управления деятельностью аэропортов, можно выделить следующие модели:

- 1) государственная собственность и государственная эксплуатация;
- 2) государственная собственность и коммерческая эксплуатация;
- 3) региональная собственность (субъектов Федерации) и эксплуатация;
- 4) государственная собственность и частная эксплуатация (включая совместные предприятия, контракты на управление, частичную продажу активов, аренду объектов, различные концессионные схемы и другие формы государственно-частного партнерства);
- 5) частная собственность и частная эксплуатация.

Практический интерес представляют все модели, но модель 1 уже пройденный этап (с отрицательным результатом), а модель 5 — относительно новый подход в развитии аэропортовой деятельности (не имеет долгосрочной статистики результатов), поэтому рассмотрим модели 2–4, практически применяемые сегодня за рубежом.

Модель «государственная собственность и коммерческая эксплуатация». Известна как публично-правовая корпорация. В рамках данной модели возможны улучшение управления и относительная финансовая автономия, облегчение доступа к рынкам частного капитала для обеспечения развития аэропорта.

Примеры:

— «английская модель» управления аэропортами, государственная на начальном этапе развития, затем эволюционировавшая в частное управление. British Airport Authority (BAA) — первая администрация аэропорта, построенная в 1966 г. на этих принципах.

В 1987 г. Великобритания приватизировала свои коммерческие аэропорты и к концу 1995 г. реинвестировала около 782 млн долл. США в усовершенствование инфраструктуры семи приватизированных аэропортов. Подобные модели: Israeli Airport Authority — в Израиле, INFRAERO — в Бразилии;

— «испанская модель» управления аэропортами (AENA), от государственного управления перешла к открытой акционерной независимой компании под попечительством Департамента транспорта с привлечением частного капитала в финансирование и строительство инфраструктуры. Были применены схемы Build, Own, Operate, Transfer — BOOT («строительство, владение, управление, передача») для строительства нового пассажирского терминала в Пальма де Майорке и грузового терминала в Барселоне;

— амстердамский аэропорт Schiphol (у государства 75,8 % собственности, у города Амстердама 22,2 %, у города Роттердама 2 %). Аэропорт придерживается бизнесориентированного подхода и финансово независим, хотя правительство осуществляет инфраструктурные инвестиции. Несмотря на свою государственную природу, торгует «бондами» на финансовом рынке, при этом обладает наивысшим рейтингом — «AAA».

Модель «региональная собственность (субъект Федерации) и эксплуатация». Альтернатива государственной собственности и эксплуатации. Направлена на поддержку развития региональной и местной аэропортовой сети. При этом собственность находится в руках одной или нескольких региональных, местных организаций.

Этот подход был использован в аэропортах США (за исключением аэропортов Вашингтона), Великобритании (вне связи с «BAA») и во Франции. Некоторые местные власти эксплуатируют несколько аэропортов (так, Airports de Paris управляет четырьмя аэропортами в районе Парижа).

В этой схеме, несмотря на то, что развитие инфраструктуры происходит с участием региональных и местных властей, большая часть деятельности отдана на субподряд частному сектору, который практически обеспечивает до 90 % всей аэропортовой деятельности.

Привлечение заемных средств, в том числе авиакомпаний, на финансирование инфраструктурных проектов широко применялось в американских аэропортах. Для обеспечения гарантий по кредитам указанные аэропорты использовали долгосрочные соглашения (residual agreements) с авиакомпаниями, которые обязывали их обеспечивать покрытие аэропортовых эксплуатационных затрат.

Модель «государственная собственность и частная эксплуатация». У данной модели существует множество комбинаций, построенных на сочетании целого ряда критериев:

- уровень обязательств государственного и частного секторов;
- распределение рисков;
- право собственности на активы;
- сроки эксплуатации (продолжительность во времени) и т. д.

Рассмотрим существующие варианты.

Совместное предприятие — управляется как частная компания, но имеет ограниченные организационные и финансовые функции и находится под наблюдением Министерства транспорта. Например, международный аэропорт Kansai (Япония). Структура собственности уникальна: японское правительство — 2/3 акций (66,66 %), остальные акции принадлежат 12 местным органам власти и более чем 800 частным компаниям и частым лицам. Привлечение инвестиций в строительство составило более 20 млрд долларов США (включая возведение искусственного острова).

Частичная продажа активов — правительство уменьшает свое участие, сводя его к незначительной доли или к одной единственной акции. Остальные доли выставляются на продажу непосредственно местным (региональным) властям или частым лицам. Распределение активов используется как средство привлечения частного капитала для развития инфраструктуры аэропорта. Например, международный аэропорт Zürich (Швейцария) — 100 %-я собственность кантона Цюриха, при этом аэропорт управляется частной компанией Unique, в которой 33,33 % + 1 акция принадлежит кантону Цюриха, 5 % — городу Цюриху, остальные доли собственности принадлежат группе частных лиц.

Контракты на управление — управление всем или частью аэропорта — переданы специализированному оператору (управляющей компании) на определенный период времени и с соблюдением ряда специально оговоренных условий, касающихся производительности объектов, технологий обслуживания, инфраструктурных инвестиций, стимулирования процесса и результатов управления. Например, управляющая компания Aeroports du Cameroun, созданная правительством Камеруна (Африка) для управления сетью из 7 (14) аэропортов страны в течение 15-летнего периода. При этом 34 % акций принадлежат управляющей компании Aeroports de Paris, 24 % — камерунскому правительству, оставшиеся 42 % распределены среди банков и различных транспортных агентств. Aeroports du Cameroun обязана реинвестировать часть прибыли и может устанавливать уровни аэропортовых сборов по согласованию с правительством страны.

Концессионные формы управления — еще один вариант. Build, Operate and Transfer (BOT) — «строительство, управление, передача», классический вариант концессии в управлении аэропортом. Концессионер (частный инвестор) осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, после чего объект передает государству. Частный оператор получает соответствующие доходы, но, в свою очередь, принимает на себя все коммерческие риски. Договор концессии может включать

также некоторые регулирующие условия относительно ценообразования и обеспечения качества (мировая практика: срок контракта 20–30 лет с вероятностью продления).

Rehabilitate, Own, Transfer (ROT) — «реконструкция, владение, передача». Данный механизм предполагает передачу существующего объекта инфраструктуры, находящегося в государственной собственности, частному оператору на условиях осуществления модернизации данного объекта с последующей его эксплуатацией при принятии концессионером определенных обязанностей и ограничении его некоторых прав по отношению к объекту с последующей передачей объекта государству или без таковой (например, концессионер имеет право управлять объектом до тех пор, пока соблюдает оговоренные правила его эксплуатации).

Build, Own and Operate (BOO) — «строительство, владение, управление» или «Greenfield project» (Гринфилд). Концессионер строит объект и управляет им на правах владения и пользования. При этом концессионный срок не фиксируется.

Build, Own, Operate, Transfer (BOOT) — «строительство, владение, управление, передача». Аналог BOO, но владение и пользование осуществляется в течение строго оговоренного срока. Частный оператор сохраняет собственность только в течение периода концессии, обычно под гарантию кредитов (мировая практика: срок контракта 40–50 лет с вероятностью продления).

Build, Transfer and Operate (BTO) — «строительство, передача, управление». Концессионер строит объект и передает государству в собственность сразу после завершения строительства, после чего объект возвращается в управление концессионеру.

Build, Lease, Transfer (BLT) — «строительство, лизинг, передача».

Rehabilitate, Own and Operate (ROO) — «реконструкция, владение, управление».

Иные формы управления, близкие к концессионным. Lease, Development and Operate (LDO) — «аренда, развитие, управление». Аренда на долгий срок на существующий объект. Частная компания использует и модернизирует или расширяет объект, получает доходы от управления и платит арендную плату государству, которое сохраняет за собой собственность в течение периода аренды.

Lease contract — контракт, близкий по содержанию к аренде. Арендатор не участвует в строительстве, получая объект от государства. При этом в обязанности арендатора входят обслуживание объекта, взимание платы, а также платежи государству за пользование объектом.

Service contract — контракт на отдельные виды сервисного обслуживания и предоставления услуг.

Management contract — контракт на управление передается специализированной управляющей компании, состоящей из группы высококвалифицированных менеджеров. Прибыль управляющей компании создается за счет снижения издержек управляемой структуры. При этом не изменяются организационно-правовая форма управляемого предприятия и собственник имущественного комплекса.

Совет Международной организации гражданской авиации (ИКАО) отмечает, что накопленный во всем мире опыт свидетельствует: там, где аэропорты эксплуатируются автономными структурами (независимыми организациями, созданными с целью эксплуатации и управления одним или несколькими аэропортами и наделенными правами распоряжаться и использовать получаемые ими доходы для покрытия своих расходов), их общее финансовое положение и эффективность управления в целом имеют тенденцию к улучшению [3].

Осуществляя выбор той или иной модели управления аэропортами в России, необходимо руководствоваться следующими международными принципами эффективного управления:

1) «неразрывности» имущественных комплексов, предназначенных для обслуживания воздушных перевозок и аэродромов, в том числе в приватизационном аспекте;

2) построения аэропортовой (аэродромной) сети ведущих мировых стран с учетом перехода авиакомпаний на новый принцип организации маршрутных сетей «HUB and spoke network» — звездообразная сеть;

3) формирования аэропортовой (аэродромной) сети с использованием узловых аэропортов (ХАБы) для увеличения транзитного пассажиро- и грузопотока;

4) определения модели управления, при которой непосредственными собственниками аэропортов (аэродромов) являются:

— органы государственной власти и (или) муниципальных образований — американская модель;

— акционерные общества, акционерами которых являются органы государственной власти и (или) муниципальных образований — западноевропейская модель;

5) определения роли собственников в управлении как «условно-пассивной», так как в большинстве аэропортов функции управления передаются частным специализированным компаниям — «операторам»;

6) определения роли операторов как стратегических инвесторов, которые обеспечивают привлечение кредитных ресурсов на реновацию и развитие аэродромного имущества.

Таким образом, опираясь на мировой опыт управления, наиболее перспективными моделями развития аэропортового бизнеса становятся модели «управление развитием аэропорта» и «содержание и развитие аэропортовой инфраструктуры». Все остальные виды деятельности должны быть выделены в самостоятельные бизнесы либо осуществляться сервисными компаниями. При этом аэропорт должен обеспечить надлежащее качество всех услуг, предоставляемых сервисными компаниями. От создания эффективных механизмов взаимодействия с выделяемыми бизнес-единицами в конечном итоге зависит успех бизнеса аэропортов в России.

---

1. Современное состояние и перспективы развития аэропортовой сети Российской Федерации. Решение Коллегии авиационной общественности (КАО). М., 2007.

2. Российская гражданская авиация из кризиса не вышла // Тезисы вступительного слова президента АЭВТ Евгения Чибирева на 2-й конференции «Авиационное финансирование и лизинг в России и СНГ», Москва, 16 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: www.aex.ru/news/2010/2/11/73206/

3. ICAO's Policies on charges for airports and air navigation services [Электронный ресурс]. URL: www.icao.int/icaonet/dcs/9082.html

Рукопись поступила в редакцию 29 апреля 2010 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 398.22 + 141.155 + 141.133 + 316.73

Н. В. Кузнецов

МИФ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Критически проанализировав методологический опыт исследования мифа, накопленный в рамках современной западноевропейской антропологии, автор обосновывает тезис, что понятие мифа и идея эволюции генетически несовместимы друг с другом: миф предполагает скорее инволюцию, чем эволюцию.

Ключевые слова: миф, мифология, культурная антропология, эволюция, европоцентризм.

Самого серьезного внимания заслуживает методологический опыт исследования мифа, накопленный в рамках современной западноевропейской антропологии. С самого начала антропология, как наука, определяющая область своей компетенции в границах культуры и быта так называемых «примитивных» народов, оказывается прочно связанной с идеями эволюционизма. Следует сразу же, предваряя какую-либо общую оценку методологического потенциала антропологии, заметить, что само понятие мифа и идея эволюции генетически несовместимы друг с другом. Действительно, даже если обращать внимание только на особенности внешнего восприятия человеком мифа и мифологических сюжетов, то должно быть очевидно, что миф предполагает скорее инволюцию, чем эволюцию. Инволюция здесь может быть понята не только в значении некоторого отделения и удаления от изначальной целостности, олицетворяемой традицией, но и как возможное возвращение к некогда утраченному единству. В ином случае, когда за основу берется идея эволюции, миф рассматривается только в качестве рудимента эволюционного процесса и поэтому вполне закономерно в антропологических исследованиях приобретает облик «пережитков» предшествующих стадий поступательного развития, сохраняющихся в виде соответствующих обрядов, обычаев, ритуалов и т. д.

Идеи эволюционизма господствовали в Оксфордской школе антропологии и этнографии, лидером и родоначальником которой считается Э. Тэйлор [10]. История человеческой культуры рассматривалась им в качестве продолжения процесса естественной эволюции, и поэтому естественно-научный метод вполне применим к изучению самых разных стадий развития общества. Подобно тому как натуралист имеет дело с ботаническими и зоологическими видами, так и этнограф работает с отдельными единицами либо материальной (оружие, инструменты, предметы быта и т. д.), либо духовной (легенды, обряды и т. д.) культуры. Если же единицы духовной культуры сохраняются и переносятся из одной стадии развития в другую, более позднюю, с предметами которой у первых уже нет естественной связи, то тем самым образуются «пережитки» (survivals — понятие, введенное в антропологию именно Э. Тэйлором), обладающие уже только значением памятника прошлого.

Таким образом, предполагается в каком-то смысле скрытый от глаз современника способ существования «пережитков», их «бытие-для-себя», отличное от «бытия-для-нас». Условием такого «подлинного» существования предметов «примитивной» культуры является то, что Э. Тэйлор называет естественной связью каждого предмета и всех их вместе с культурой как органическим целым. Найти эту естественную связь можно только в области духовной культуры, и поэтому Э. Тэйлор вполне закономерно в своих исследованиях почти не касается вопросов развития семьи, трудовой деятельности, техники и других форм материальной культуры, которые весьма интересовали многих этнографов его времени (например, Дж. МакЛеннана или Л. Моргана). Так же закономерно в поисках этой естественной связи Э. Тэйлор обращается к религии, поскольку известно, что этимологически слово «религия» как раз и указывает на эту связь. Однако эволюционизм Тэйлора требует обнаружения и установления некоторых простейших и первоначальных форм религии, из которых по ходу эволюционного процесса и возникают более сложные и более близкие современникам формы. В конце концов вся история религий начинается, согласно Э. Тэйлору, с «анимизма», с комплекса представлений примитивного человека о душе и духах. Современные религиозные представления о едином Боге, о загробной жизни и другие оказываются в таком случае чем-то вроде «идеологической надстройки» над продолжающим воспроизводиться и подспудно функционировать в современной культуре первобытным «анимизмом».

Идеи эволюционизма выражены Э. Тэйлором в их, можно сказать, «классическом» для антропологии виде, и в дальнейшей ее истории к этим идеям будут еще не один раз обращаться как его последователи, так и критики. Обратим внимание и на то, каким образом Э. Тэйлор употребляет понятие «религия», расширяя его содержание и размывая его границы почти до полной неопределенности. Действительно, такое широкое понятие религии оказывается для антропологов очень удобным, поскольку заведомо включает в себя любые предметы первобытной культуры (как духовной, так и материальной) — как те, чье предназначение хотя бы в какой-нибудь степени известно нашим современникам, так и те, о назначении которых можно было бы, не обладая «анимистической» теорией религии, только догадываться. Разумеется, «анимизм»

Тэйлора в последующих антропологических и этнографических теориях будет подвергнут критическому анализу, но то обстоятельство, что столь широкое и расплывчатое употребление понятия религии по меньшей мере не оправдывается историческими фактами, долгое время будет игнорироваться.

Идеи эволюционизма в полной мере поддерживались и главой Кембриджской антропологической школы Дж. Фрэзером, автором многотомной и трижды обновленной «Золотой ветви» [16], частично переведенной и на русский язык [11]. Эволюционное развитие культуры проходит, согласно теории Дж. Фрэзера, три основные стадии — магическую, религиозную и научную. В этой схеме нетрудно увидеть исходный образец — идею О. Конта о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества — мифологической, метафизической и научной [4]. Различие в названии промежуточной стадии оказывается несущественным, если учесть, что переход от теологической стадии к метафизической у О. Конта, как и переход от магии к религии у Дж. Фрэзера, становится возможным только благодаря освоенной к соответствующему времени человеческой истории операции абстрагирования. Магическое мировоззрение основано на наивном предположении примитивного человека о возможности непосредственного воздействия на силы природы, тогда как религия предполагает персонификацию неподдающихся такому воздействию сил, которая вполне правомерно может рассматриваться как донаучная практически-духовная форма абстрагирования. Для объяснения генезиса религиозного мировоззрения Дж. Фрэзер считал более важным изучение «тотемизма», нежели «анимизма», хотя окончательная концепция тотемизма у него так и не сложилась. Следует особо отметить интересную идею Дж. Фрэзера о происхождении древних династий царей от касты жрецов, которая образуется еще на магической стадии человеческой истории.

Судя по работам Дж. Фрэзера в целом, он фактически не различает понятия мифа и ритуала. Вместе с тем во множестве ритуалов, как магических, так и религиозных, он особо выделяет ритуал божественной жертвы, предполагая, что именно ритуальное воспроизведение жертвенной смерти божества и последующего воскресения играет в древних обществах роль универсального закона. Иными словами, фактически Дж. Фрэзер признает необходимость установить определенную иерархию ритуалов и обнаружить их единую функциональную основу, своеобразное «архэ» антропологии, хотя постановка данной проблемы связана уже с ее дальнейшей историей.

Задача описания различных форм культурной жизни в их целостности и взаимосвязи между отдельными элементами становится важнейшей для так называемой «функциональной» школы в антропологии, основателем которой является Б. Малиновский. Это именно задача описания, поскольку вопросы происхождения того или иного культурного института, его исторической динамики рассматриваются в рамках данной школы как бесплодные спекуляции. Культура у Б. Малиновского является сложной совокупностью органически взаимосвязанных институтов, предназначение которых состоит в удовлетворении как материальных (первичных), так и духовных (вторичных в том смысле, что они порождаются уже самой культурой) потребностей людей. Приобретение

вторичных потребностей, их закрепление и передача от поколения к поколению формируют социальный опыт, который и составляет содержание той или иной культуры. Мифология оказывается важнейшим институтом первобытных обществ, и содержание многообразных обычаев, религиозных церемоний и обрядов обусловлено функциональной зависимостью от этого института. Церемония инициации (которую Б. Малиновский понимает строго функционально, т. е. не только как форму социализации индивидов, но и как средство подключения последних к императивам, закрепленным в мифологии), наряду с другими церемониями и обрядами (например, бракосочетания), появляется в качестве «надстройки» над чисто физиологическими фактами биографии индивида, и поэтому ее сакральное содержание может рассматриваться как необходимая и общественно полезная мистификация данных физиологических фактов.

Мифология характеризует не только религиозную стадию существования общества (где она реализует свои императивы через обряды и церемонии), но и предшествующую ей стадию магии; на этой, самой ранней стадии человеческого существования миф выражает свое содержание в магических ритуалах и заклинаниях (у Б. Малиновского — spells). Существует, следовательно, особая магическая мифология, которая является столь же важным социальным институтом, поскольку «...магия и религия появляются и функционируют в ситуациях эмоционального стресса: во время жизненных кризисов, неудачи в важных делах, в момент опасности смерти и в момент посвящения в тайны племени, при неудачной любви и неудовлетворенной ненависти. И магия, и религия открывают выход из этих тупиковых ситуаций, но выход, который не фиксируется эмпирически, поскольку он основан на ритуалах и вере в область сверхъестественного» [17, 87]. Магическая мифология в конечном счете выполняет ту же стабилизирующую функцию, ради которой допустимы любые мистификации. Вместе с тем в магических представлениях о мире существовало и вполне реальное содержание, совпадающее по своему характеру с научным знанием о мире.

Полевые исследования Б. Малиновского проходили на островах Тихого океана и в Австралии, где исследователю удалось установить вполне определенную регулярность в применении магических ритуалов и обрядов. Туземцы обращались к магии лишь в том случае, когда вид деятельности был связан с риском и неопределенностью (например, охота на акул или сооружение лодки). Магия, делает вывод Малиновский, всегда применяется в той области действий, где господствуют случай и неопределенность и где, следовательно, возможность ошибки очень велика. Благодаря этому обстоятельству магия оказывается видом творческой деятельности и представляет собой не только архаическую форму научного знания, но и исторически первую форму творчества, проявляющего себя прежде всего в проектировании поведения первобытного человека в разного рода экстремальных ситуациях. Однако во всех интерпретациях магии допускается, что реальное содержание магических представлений о мире не совпадает с тем, как его воспринимали те люди, которые практиковали магические ритуалы в действительности. Любая такая интерпретация преследует цель демистификации магии; стремление к этой цели вынуждает

исследователя обращать внимание прежде всего на предметно-практическую часть содержания магических ритуалов и невольно оставляет в тени их собственную семантику, которая, как это должно быть понятно, гораздо важнее любых операций с предметами. Возникает недопустимый в первобытных обществах разрыв между практикой и семантикой, и именно в этом разрыве, между прочим, заключается гарантия того, что все записанные на бумаге «магические» рецепты не будут «работать» ни при каких условиях. К этому следует добавить, что эмпирические наблюдения магических ритуалов не столь часто встречаются в полевых исследованиях антропологов, и шутливое утверждение о том, что самыми точными знаниями о магии располагают те исследователи, которые меньше всего с ней знакомы, не всегда является преувеличением. Напомним, что такая неопределенность имеет место в отношении понятия, которое в теоретической надстройке антропологии играет роль несущей конструкции. Из понятия магии (с совершенно неизвестным содержанием) выводятся одновременно и религия, и наука; к этому следует добавить, что согласно общепринятому в антропологии убеждению религиозные обряды являются формальным воспроизведением предшествующих им магических ритуалов, и это представление в достаточной степени разоблачает тот радикальный европоцентризм, от которого в действительности продолжает и в XX столетии отталкиваться культурная антропология. Действительно, убежденность исследователя в том, что люди могли на протяжении тысячелетий участвовать в религиозных обрядах, содержание которых было им совершенно непонятно, может быть основана только на плохо скрываемом представлении о глупости и темноте всех людей, хоть чем-то отличающихся от европейцев Нового времени.

Вполне осознанную попытку преодоления европоцентризма можно обнаружить в работах родоначальника американской «школы исторической этнологии» Ф. Боаса, которую иногда и называют «школой Боаса». Его исследования языка, культуры и быта североамериканских индейцев основаны на принципах культурного плюрализма и релятивизма. Отталкиваясь от этих принципов, Ф. Боас подвергает критике господствовавшие в антропологии его времени эволюционизм и диффузионизм [1, 2, 12, 13]. Различные культурные типы не только не имеют некоего общего источника своего происхождения, но и на более зрелой стадии своего развития фактически несопоставимы друг с другом. Социальные идеалы, принципы морали, представления о материальных и духовных благах негров Центральной Африки, австралийцев, эскимосов настолько сильно отличаются друг от друга и тем более от соответствующих представлений европейцев, что выработать какие-то, пусть самые приблизительные, общие принципы «цивилизации вообще» совершенно невозможно.

Исходя из такой общей оценки, Ф. Боас формулирует методологию своих собственных исследований в области антропологии следующим образом: «Научное изучение различных общественных форм требует... чтобы исследователь избавился от всех оценок, основанных на нашей культуре. Объективное, строго научное исследование возможно только в том случае, если у нас получится войти в каждую культуру на ее собственной базе, если мы сможем принять идеалы каждого народа и будем признавать в нашем объективном исследова-

нии культурные ценности, обнаруживаемые среди разных ветвей человеческого рода» [12, 201]. К этому принципу следует добавить принцип «Человек один, цивилизаций — множество», а также характерный и для Ф. Боаса, и для его последователей пафос перехода антропологии от ненужных эволюционистских спекуляций и необоснованных генерализаций к конкретике исследовательской работы. Важнейшими понятиями «школы Боаса» становятся «культурный ареал», «культурный центр», «маргинальные ареалы» и т. д. Обряд становится объектом изучения с учетом прежде всего его географического распространения; к каким-либо попыткам интерпретации его содержания в «школе Боаса» относятся почти всегда с подозрением. Любая интерпретация скрывает в себе произвольную проекцию предвзятых методологических конструкций и, следовательно, искажает объект исследования. В действительности «исторический метод» Ф. Боаса оказывается применимым только к актуально существующему материалу, поскольку должно быть понятно, что географический ареал распространения того или иного объекта описания не остается зафиксированным в его экспоненте. Кроме того, само описание, противопоставляемое произвольным теоретическим спекуляциям, оказывается у Ф. Боаса и его последователей (А. Л. Кребер, А. Гольденвейзер и др.) не методологической процедурой со своей собственной исследовательской техникой, а элементарным и произвольно воспроизводимым актом человеческой чувственности. Это обстоятельство позволяет вполне правомерно увидеть в исследованиях «школы Ф. Боаса» иную форму того же самого позитивизма, который остается господствующим в англо-американской антропологии и сегодня [8, 126–152].

Некоторые попытки соблюсти дистанцию по отношению к позитивизму и к соответствующим методологическим парадигмам можно наблюдать в истории так называемой французской социологической школы. Хотя у истоков этой школы и стоит Э. Дюркгейм, один из наиболее значительных представителей позитивизма за всю его историю, но утверждать, что все другие представители этого течения были его строгими последователями, было бы сильным преувеличением. В первую очередь это замечание относится к теории «коллективных представлений» Л. Леви-Брюля, имеющей самое прямое отношение к проблеме исследования мифов в этнографии и антропологии. Вспомним, что коллективными представлениями Леви-Брюль называет те идеи, нравственные убеждения, верования, которые не приобретаются человеком благодаря его собственному жизненному опыту, а оказываются в содержании его индивидуального сознания через воздействие социальной среды, т. е. через воспитание (которое в архаических обществах связано с инициацией), через обычаи и ритуалы. «Представления, называемые коллективными, если их определять только в общих чертах, не углубляя вопроса о их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение; они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что эти представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от

индивидов, составляющих социальную группу. А потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового» [5, 5]. Ошибка антропологии, по убеждению Л. Леви-Брюля, до сих пор заключалась в том, что умственную жизнь примитивных народов исследователи рассматривали в соответствии с нормами мышления современного европейца, исходя из представления об одинаковой природе законов мышления у всех людей, на какой бы стадии исторического развития те ни находились. При этом они обращались исключительно к индивидуальной психологии человека, тогда как все мифы, обычаи, ритуалы являются общественными по своей природе явлениями и связаны в первую очередь с коллективными представлениями.

Законы, в соответствии с которыми зарождаются и функционируют коллективные представления, принципиально отличаются от логических законов, которым подчиняется индивидуальное мышление. Прежде всего коллективные представления, в отличие от индивидуального мышления, еще не отделены от эмоций и волевых актов и поэтому включают их в себя. Коллективные представления в силу этой их особенности имеют «заразительный» характер, и благодаря им самые различные эмоции могут мгновенно охватывать большие группы людей. Кроме того, в коллективных представлениях отображаются не явления внешнего мира как таковые, а всегда мир как целое, и эта целостность очень часто обеспечивается действием некоторой всеобъемлющей и подчиняющей себе все единичные вещи магической силы (*мана*). Поэтому коллективные представления совсем не направлены, как думали ранее антропологи, на объяснение мира и не являются архаическими формами научного знания. Наконец, коллективные представления возникают еще до появления в сознании человека строгой границы между объективной и субъективной реальностями, и по этой причине примитивный человек очень часто не различает вещь и свое представление о ней, сновидение и реальность, реального человека и его изображение и т. д.

Тип мышления, основанный на коллективных представлениях, Л. Леви-Брюль называет «пралогическим» и подчеркивает, что это определение не указывает на «нелогический» характер связи между понятиями примитивного человека. Закон противоречия вообще не действует в мышлении этого типа, и поэтому нельзя утверждать, что он нарушается. Вместо этого закона «пралогическое» мышление подчиняется закону партиципации, т. е. сопричастия, в силу действия которого мысль примитивного человека, на какой бы предмет она ни была направлена, никогда не рассматривает этот предмет изолированно от универсальной взаимосвязи всех вещей и явлений. Л. Леви-Брюль говорит не только об особой логике примитивного человека, но и о его специфической математике, основанной на понятии «совокупность-число», выражающем в форме конкретного единства определенное количество, неразложимое на составляющие его единицы. Следует обратить также внимание, что Л. Леви-Брюль более осторожно обращается с понятием «религия», обозначая им, в отличие от уже упомянутого Э. Дюркгейма или антропологов Англии и США, лишь ее развитые формы, тогда как первобытные верования, обряды, ритуалы относятся им к некой «пра-религии».

В общей перспективе развития этнографической науки появление структурной антропологии К. Леви-Стросса можно расценивать как закономерный этап формирования теоретической надстройки антропологических исследований, как закономерный переход от этнографии в собственном смысле этого слова к «этнологии». Работы К. Леви-Стросса отличает интенсивный поиск новых методологических принципов антропологии, в рамках которого он обращается не только к структурной лингвистике Ф. Де Соссюра и фонологическому анализу Р. Якобсона, но и к работам К. Маркса и З. Фрейда. Миф, выступающий в качестве главного объекта структурной антропологии, не должен рассматриваться как архаическая форма научных знаний о мире; вместе с тем и господствовавший в социологии взгляд на миф как на форму выражения коллективных представлений еще в большей степени не устраивает К. Леви-Стросса. В самых общих параметрах структурные исследования К. Леви-Стросса направлены на раскрытие некоей тотальной рациональности, по отношению к которой не только наука современного европейца оказывается лишь одной из возможных форм, но даже и «...человек неолита является... наследником длительной научной традиции» [6, 125]. Иногда эту доминирующую интенцию структурной антропологии неверно интерпретируют, сводя ее объект к раскрытым в результате структурного анализа бинарным оппозициям. Эта ошибка закономерно возникает, если идея прогресса с его переходом от простого к сложному остается нередуцированной, и в таком случае структура закономерно превращается в «идею» структуры, в некий архетип человеческой истории, по-разному проявляющий себя в примитивных и современных обществах. Такое нередко встречающееся представление о целях и задачах структурной антропологии диаметрально противоположно ее действительному смыслу. В этнологии структура есть «...способ организации обмена в отдельной части общества или в обществе в целом. Социальные факты не есть ни вещи, ни идеи, они — структуры... Субъектам, живущим в обществе, нет нужды знать принцип осуществляемого ими обмена, так же как говорящий субъект, чтобы говорить, не нуждается в том, чтобы подвергать свой язык лингвистическому анализу. Структура практикуется ими как бы сама собой, как если бы можно было сказать, что скорее она “их имеет”, чем они ее» [9, 88].

Общество в целом оказывается «структурой структур», однако структуры обладают важным качеством, которое чисто условно можно назвать «универсальной локализацией», что означает их возможность обнаруживаться везде и всегда. Помимо строго лингвистических структур — семантем, морфем, фонем и т. д. — можно выделить «мифемы» (при исследовании мифов) или «эпистемы» (при исследовании истории научного познания). Вместе с тем универсальная локализация структур предполагает, что исследователь принципиально отказывается от какой-либо их качественной спецификации, и поэтому традиционное общество, рассматриваемое как «структура структур», не отличается от современных обществ. «Логика мифического мышления кажется нам столь же взыскательной, как и логика, на которой основывается позитивное мышление, и, в сущности, мало от нее отличается. Ибо различие в меньшей мере касается интеллектуальных операций, чем природы вещей, над которыми

производятся эти операции. Уже давно технологи заметили, что топор из железа лучше топора из камня, но не потому, что один сделан лучше, чем другой. Оба сделаны хорошо...» [7, 164].

В структурной антропологии методология исследования мифов увязывается с критикой европоцентризма; предполагается, что результаты исследований могут обогатить (и «до-развить») и сознание европейца, и сознание примитивного человека чуть ли не в одинаковой мере. Но практическая проекция этой методологической установки остается в рамках европоцентризма, поскольку сохраняется убеждение полевого исследователя, что смысл и семантика мифа открыты именно ему, а не тем, за кем он наблюдает. В одном случае исследователь вооружен структурным методом, в другом — всего лишь убеждением в абсолютном превосходстве европейской культуры. Однако демистифицируя мифы, раскрывая их «подлинное» содержание, исследователь заранее должен либо видеть в них фикцию, лишённую реального значения и интереса, либо допускать, что возможно участие в ритуале, имеющем для участников символическое и эстетическое значение, которое, между прочим, и является истинным. Абсурдность подобного допущения представляется очевидной, хотя большинство наших современников, кажется, вполне серьёзно убеждены, что любые объекты этнографии и создавались специально для музеев и для удовлетворения любопытства историков. Этнографический «ренессанс», радикальное «ретро» находят определенное применение этим объектам, но было бы более чем наивно полагать, что именно это применение является единственным.

Логическим завершением исследовательских стратегий, связывающих изучение мифологии с критикой европоцентризма, следует считать теорию и практику деконструкции Ж. Деррида. Преимущественным объектом деконструкции выступает характерный для западноевропейской цивилизации способ мышления — логоцентризм, выражающийся в молчаливом признании приоритета речи над письмом, а мышления над речью. Общая цель деконструкции состоит в переворачивании этой оппозиции и иерархии, что влечет за собой переворачивание и всех производных противоположностей, таких, как душа и тело, человек и животное, форма и материя, истина и ложь и т. д. Письмо, противопоставляемое таким образом речи, понимается скорее как некое архи-письмо, как изначальная игра означающих, требующая учитывать не только знаки, непосредственно передающие фонемы, но и пробелы, зачеркивания, графические формы и т. д. Приоритет речи над письмом рассматривается у Деррида как квинтэссенция всей идеологии европоцентризма, как краеугольный камень «белой мифологии». Соответственно для преодоления «белой мифологии» требуется демонтаж лежащих в ее основе оппозиций.

Логику деконструктивистского анализа Деррида иногда называют логикой палеонимии, т. е. внесения в старые понятия нового содержания путем некоторого отстранения, откладывания их прежнего содержания и прививки (graft) новых смыслов. В работе «Двойной сеанс» Деррида предлагает рассматривать прививку как общую модель деконструктивистского анализа текстов, модель, которая объединяет в себе операции прививки с внедрением в анализируемый текст альтернативного дискурса, что приводит к своеобразному оплодотворе-

нию исходного текста [14]. Характерно, что в соответствии с общим смыслом деконструкции сама «теория прививки» у Деррида основана на созвучии слов graft (прививка) с graph (графема, единица письма), а также на их общем происхождении от греческого корня graphion, который обозначал инструмент для письма, палочку-стиль. Среди текстов Деррида наиболее яркий пример применения логики палеонимии представляет работа «Glas» (французское слово, обозначающее похоронный колокольный звон) с тремя колонками текста на каждой странице. В первой колонке читатель обнаруживает анализ философского учения Гегеля о семье, вторая колонка посвящена комментариям по поводу этой концепции и собственной трактовке философии семьи Жаном Жене, а в третьей колонке Деррида дает свои комментарии концепций Гегеля и Жене, комментарии к комментариям Жене и свои собственные интерпретации обсуждаемых проблем.

Данный тип анализа, в рамках которого критик как бы воспроизводит основные структуры критикуемого дискурса, чтобы затем привить их на свои собственные установки, уже достаточно давно известен и представляет собой составную часть всякой интерпретации. Однако под деконструкцией уже нельзя понимать обычную интерпретационную деятельность, поскольку здесь все как раз и основано на особой логике палеонимии и «прививки». Разумеется, при любой интерпретации категории и понятия анализируемого текста подвергаются трансформации, однако в случае деконструкции эта, последняя, является совершенно исключительной. «Деконструкция состоит не в переходе от одного понятия к другому, а в переворачивании их концептуального порядка и в стремлении сделать его артикулированным» [15, 202]. Прививка в перспективе этой общей стратегии используется для реализации главной интенции теории и практики деконструкции — стремления перевернуть традиционные бинарные оппозиции всей западноевропейской культуры в целом, всей «белой мифологии», сделав основной упор на то, что всегда считалось в ней второстепенным. Однако этот переворот не должен заканчиваться на появлении другого бесспорного лидера оппозиции, что привело бы к созданию некоей новой мифологии. В идеале должен возникнуть некоторый неустойчивый баланс, живое равновесие, игра противоположностей в каждой из анализируемых оппозиций. Такая цель, если она будет достигнута, предполагает дистанцию от мифологии любого типа. В то же время эта цель деконструкции явно указывает на игровой характер данной исследовательской стратегии, а все серьезное, не-игровое остается под властью мифа. Письмо определяется как игра мира, а также как сцена, на которой эта игра разворачивается [3].

Действительно, переворачивание семантики несущих конструкций западноевропейской культуры не ограничивается созданием некоего мира антиподов, где все «наоборот» и любая бинарная оппозиция превращается в свою противоположность. Задача деконструкции состоит в том, чтобы нейтрализовать любую оппозицию, и поэтому переворачивание оказывается всего лишь средством нейтрализации, которое, кроме всего прочего, еще и «приручает» сознание европейца, делая его переход от привычных представлений к миру «недвойственности» не столь болезненным.

Следует заметить, что сам автор теории и практики деконструкции связывал определенные изменения в сознании европейца, в том числе и освобождение из-под незримой власти «белой мифологии», и принципиально новое отношение к мифу вообще, с внедрением и распространением своей исследовательской стратегии. Однако следует заметить, что желаемые Ж. Деррида изменения в сознании европейца происходят чаще всего совершенно независимо от деконструкции логоцентризма и «белой мифологии». Можно даже саму деконструкцию рассматривать как знак или, точнее, знамение современной эпохи, как интеллектуальное отражение тех перемен, которые во второй половине XX столетия произошли в общественной жизни и общественном сознании европейца. Теория деконструкции, ставившая перед собой цель постепенно выработать у европейца новое, более свободное отношение к мифу, на самом деле лишь теоретически оправдывала уже сложившееся в европейской цивилизации восприятие мифа под знаком игры.

Вопрос лишь в том, является ли это новое отношение к мифу более свободным.

1. *Боас Ф.* Методы этнологии // Антология исследований культуры. Т. 1 / ред. и сост. Л. Л. Мостова; пер. А. А. Борзунова и др. СПб., 1997.
2. *Боас Ф.* Эволюция или диффузия? // Там же.
3. *Гурко Е. Н.* Тексты деконструкции. Томск, 1999.
4. *Конт О.* Курс положительной философии : в 2 т. СПб., 1899. Т. 1.
5. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. П. Арискина. М., 1994. С. 5.
6. *Леви-Стросс К.* Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер. А. Б. Островского. М., 1994. С. 125.
7. *Леви-Стросс К.* Структура мифов // *Вопр. философии.* 1970. № 7. С. 164.
8. *Лобутин К. Н., Просекова М. Н.* Англо-американская антропология: проблема метода // *Философия и общество.* 1997. № 5. С. 126–152.
9. *Мерло-Понти М.* От Мосса к Клоду Леви-Строссу // *Мерло-Понти М.* В защиту философии / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М., 1996. С. 88.
10. *Тэйлор Э.* Первобытная культура / пер. Д. А. Коропчевского. М., 1989.
11. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М., 1998.
12. *Boas F.* Anthropology and modern life. A new and rev. / ed. by F. Boas. N. Y., 1932.
13. *Boas F.* The mind of primitive man. N. Y., 1938.
14. *Derrida J.* La double séance // *Derrida J.* La Dissemination. P., 1972.
15. *Derrida J.* Signature evenement contexte // *Derrida J.* Marges de la philosophic. P., 1972. P. 202.
16. *Frazer J. G.* The golden bough; a study in magic and religion. 3rd ed. L., 1911–1915. Vol. 1–12.
17. *Malinowski B.* Magic, Science and Religion and others essays. N. Y., 1954. P. 87.

Рукопись поступила в редакцию 27 октября 2010 г.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК: 124 + 17.021.2 + 141.332 + 27–184

Е. И. Гришаева

ПОНЯТИЯ «ПРИРОДА» И «ИПОСТАСЬ» В РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ЛОССКОГО И ТВОРЕНИЯХ ОТЦОВ КАППАДОКИЙЦЕВ

В статье рассматривается проблема соотношения понятий «сущность» и «ипостась» в творениях отцов каппадокийцев (Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского) и работах Владимира Лосского. Автор дает определения понятиям и сравнивает способы их употребления отцами каппадокийцами и Вл. Лосским. На основании этого делается вывод, в какой степени концепция личности человека Вл. Лосского соответствует богословским основаниям восточнохристианской традиции.

Ключевые слова: Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, ипостась, личность, природа, сущность, Владимир Лосский.

Проблема соотношения понятий «ипостась» и «природа» в работах Владимира Лосского является важной и актуальной в контексте попыток сформулировать понятие человеческой личности внутри философского и богословского дискурсов.

Владимир Лосский в своей работе «Богословское понятие человеческой личности» указывает на то, что разработанного понятия человеческой личности практически не встречается у Святых Отцов, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Бога изложено чрезвычайно четко. Поскольку человек сотворен по образу и подобию Бога, Лосский считает возможным перенесение принципов и понятий троического богословия в антропологию и их применение для формирования понятия человеческой личности в восточнохристианской традиции. Основные понятия троического богословия, которые использует Лосский для построения концепции личности, — «ипостась» и «природа».

Владимир Лосский является одним из главных представителей неопатристики — направления, основные принципы и методология которого были

разработаны о. Георгием Флоровским. В рамках этого направления происходило возвращение к преданию церкви, но не как к сформировавшемуся канону, а как к живому общению между личностями в церкви. Одной из задач неопатристики было творческое возвращение к опыту Отцов Церкви и совключение современного «мышления в непрерывную ткань соборной полноты» [6, 500]. Лосский следует принципам неопатристического синтеза, формулируя понятие человеческой личности в рамках восточнохристианской богословской традиции.

Чтобы определить, насколько концепция личности человека у Лосского соответствует богословским основаниям восточной христианской традиции, важно выяснить, совпадает ли значение терминов «природа» и «ипостась» в его работах и творениях отцов каппадокийцев (Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского). Сравнивая употребление указанных терминов у Лосского и способ их употребления каппадокийцами, можно сделать вывод, насколько концепция личности Владимира Лосского соответствует принципам восточнохристианского богословия. Для этого сначала определим, какое значение отцы каппадокийцы вкладывали в понятия «ипостась» и «природа» и как соотносили эти термины друг с другом. Затем сопоставим принятое ими употребление с пониманием этих терминов Владимиром Лосским.

В платонизме и неоплатонизме термин ουσία означает «общее»; у стоиков ουσία — общий и бескачественный субстрат, т. е. материя, в противоположность различающимся формам. Для Аристотеля, напротив, ουσία обозначает неделимое, индивидуальное бытие, индивидуальную, единичную вещь с ее характерными особенностями — πρῶτη ουσία. Иногда ουσία обозначает общий род, объединяющий единичные существования: δευτέρα ουσία или «вторая сущность».

Термин ὁμοουσιος на Никейском соборе первым предложил использовать Осий Кордубский. Для западного богословия этот термин был более привычным: его латинский аналог *tres unius substantiae* использовал Тертуллиан. На греческий язык это выражение переводится как ὁμοουσιος. В религиозный язык термин ὁμοουσιος впервые был введен гностиками, валентинианами, для обозначения единства и общности между зонами: в пределах одной природы рождается единосущное. В церковный язык термин ὁμοουσιος попал при переводе гностических текстов.

В соборном изложении веры Никейского собора термин ουσία встречается дважды: «Веруем... во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, т. е. из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, Отцу единосущного...» [5, 51]. Флоровский указывает на терминологическую неточность: невозможно говорить одновременно о происхождении из сущности и единосущности Сына Отцу. В Константинопольском символе веры формулировка «из сущности» была опущена. Для отцов Никейского собора никакой терминологической проблемы не было; для них выражения «из сущности» и «единосущный» раскрывали с разных сторон одно и то же — сущностное единство Отца и Сына и Их нераздельность. Для них «из сущности» было тождественно «по существу», и было необходимо, чтобы показать отсутствие всякой связи между рождением и волей. В никейском символе веры много внимания уделя-

ется рассмотрению единосущности Лиц Троицы, но нет термина, который бы обозначал Их различие.

Василий Великий указывает на равную сопричастность сущности (единосущность) всех трех ипостасей, свойствами которой они обладают в равной мере. «Бытие Отца, представлявшееся тебе во [многих] размышлениях, ты заметишь и у Сына, равным образом, и у Духа Святого. Ведь понятие нетварного и непостижимого одно и то же у Отца, Сына и Святого Духа. Ибо не так обстоит, что Один более непостижим и нетварен, а Другой — менее» [1, 55]. В качестве основных свойств сущности он называет нетварность, непостижимость, неохватность никаким местом.

Григорий Богослов говорит о «едином Божестве» и «единой Силе», т. е. о единой сущности, присущей трем ипостасям в равной мере; он указывает на неизменность и равенство самим себе этих свойств. Единое Божество есть «Трех Бесконечных бесконечная соестественность, где и Каждый, умозерцаемый сам по Себе, есть Бог, как Отец и Сын, Сын и Дух Святой, с сохранением в Каждом личного свойства, и Три, умпредставляемые вместе, — также Бог; первое по причине единосущия, последнее по причине единоначалия» [2, 695]. Бог — Отец, Сын и Святой Дух вследствие обладания сущностью в равной мере, но Бог один, а не три Бога, так как сущность одна.

Григорий Нисский в качестве основного признака единой сущности так же называет «божественность»: «Если имя Бог означает сущность, то, исповедуя единую сущность святой Троицы, не без основания славим единого Бога, потому что слово Бог есть единое имя единой сущности. Почему, сообразно и с сущностью, и с именем, един есть Бог, а не три Бога» [3, 371]. Он указывает, что сущность не делится, хотя мы и говорим о трех различных ипостасях; существует тождество в ипостасях относительно сущности.

Единство сущности предполагает единство воли трех ипостасей Бога. Григорий Богослов пишет о том, что необходимо верить в единого Бога таким образом, что «и Сына, и Духа будем относить к единому Виновнику (но не слагать и не смешивать с Ним), — относить как по одному и тому же (назову так) движению и хотению Божества, так и по тождеству сущности» [2, 365].

Рассматривая примеры различных сущностей (животного, человека), Григорий Нисский дает следующее определение сущности: «Называя сущность такую-то, не иное что означаем, как существование, причастное жизни, в отличие от другого ему неподобного... так как вместо сих разностей и особенностей, к сущности, или ко всякому роду, в отличие от состоящих под ним видов придается слово: такая-то сущность, или такое-то животное, то есть словесное или бессловесное» [3, 371]. Григорий Нисский говорит о сущности как о родовом понятии, объединяющем в себе отличительные признаки, которые являются характерными только для данного рода. Например, человек отличается от коня как словесная сущность от бессловесной. Не менее важным для определения сущности для Григория Нисского является экзистенциальная составляющая: сущность обязательно указывает на способ существования, «причастность жизни». Таким образом, сущность — это способ существования, наделенный характерными только для данного рода отличительными признаками.

Отцы каппадокийцы не видят принципиального различия между понятием сущности и понятием природы; следовательно, в отношении Бога мы можем рассматривать эти термины как эквивалентные. По отношению к трем ипостасям Василий Великий говорит о единстве сущности, Григорий Нисский также говорит о единой сущности и трех Лицах («одна и та же сущность, которая в Лицах» [3, 371]). Григорий Богослов в некоторых случаях понятие сущности заменяет понятием естества, например: «единое Божество и единую Силу, которая обретается в Трех единично и объемлет Трех отдельно, без различия в сущностях или естествах» [2, 695], «не естества разделяем, но отличаем личные свойства единого и несоединенного естества» [Там же, 652]. Понятие природы или естества отцы каппадокийцы употребляют не в значении сотворенного бытия, совокупности всех сотворенных вещей, а в значении внутренней сущности вещей.

Исходя из творений отцов каппадокийцев, мы можем сформулировать следующее определение сущности. Сущность — это понятие, характеризующее общий способ бытия ипостасей, содержащее в себе родовые признаки. Для каппадокийцев очень важной при определении сущности является ее экзистенциальная составляющая. Три ипостаси имеют единую сущность. Каждая из ипостасей Бога содержит в себе всю полноту сущности, сущность не делится между ипостасями на равные части и обладает самостоятельным бытием. Сущность Бога несопоставима с другими тварными сущностями: она обладает свойствами божественности, нетварности, непостижимости, вечности, неохватности никаким местом и т. д. Сущность Бога не ограничена тварным бытием и его законами. Согласно отцам каппадокийцам употребление понятия сущности в отношении Бога довольно условно: Бог полностью непознаваем и несоизмерим ни с какими нашими понятиями о нем.

Впервые терминология, указывающая на различие Лиц Святой Троицы, появилась в работах каппадокийцев. Они использовали два термина: «ипостась» (ὑπόστασις) и «лицо» (πρόσωπον). Одновременное употребление этих терминов, первый из которых использовался внутри философского дискурса, а второй был взят из обыденного языка, позволило очень точно указать на различие Лиц внутри Святой Троицы, сохраняя Их единство.

Как отмечает Георгий Флоровский, термин «ипостась» стал употребляться в философии сравнительно поздно, после Аристотеля; долгое время он сохранял буквальное значение — «стоящего под». Но уже у Аристотеля можно заметить другой способ употребления термина «ипостась»: καθ' ὑπόστασιν означает «действительное» в противоположность «по видимости». У семидесяти толковников «ипостась» имеет разный смысл, в том числе «основание» (основание дома, основание надежды). Одному из поздних стоиков Посейдонию, принадлежит самое раннее отождествление понятия ὑπόστασις с «первой сущностью» Аристотеля. У Филона «ипостась» употребляется в значении, близком к «самостоятельность», «самобытность». «Сущность» слово «ипостась» обозначает у ап. Павла (Евр. I. 3 «образ ипостаси Отчей») и в других местах в значении «уверенность», «состав» и др. (2 Кор. IX. 4, XI. 17; Евр. XI. 1). Терминологическую определенность понятие ипостаси получает в неоплатонизме, который

понятийно близок к богословию каппадокийцев. Некоторые полагают, что Плотин один из первых применил термин $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ по отношению к Божеству и в связи с этим попытался провести некоторую границу между понятиями $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$ и $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$. Ориентировочно это различие у Плотина мыслится как различие между что-бытием и как-бытием — между тем, что есть вещь по своему существу, и тем, как именно она обнаруживает свою «чтойность» в образе существования.

До середины IV в. понятия «сущность» и «ипостась» оставались взаимозаменяемыми: в эллинистической традиции слово «ипостась» отождествлялось с «сущностью».

Иоанн Зизиулас в своей работе «Личность и бытие» указывает на важность терминологического синтеза, осуществленного каппадокийцами. Термин $\rho\omicron\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu$ употреблялся в Античности в значении маски, личины, которой пользовались актеры в театре. Таким образом, слово $\rho\omicron\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu$ не имело онтологического статуса, не отождествлялось с сущностным бытием человека, а указывало на роль, на некоторое дополнение к бытию, отличное от его сущности. Важность синтеза, произведенного отцами каппадокийцами, и заключалась в придании слову $\rho\omicron\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu$ онтологического измерения при помощи сближения его значения со значением термина $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$. Одновременно это помогло отделить друг от друга термины $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ и $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$.

Каппадокийцы разделяли значения $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ и $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$. Василий Великий в «Письме к брату Григорию» указывает на то, что неразличение понятий сущности и ипостаси приводит к путанице и многобожию. Если понимать, ипостась в значении сущности, то три ипостаси Бога необходимо так же понимать, как три самостоятельные сущности. Каппадокийцы отходят от принятого в античной философии значения $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ как сущности и сближают его с понятием лица, отождествляя с индивидуальным существованием.

Григорием Богословом и Василием Великим термины «лицо» и «ипостась» употребляются как взаимозаменяемые. Григорий Богослов в Слове XXXIX говорит о тройственном свете, «тройственном в отношении к особенным свойствам, или к Ипостасям (если кому угодно назвать так), или к Лицам (нимало не будем препираться об именах, пока слова ведут к той же мысли), — единым же в отношении к понятию сущности и, следовательно, Божества» [2, 652]. Григорий Богослов говорит о сущностном единстве трех ипостасей, одновременно указывая на «особенные свойства», им присущие; значения терминов $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ и $\rho\omicron\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu$ он отождествляет. Василий Великий в «Письме к брату Григорию» пишет: «Смысл общности подводит нас к сущности, а ипостась есть особый признак каждого Лица» [1, 55]. Таким образом, терминологическое отождествление лица и ипостаси позволило отцам-каппадокийцам, с одной стороны, преодолеть сложившееся в философской традиции отождествление ипостаси и сущности, а с другой сформулировать новое значение термина $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ как индивидуального существования, имеющего онтологическое основание в общей природе.

Отцы каппадокийцы говорят о неслиянном и раздельном отличии ипостасей. Каждое Лицо познается отдельно, исходя из своих особенных признаков.

Три ипостаси внутри Святой Троицы имеют «несхожие и необщие замечаемые в Троице признаки, которыми выявляется своеобразие Лиц» [1, 53]. Различие ипостасей отцы каппадокийцы определяют через способ отношения ипостасей друг к другу. Василий Великий называет следующие отличительные свойства трех ипостасей: Отцовство, Сыновство, Святыня. «Ибо если не представляем отличительных признаков каждого Лица, а именно: Отцовства, Сыновства и Святыни, исповедуем же Бога под общим понятием существа, то невозможно нам здраво изложить учение веры» [Там же, 283]. В отличие от Василия Великого, Григорий Богослов определяет различие Отца Сына и Святого Духа через рожденность, нерожденность и исхождение: «Отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына — рожденность и Духа Святого — исходность (ἐκλεκτός)» [2, 450]. У Василия Великого нет четкого определения отличительного признака ипостаси Святого Духа или образа Его происхождения от Отца. Григорий Богослов на основании Ин. 10.26 предложил термин ἐκπορεύσις — «исхождение» и в нем нашел полную параллель термину γέννησις — «рождение» Сына. На это указывал Н. И. Сагарда в своих исследованиях по патрологии IV в. Григорий Нисский определяет различие между ипостасями как нерожденность и единокровность, а Святой Дух понимается им как третья ипостась. Отцы каппадокийцы указывают на то, что отличительные признаки каждой ипостаси являются неизменными, «ибо личное свойство непреложно, иначе как оставалось бы личным, если бы перемещалось и переносилось» [Там же, 651].

Таким образом, особые свойства ипостасей Троицы отцы каппадокийцы определяют через отношения с другими лицами. Василий Великий пишет: «Между Лицами устанавливается некое общение... недомыслимое, неизреченное, но общение непрерывное и нерасторгаемое» [1, 55]. Невозможно говорить о личностном бытии вне общения с другими Лицами; следовательно, сам феномен личности возникает через общение с другими.

Григорий Богослов уточняет, что различие ипостасей между собой не означает их различия по сущности: «Отец есть имя Божие не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеет Отец к Сыну или Сын ко Отцу» [3, 518]. Различия между ипостасями происходят из различного отношения их между собой: «Разность... проявления или взаимного соотношения производит разность и Их наименований» [Там же, 543].

Василий Великий определяет различия между сущностью и ипостасью как различие между общим и частным: «И сущность, и ипостась имеют между собою такое же различие, какое есть между общим и отдельно взятым, например между живым существом и таким-то человеком» [1, 282].

Несмотря на различие ипостасей, все три ипостаси Бога существуют между собой в неразрывном единстве. «...Нельзя заметить [между ними] ни в каком месте рассечения или разделения, так чтобы Сын мыслился отдельно от Отца или Дух отлучался от Сына, но постигаем мы в Них некое неизреченное и непостижимое соучастие и разделение: и различие ипостасей не разрывает связности природы, и общность природы не стирает собственных признаков» [Там же, 55]. Мысля Отца, мы одновременно мыслим Сына, а принимая Сына, при-

нимаем и Святого Духа; этот момент указывает на единство ипостасей, одновременно подчеркивая их различия между собой и существующий порядок между ними.

Мы можем сформулировать следующее определение термина «ипостась». Ипостась — это индивидуальное существование, обладающее неизменными и уникальными свойствами, определяемыми через отношения между ипостасями, и имеющие онтологическое основание в общей природе (сущности).

Отношение между природой и ипостасью понимается каппадокийцами подобно отношению между общим и частным. Каждая ипостась содержит полноту природы и, несмотря на общность природы, сохраняет свои отличительные особенности. Невозможно говорить о различии в онтологическом плане между природой и ипостасью. Каппадокийцы подчеркивают недостаточность и ограниченность наших понятий для познания Бога.

В творениях отцов каппадокийцев часто встречаются многочисленные примеры употребления терминов «ипостась» и «сущность» применительно к человеку; с их помощью они стремились объяснить, каким образом нужно употреблять эти термины в отношении Святой Троицы. Для нас эти примеры особенно важны. Василий Великий пишет: говоря «человек», мы подразумеваем природу, но не обозначаем подлежащее, которое «обнаруживается собственным именем» [1, 56]. Чтобы указать на какого-либо конкретного человека, мы должны назвать ипостасные свойства: цвет волос, рост, возраст и т. д. Григорий Нисский поясняет, что подобно тому, как мы говорим «Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух», подразумевая одного Бога, а не трех, так и мы должны мыслить о человеке. Хотя мы и называем Петра и Варнаву человеком, при этом мы подразумеваем одну общую сущность, имя которой «человек». «Человек суть один человек, и по этому же самому, по имени человек, не могут быть многие, называются же многими людьми по неточному словоупотреблению, и не в собственном смысле» [3, 374]. Георгий Флоровский так поясняет этот момент: «...три относятся к различному, а человек есть имя неразличаемой, но как раз отождествляемой сущности. Именем человека нельзя обозначить собственного различаемым, это не собственное имя, а общее, — счисляются же собственные имена, их только можно складывать и обозначать числом» [5, 211].

Василий Великий в «Письме Григорию брату» пишет: чтобы определить ипостась человека, нам нужно рассмотреть «свойства нрава, внешние признаки, с целью отделить его от общего значения, так чтобы из имени, места, душевных свойств, из внешне усматриваемого в нем стало в целом наглядным описание того, о ком ведется рассказ» [1, 53]. Под термином «человек» он понимает общность обозначаемого, природу, «лишенную особенных признаков» [Там же, 56]. Таким образом, говоря о человеке, мы имеем в виду сущность, общее понятие; указывая на Петра, Павла как на нечто единичное, мы используем слово «человек» ввиду неточности нашего словоупотребления. Различия между ипостасями устанавливается через внешние признаки — рост, цвет волос и особенности характера.

Владимир Лосский пишет, что в творения Святых Отцов мы не можем найти разработанное учение о человеческой личности, в то время как учение

«о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно четко» [4, 645]. В работе «Богословское понятие человеческой личности» он раскрывает богословские основания, которым должно соответствовать «понятие человеческой личности в контексте христианского догмата» [Там же, 646].

Лосский указывает, что, согласно богословию отцов каппадокийцев, мы должны различать *υπόστασις* и *οὐσία*; неверно отождествлять ипостась и вторую сущность Аристотеля, ипостась (*υπόστασις*) и индивидуума (*το άτομον*). «Несводимость ипостаси к сущности или природе, та несводимость, которая, раскрывая характерную ипостасную неопределимость, заставила нас отказаться от тождественности между ипостасью и индивидуумом в Троице» [Там же, 649]. Лосский определяет ипостась как превосхождение природы; это указывает на то, что личное бытие больше, чем бытие сущности.

Понятие *υπόστασις* в Троице включает в себя всю общую природу, а не дробит ее на несколько частей; то, что каждая из ипостасей имеет в себе полноту общей природы, терминологически отражено в близости понятий *υπόστασις* и *οὐσία*, которая существовала в традиции античной философии. Противопоставление между ипостасью и сущностью в Троице как между частным и общим он понимает как достаточно условное, как «подход через определения к неопределимому» [Там же, 648].

Лосский отмечает различные способы отношения между природой и ипостасью внутри Троицы и в рамках антропологии. Внутри Троицы каждая ипостась содержит божественную природу во всей ее полноте; вследствие этого ипостаси не противопоставляются друг другу, они бесконечно едины и бесконечно различны. «Ни одна из них, обладая природой, ею не “владеет”, не разбивает ее, чтобы ею завладеть; именно потому, что каждая Ипостась раскрывается навстречу другим, именно потому, что они разделяют природу без ограничений, она остается неразделенной» [Там же, 470]. И «в Троице понятие ипостаси отлично от понятия индивида, принадлежащего к некоторому роду» [Там же, 650].

В рамках антропологии мы не можем говорить о единстве природы для всех тварных существ, индивидуумов. Вследствие первородного греха происходит разделение этой природы, ее атомизация; присваивая себе отдельную ее часть, индивид противопоставляет себя другому. Он делит эту природу на атомарные части; в результате возникает не только различие, но и противопоставление, вражда между индивидуумами. Преодоление раздробленности природы и возвращение ее целостности возможно только внутри Церкви.

Таким образом, Лосский противопоставляет понятия ипостаси и индивидуума. Он понимает индивидуума как существование, численно отличное от другого, заключающее в себе только часть общей природы. Лосский отождествляет природное и индивидуальное и противопоставляет его ипостаси, которая природу превосходит.

Рассматривая творения западных и восточных богословов, Лосский не находит у них различия между индивидуальным бытием и ипостасью. Так, Боэций говорит об ипостаси как об «индивидуальной разумной природе»; это определение заимствует у него Фома Аквинский. Иоанн Дамаскин упоминает два значения слова *υπόστασις*: согласно второму ипостась указывает на обособлен-

ное существование, на то, что «существует само по себе, по собственной своей субстанции» [4, 648]. В этом смысле понятие ипостаси указывает на некоторого индивида, например, Петра, Павла и т. д. Таким образом, в творениях Святых Отцов, пишет Лосский, мы не можем найти различия между понятием ипостаси и понятием индивида.

Делая различие между индивидуумом и ипостасью, Лосский противопоставляет понятия ипостаси (личности) и природы в человеке. Индивидуум представляет собой атомизацию общей для всех людей природы, личность же есть нечто несводимое к природе, ее превосходящее. Таким образом, необходимо различать ипостась и природу. Личность мыслится как самостоятельное и уникальное начало по отношению к другим личностям; в то же время личности, подобно Лицам внутри Святой Троицы, обладают полнотой человеческой природы. В отличие от индивидуумов личности не противостоят друг другу.

Понятие личности относится ко всему человеку в целом, а не к какой-то отдельной части состава человека, например только к его душе. Однако «чтобы отличить ипостась человека от состава его сложной природы — тела, души, духа (если принимать эту трехчастность), мы не найдем ни одного определяющего свойства, ничего ей присущего, что было бы чуждо природе и принадлежало бы исключительно личности как таковой» [Там же, 654].

При определении человеческой личности для Лосского наиболее важным является следующее: личность есть несводимость человека к его природе, индивидуальности. Но как и в троическом богословии нет четкого положительного определения понятия «Лицо», так невозможно дать положительное определение понятию «личность», пишет Вл. Лосский. «Сформулировать понятие личности человека мы не можем и должны удовлетвориться следующим: личность есть несводимость человека к природе. Именно несводимость, а не “нечто несводимое” или “нечто такое, что заставляет человека быть к своей природе несводимым”, потому что не может быть здесь речи о *чем-то* отличном, об “иной природе”, но только о *ком-то*, кто отличен от собственной своей природы, о ком-то, кто, содержа в себе свою природу, природу превосходит, кто этим превосходством дает существование ей как природе человеческой и тем не менее не существует сам по себе, вне своей природы, которую он “воипостасирует” и над которой непрестанно восходит, ее “восхищает” (*extasie*)» [Там же, 654]. В своих работах Лосский не дает положительного определения понятия «личность»; подобно Лицу в Троице он определяет личность, используя апофатический метод.

Согласно Лосскому понятие человеческой личности превосходит уровень онтологии, подобно тому, как ипостаси Троицы превосходят общую природу: «Уровень, на котором ставится проблема человеческой личности, превосходит уровень онтологии, как ее обычно понимают. И если речь идет о некоей мета-онтологии, один только Бог может знать ее» [Там же, 657].

В заключение сделаем следующие выводы. Мы можем сказать, что употребление терминов «природа» и «ипостась» у Святых Отцов и Владимира Лосского во многом схоже. Однако существуют и следующие различия.

Определение личности как несводимости к природе, которое дает Владимир Лосский, расходится с пониманием отношения между ипостасью и сущностью

у отцов каппадокийцев. Согласно последним ипостась всегда соотносится с некоторой природой подобно тому, как соотносятся частное и общее, и между ними нет онтологического различия. У Владимира Лосского понятие ипостаси онтологически нетождественно понятию «природа».

У Лосского индивидуум, в отличие от ипостасей Троицы, включает в себя природу; индивидуумы делят природу на отдельные части. Согласно учению отцов каппадокийцев, в частности Григорию Нисскому, природа (если мы говорим и о человеке, и об ипостасях Святой Троицы) понимается как неделимое общее понятие, а ипостась является индивидуальным проявлением этой природы, но не дробит ее на равные части. Для отцов каппадокийцев нет разницы между божественными и человеческими ипостасями в отношении к собственной их природе.

Григорий Нисский определяет отличительные признаки человеческой ипостаси через внешние признаки, например, цвет волос, глаз, форму лица и т. д. Лосский определяет ипостась апофатически как несводимость к природе.

Таким образом, употребление понятий «ипостась» и «природа» в богословии отцов каппадокийцев и у Владимира Лосского не всегда тождественно. Мы не можем определить концепцию личности у Владимира Лосского как полностью соответствующее принципам восточнохристианского богословия. Стремление Лосского реконструировать понятие человеческой личности в богословии Отцов Церкви XVI в. само по себе неверно с историко-философской точки зрения: понятие личности впервые появляется на Западе только в XV–XVII вв., оно связано с самостийностью, индивидуальностью человека; эти характеристики человека не встречаются у Святых Отцов восточной церкви. В этом заключается внутреннее логическое противоречие принципа неопатристического синтеза о следовании «духу восточнохристианского богословия».

Таким образом, мы можем определить концепцию человеческой личности Владимира Лосского как самостоятельное богословско-философское построение, в ряде моментов вступающее в противоречие с богословскими основаниями учения Отцов Церкви.

-
1. *Василий Великий*. Творения // Василий Великий : соч. : в 3 т. СПб., 1911. Т. 3.
  2. *Григорий Богослов*. Собрание творений : соч. : в 7 т. М., 2000. Т. 1.
  3. *Григорий Нисский*. К эллинам. На основании общих понятий // Мистическое богословие Восточной Церкви. М., 2001.
  4. *Лосский В. Н.* Боговидение. М., 2006.
  5. *Флоровский Г. В.* Восточные Отцы Церкви IV века // Восточные Отцы Церкви. М., 2005.
  6. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Минск, 2006.

Рукопись поступила в редакцию 23 сентября 2010 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 37.01 + 141.333 + 165

Б. В. Емельянов

ПАМФИЛ ЮРКЕВИЧ: ПОСТУЛАТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье педагогическая антропология П. Д. Юркевича представлена как выражение христианского учения о сердце. Философ различает воспитание и образование и связывает их с достижениями психологии и физиологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: воспитание, гносеология, добродетель, душа, педагогическая антропология, психология, сердце, счастье.

Христианская педагогика в истории отечественной педагогики по целому ряду политических и мировоззренческих причин была *terra incognita*. Изменение общественного сознания, начало которому было положено перестройкой, затронуло и эту область нашего знания. Появившиеся в последние годы публикации с характеристикой концепций образования и воспитания русских православных педагогов убеждают в большой значимости их идеалов и принципов.

Одним из зачинателей русской христианской педагогики по праву считают профессора философии Московского университета Памфила Даниловича Юркевича (1827–1874). Его интеллектуальная биография достаточно традиционна для середины XIX в. После окончания в 1851 г. Киевской духовной академии, где он был учеником известного религиозного философа П. С. Авсенева, Юркевич, хотя имел степень магистра, первые годы работал на административной должности помощника инспектора академии. И только с 1857 г. он приступил к преподаванию философии, получив в 1858 г. звание экстраординарного профессора. После восстановления университетского преподавания философии П. Д. Юркевичу предложили занять кафедру философии в Московском университете, где он читал курсы логики, психологии, истории философии, а позже и педагогику.

По своим философским взглядам П. Д. Юркевич — объективный идеалист. Эта его позиция подтверждается уже в первой его работе — «Идея» (1859), где доказывалось, что идея — это факт не отдельного человека, а общественного сознания, постулат религиозной, этической и эстетической жизни человечества, предпосылка всей науки и главный предмет философии. Опираясь на историко-философский анализ, сопоставляя взгляды Платона и других греческих философов, он определяет идею как объективно-реальную, разумную, живую, творящую сущность вещей, их основу, норму и закон развития.

В 1860 г. П. Д. Юркевич подверг критическому анализу статью Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (см. статью «Из науки о человеческом духе»), указав, что материалист Чернышевский видит в душевных явлениях лишь видоизменения органической жизни. Еще одна статья П. Д. Юркевича — «Материализм и задачи философии» (1860), а затем 10 лекций против материализма (февраль — март 1863 г.) раскрыли его философскую позицию как идеалиста и усилили нападки против него в периодической печати. В них он доказывал, что материализм, являясь «побочным продуктом реалистического настроения цивилизации», демонстрирует упадок философского духа Новейшего времени. Но одновременно П. Д. Юркевич убежден, что он имеет право на существование, имеет свою историю. Его распространение в качестве философского течения современной Европы и России обусловлено ростом религиозного скептицизма, распространением естествознания, базирующегося на опыте, на утверждении связи физиологических и психических явлений, причинной взаимосвязанности мира. При определенных условиях он может стать метафизикой с научным достоинством, если докажет связь и «превращение» физиологических явлений в психические, а также даст философское определение материи.

Как пишет Г. Г. Шпет, «он хорошо понимал философскую цену материализма, но тем не менее охотно признавал то положительное, что материалистическое настроение его времени могло внести в науку и философию. Он ценил повышенный интерес к естествознанию и науке, ценил внесение приемов эмпирического исследования в изучение психологии и наук о духе, ценил стремление современных ему течений к точности анализа, но протестовал против узости и односторонности выводов, к каким приходил материализм, против игнорирования других методов и приемов, против сознательного нигилизма по отношению к философской традиции, наконец, он просто негодовал на насилие и запрещения, которыми преследовалась мысль, несогласная с преобладающими вкусами» [6, 579–580].

В гносеологии П. Д. Юркевич соединил учение Канта об опыте с платоновским учением об идеях, выступив предтечей «опытного», или «конкретного» идеализма, который можно обосновать лишь признанием, что «идеи» Гегеля, «сущность» Платона, дополненная деятельностью личности с ее духовностью, ее душой и сердцем, являются центром духовности. Только в этом случае возможен переход от того, что должно быть, от идеи, к тому, что есть в действительности. Потому философия как подлинное, целостное знание должна объяснить мир «из идеи и посредством идеи», но не отворачиваться от частных наук, особенно психологии, антропологии.

После его полемики с антропологическим материализмом П. Д. Юркевич перестал заниматься собственно философскими изысканиями, заявив: «Если общество не способно слушать и воспринимать философскую проповедь идеализма, то остается заняться воспитанием этой способности в грядущих поколениях» [4, 837–838]. Об этом же пишет Шпет: «Быть может, среди причин, побудивших Юркевича конец своей жизни посвятить исключительно теоретической и практической педагогике, было, с одной стороны, влияние общих настроений времени, а с другой стороны, разочарование в успешности распространения в ту пору серьезных философских идей» [6, 608].

В конце жизни П. Д. Юркевич несколько лет читал педагогику в военной гимназии. По его предложению Совет Московского университета делает педагогику обязательным предметом для студентов тех факультетов, которые могут стать педагогами. Его перу принадлежат два фундаментальных педагогических сочинения: «Чтения о воспитании» (1865) и «Курс общей педагогики с приложениями» (1869), а также несколько статей и рецензий на педагогические темы. В журнале «Гимназия» уже после смерти Юркевича его называют «великим русским педагогом-теоретиком», в том числе и за то, что он считал необходимым каждому педагогу быть философом.

Педагогические идеи П. Д. Юркевича опирались на начала психологии, физиологии, логики. Вместе с тем они составляют стройную систему христианской педагогики со своей теорией образования и воспитания. Будучи уверенным, что «разум есть единственная почва, на которой может развиваться человеческая жизнь с ее счастьем и совершенством, без которых и самое существование этой жизни не было бы желательно» [5, 1], Юркевич, однако, инструментом христианского воспитания детей в духе любви к ближнему и Богу считает сердце. Он пишет: «Только сердцу, которое совершило великий жизненный процесс очищения и укрепления, свойственна эта любовь, созерцающая и воспитывающая в детях самое человечество, чистый образ Богочеловеческого человека, а не орудие эгоизма родителей, общества и государства» [Там же, 5].

Проблеме сердца философ посвятил специальную статью «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия» (1860). В ней по общему признанию историков русской философии, он изложил оригинальный вариант христианской антропологии, в которой сердце является основой человека, его физической и духовной жизни. Заимствуя аргументацию из Священного Писания, Юркевич утверждает: «Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека... Сердце есть седалище всех познавательных действий души... Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований, волнений и страстей... Сердце есть средоточие нравственной жизни человека» [6, 69–71]. Особое внимание философ обращает на доказательство особых преимуществ сердца в деле познания, утверждая, что «1) сердце может выражать, обнаруживать и понимать совершенно своеобразно такие душевные состояния, которые по своей нежности, преимущественной духовности и жизненности не поддаются отвлеченному знанию разума; 2) понятие и отчетливое знание разума, поелику оно делается нашим душевным состоянием, а не остается отвлеченным образом внешних предметов, открывается или дает себя чувствовать и

замечать не в голове, а в сердце; в эту глубину оно должно проникнуть, чтобы стать деятельною силою и двигателем нашей духовной жизни» [6, 85–86].

Религия также утверждается главным образом в сердце человека. И движения сердца имеют нравственное достоинство. Юркевич возражал против недооценки нравственности в поступках человека и определения их исключительно разумностью. Он предложил восполнить «этику головы», т. е. этику Канта с его категорическим императивом, этикой сердца как христианским учением о любви. Нравственная ценность человека и человечества, по мнению философа, определяется отношением любви сердца к добру, христианскому добронравию, миротворческой деятельности и служению Богу. И наконец, «сообразно с библейским учением о сердце, должно понимать задачу или цель воспитания» [Там же, 102]. Спустя несколько лет П. Д. Юркевич уже в первой своей педагогической работе «Чтения о воспитании» обращает внимание именно на воспитание сердца: «При сообщении сведений учитель имеет в виду не только научить ученика чему-нибудь, но и возбудить в его сердце лучшие и чистейшие чувства; в противном случае самая большая и самая лучшая часть действительного мира будет скрыта от ученика» [7, 197].

Различая обучение и воспитание, философ определяет их следующим образом: «Обучение имеет в виду доставить воспитаннику большое количество отчетливых и полезных сведений, воспитание достигает цели, когда в воспитаннике сложатся прочные и добрые привычки. Но пробуждение сознания тех начал, в которых основывается очевидность правды логической, нравственной и эстетической, следовательно, развитие эстетического вкуса, совести и мышления называется по преимуществу образованием духа. Образованный дух, кроме множества полезных сведений и добрых привычек, носит и сознает в себе те образы или образцы, по которым он при каждом частном опыте различает истину от заблуждения, добро от зла, прекрасное от безобразного. Так как очевидность эстетическая, нравственная и логическая похожа на свет, исходящий изнутри духа, то русский язык очень легко заменяет слова “образование духа” другими словами — “дух”» [Там же, 123].

Как философ и педагог, П. Д. Юркевич был противником утверждения о врожденности нравственных качеств человека, но считал, что способности человека могут быть прирожденными. Задача воспитания поэтому, по его мнению, заключается в равномерном развитии всех сил и способностей ребенка. «То, что прирожденно человеку, — писал он, — выражается в очень немногих элементарных требованиях и стремлениях, которые обнаруживаются во всех людях одинаково и безразлично по отношению к их особенному, личному образованию» [5, 6].

Душа не косна и апатична к воздействиям природы и общества. Хотя сторонники врожденной нравственности утверждали, что умственные способности человека могут быть усовершенствованы, а это даст неизменному характеру возможность лучше проложить путь к жизненным целям согласно познанному, одновременно появляются у человека эгоизм, приспособляемость. Поэтому-то и нужно воспитание человека, чтобы подчинить прирожденные качества характера «строгой и разумной, хотя и *внешней*, дисциплине» [Там же, 7].

По мере дальнейшего воспитания преобразуются внутренние прирожденные качества характера, изменяются мысли человека, меняются его воля и чувства. При этом философ подчеркивает, что «высокое понятие о человечестве относительно его призвания не должно закрывать от нас фактического положения человеческой природы» [5, 8]. В ней много не только положительных, но и отрицательных качеств, делающих людей злыми, грубыми, развращенными. А поскольку «любовь может все» [Там же, 9], воспитанию с положительным результатом подлежат все люди, и добрые, и злые.

В «Чтениях о воспитании» П. Д. Юркевич исследует способности души в деле воспитания и образования. Для этого он рассматривает три ее способности: первую — способность представления или познания, вторую — способность чувствования, третью — способность воли.

«Эти три способности соответствуют троякому нашему признанию: к истине, к красоте и к добру, они называются также разум, сердце и воля. Когда действует первая способность, то нечто происходит в нас, когда вторая — то нечто происходит с нами, когда третья — то нечто происходит через нас. Здесь особенно становится ясным, как важно при воспитании требовать равномерного и всестороннего развития. Ум без чувственного сердца и твердого характера или темное сердце и бесхарактерность, или твердый характер, но не просвещенный разум — все это жалкие явления, происходившие от одностороннего и неравномерного образования названных способностей» [7, 32–33].

Если в «Чтениях о воспитании» цель воспитания философ определяет как содействие человеку в достижении внешнего совершенства, в исполнении долга в церкви, семье, государстве, как содействие ему в исполнении его «частного признания», то в «Курсе общей педагогики» считает, что она совпадает с целью жизни: «Не наука о воспитании, но обширный круг наук моральных и религиозных может разрешить вполне существо, содержание и все многочисленные отношения, которые заключают в себе понятия о цели жизни» [Там же, 34]. Он утверждает, что человека воспитывают или нужна в жизненных благах, или любовь к высшим целям, идеалам. «Система воспитания, имеющая в виду развить в молодом поколении способность удовлетворять нуждам, идущим снизу, понятна и для грубого сердца, потому что эгоизм есть самый умный и самый тонкий наставник во всем, что питает и насыщает его. Но та воспитательная система, которая пробуждает в сердце воспитанника любовь к высшему и идеальному, к священному и Божественному — эту любовь, страшную, понуждающую человека забывать о своей милой личности для служения правде и добру, — эта система ожидает воспитателя, способного находить в теле человека невидимую душу, а в невидимой душе неизгладимые начатки Богоподобия» [Там же, 10–11].

Целями жизни, считает Юркевич, могут быть либо счастье человека, либо добродетель. Счастье — это отсутствие страданий, удовлетворение всех нужд и постоянное благополучие, одним словом — довольство. А нормой счастья является нужда. Добродетель же — это сила и внутренняя мощь духа человека, действующего сообразно понятиям добра, одним словом — достоинство. Нормой достоинства является идея. В истории человечества были разные представления о счастье и добродетели, соответственно представления о цели воспитания.

«Постоянно возобновляющаяся борьба между учением о добродетели и учением о счастье, как о высочайших целях жизни, есть только историческое выражение внутренней борьбы, которую испытывает человеческое сердце, и какая из борющихся сил получит преобладание, таков будет человек, такова будет эпоха, таков будет и преобладающий дух педагогики. Мы переживаем период педагогики, которая пытается воспитывать детей единственно посредством возбуждения в них приятных ощущений, пытается заменить добросовестный труд игрою и высшие принципы — непосредственными естественными влечениями. Другие педагогические теории умеют примирять поклонение истинному Богу с поклонением какому-нибудь идолу толпы или эпохи. Все эти явления происходят нередко из чистого благожелания, но не управляемого мудростью, которая откровенно разделяет то, что не должно быть соединяемо и которая определяет цену вещам в их действительной сущности, а не потому, как они впечатляют нас» [7, 18–19].

Хотя цели воспитания определяются нуждами человека, воспитателю нужно учитывать не ежедневные его нужды. На это особо указывает Юркевич: «Не то, какие нужды отягчают жизнь ежедневного человека, должно быть руководящим началом педагогики: всю свою силу она должна сосредоточить на том, какие начала условливают возвышение ежедневного человека до истинного человека» [Там же, 32]. Такое воспитание он связывает прежде всего с воспитанием доброты. Он пишет: «Воспитавай так, чтобы воспитанник, когда он придет в зрелый возраст, нашел или застал самого себя: 1) знающим доброе, 2) любящим доброе и 3) имеющим силы совершать доброе» [Там же, 30]. Другого, по его мнению, нельзя представить, поскольку «вопрос о том, что такое добро и какое воспитание насаждает это добро в сердце человека, есть вопрос всех веков и всего человечества, вопрос, поставляемый наукою и надеждою, философией, политикой и религией» [Там же, 31].

П. Д. Юркевич был философом-гуманистом с четкой богословской ориентацией. Его антропологическая характеристика человека связана с известной формулой Екклесиаста: «Конец всего учения о жизни таков: бойся Бога и соблюдай его заповеди, потому что в этом и состоит весь человека». Богобоязненность, таким образом, признается единственным гуманистическим принципом жизнедеятельности, поскольку «весь человек состоит в страхе перед Богом и в соблюдении заповедей Божиих: это источник права и свободы, культуры и счастья, все человеческое, как оно ни разнообразно, кроется и хранится в духе, который боится Бога и служит Богу» [Там же, 27].

П. Д. Юркевич, несомненно, христианский педагог и философ, однако он отдавал должное и достижениям в естественных науках, особенно в психологии и физиологии. Его педагогические идеи не были абстрактными; воспитательные и образовательные рекомендации двух его педагогических сочинений носили, как правило, утилитарный характер, да и само воспитание в его представлении — это действие практическое, «оно не только обучает воспитанника тому, каким он должен быть, но и делает его таким, оно есть сила, совершающая ломку, перестройку, образование и преобразование во внутренней жизни воспитанника» [Там же, 199]. Один из параграфов «Курса общей педагогики»

называется «Утилитаризм в педагогике» и рассматривает связь целей воспитания и нужды, испытываемой человеком.

Предприняв историко-педагогическое исследование, Юркевич пришел к выводу, что «педагогика, которая хотела бы вывести цели воспитания из теории нужд, должна бы помнить, что такая теория невозможна» [7, 32]. Человек свободен и деятелен, и поэтому он тотально не подчинен своей нужде, а встречает ее «искусной тактикой и мужеством противодействия, подключая к борьбе с ней силы разума, долга, нравственных начал. Для педагогики это значит, что прежде всего следует поднять человека на высоту, соответствующую его призванию, следует вочеловечить и воодушевить его, создать из него моральную силу добра и истины — тогда он, моральная личность, сами нужды и способы их удовлетворения обратит в поводы и средства к самовоспитанию и к самостоятельному преуспеванию в мудрости и добродетели» [Там же, 38].

Не удаляет Юркевич из воспитания и науку. В специальном параграфе «Воспитание как искусство, управляемое наукой» он подчеркивает, что «наука воспитания» покоится не только на «всеобщем и незабываемом предании», но и на данных науки, имеющих важное значение. Вот какими аргументами доказывает философ свое утверждение: «Божественное откровение ставит выше всех званий в человеческих обществах звание царя, священника и учителя, на каждое из этих званий возложена задача содействовать преуспеванию человечества во всех отношениях, хранить, возрождать и укреплять в человечестве все моральные идеи, все основы добра и совершенства, между тем как другие звания всегда возделывают моральную жизнь в одном каком-нибудь ограниченном круге ее проявления. Наука о воспитании развивает и оправдывает это понятие о величии признания воспитателя в человеческих обществах, она указывает на всестороннюю связь педагогического идеала со всеми идеалами человечества и предлагает истинные средства и условия, пользуясь которыми воспитатель достигает в обществе морального значения, соответствующего высокому идеалу его деятельности» [Там же, 41].

П. Д. Юркевич не забывает и такой существенной стороны бытия человека, как свобода. Человек должен быть свободным, его необходимо воспитывать свободным и способным к свободе. А это означает, по мнению философа, что и в этом случае необходимо воспитывать духовность. «Где дух, там и свобода. Этот исход детей Божиих из плена, это освобождение человека через развитие его Моральной сущности есть простейшая, главнейшая и всеобъемлющая цель педагогики» [Там же, 34].

Резюмируя свои размышления о целях воспитания, русский философ сводит вместе все его стороны и считает, что цель воспитания имеет четыре стороны и соответственно четыре ступени его восхождения. Воспитывать ребенка необходимо так, чтобы он смог извлечь из своих способностей наибольшую сумму удовольствий, свои способности сделать наиболее производительными и стать годным для общества человеком, сильным в мудрости и добродетели. Этим воспитываются четыре существенных стороны человека, полагает П. Д. Юркевич: «Первое правило полагает сущность человека в чувствительности, общей всем живым существам, второе считает его силой экономической,

третье — силой политической, только последнее — лицом, которому подобает внутреннее достоинство, так что моральная свобода — этот существеннейший признак Богоподобия — составляет центр человеческой личности» [7, 195].

Не забывает П. Д. Юркевич упомянуть об источниках педагогики как науки. Главным источником, как педагог антропологической ориентации, он считает «изучение человека, его сил и бедности, его идеалов и идолов — изучение, основанное на божественном откровении относительно человека исторического и на психологии относительно человека естественного» [Там же, 41]. Причем второе не менее значительно, чем первое. Если Божественное откровение указывает на «высшую правду» истинного положения человека в мире, созданного по образу Божию, то психология изучает «силы человека в их естественном развитии и созревании». Вторым источником педагогики является «педагогическая практика просвещенных народов», представившая «плоды различных направлений воспитания» [Там же, 42]. Наконец, третьим источником, по мнению П. Д. Юркевича, являются «ученые труды специалистов-педагогов», демонстрирующие все изменения педагогической теории от древности до настоящего времени.

Педагогические и философские труды П. Д. Юркевича оказали большое влияние на последующее развитие русской мысли, сделав его «одним из слишком ранних предтеч слишком медленной весны» русской философии [2, 178]. Его учеником был В. С. Соловьев, а философские идеи были развиты В. Д. Кудрявцевым и Е. Н. Трубецким. [1, 119–120]. Если же говорить непосредственно о педагогических идеях Юркевича, то, как пишет современная исследовательница, «высказанные П. Д. Юркевичем положения о логико-психологическом обосновании процессов обучения затрагивают существенно значимые проблемы, волнующие психологов и педагогов до сих пор. Им была сделана одна из первых в целом продуктивных попыток определить основные задачи воспитания и обучения, исходя из характерных особенностей психологии ребенка.

Он привлек внимание к обсуждению оптимального соотношения чувственного и рационального познания в процессе обучения... Он подчеркнул особое значение умственной активности и развития привычки к умственному труду как основы для становления личности» [3, 61]. Наконец, особая заслуга Юркевича — педагога и философа — состоит в определении целей и задач, объема и принципов христианской педагогики. Вся последующая отечественная педагогика, ориентированная на религиозные принципы обучения и воспитания, в той или иной степени повторяла идеи, высказанные П. Д. Юркевичем. В этом смысле у него было немало последователей, развивавших философию и педагогику сердца и духовности как в XIX, так и в XX в.

-
1. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1.
  2. Ливицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996.
  3. Никольская А. А. Психолого-педагогические взгляды П. Д. Юркевича // Педагогика. 1993. № 3.

4. *Ходзицкий А.* Памфил Данилович Юркевич // Вера и разум. 1914. № 24.
5. *Юркевич П. Д.* Курс общей педагогики. М., 1869.
6. *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М., 1990.
7. *Юркевич П. Д.* Чтения о воспитании. М., 1865.

Рукопись поступила в редакцию 23 сентября 2010 г.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 339.1 (470) + 338.1(470) + 338.48(470) + 379.85(470)

Е. П. Чилова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК МЕЖДУНАРОДНЫХ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматривается национальный рынок международных туристских услуг. В качестве примера детально анализируется туристский рынок Греции — его содержание, история развития с 50-х гг. XX в. и динамика роста в XXI в. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на развитие греческого туристского продукта на мировом рынке, и его конкурентоспособности на российском рынке.

Ключевые слова: международный туризм, глобализация мировой экономики, международные туристские услуги, национальный рынок международных туристских услуг, туристский продукт.

Двадцать первый век характеризуется ускорением глобализации мировой экономики. Всепоглощающий процесс унификации проявляется в различных сферах деятельности государств, во многих отраслях национальных экономик и ежегодно охватывает все большее количество стран. Развитие рынка международных туристских услуг как части общей сферы услуг является одним из наиболее интересных процессов в рамках глобализации.

Туризм как экономическое понятие начинает существовать лишь тогда, когда в Европе после Второй мировой войны появляется понятие «массовый туризм». По данным Всемирной туристской организации, начальные цифры мирового туризма в 1950 г. составили по прибытиям 25,3 млн человек, а поступления от туризма — 2,1 млрд долларов США [4]. В 2008 г. доход от международного туризма вырос до 944 млрд долларов США, количество международных прибытий составило 922 млн человек, а в 2010 г. ожидается 1 млрд 47 млн человек [Там же]. По доходности туризм занимает одно из лидирующих мест в мировой экономике.

Туристский рынок — это институт, который сводит вместе покупателей (предъявителей спроса) и продавцов (поставщиков) туристских услуг [1]. Участниками туристского рынка являются конечные потребители туристской услуги, а также многочисленные поставщики, туроператоры, туристские агентства, гостиничные предприятия, предприятия питания, транспортные компании и т. д.

Классификация туристского рынка возможна по нескольким критериям [Там же].

Один из главных признаков — *географический*. По этому признаку выделяются мировой, региональный рынки, рынок отдельной страны (национальный), района внутри страны, отдельного населенного пункта и т. д. Таким образом, мировой рынок туристских услуг представляет собой сложную совокупность национальных рынков. Национальные рынки туризма обладают как общими чертами, так и специфичными, обусловленными национально-историческими особенностями.

По признаку отношения к национальной территории ВТО выделяет рынок международного туризма (въездного, выездного) и внутреннего туризма. Национальный рынок туризма, направленный на развитие международного туризма, генерирует услуги, удовлетворяющие потребности иностранных туристов, т. е. производит *международные туристские услуги*.

Туристские услуги в совокупности с туристскими товарами формируют *туристский продукт* [2]. Туристский продукт может быть создан для потребления как на внутреннем рынке, так и на международном.

Возьмем в качестве примера национальный рынок международных туристских услуг Греции. Греция традиционно считается страной с хорошо развитым туристским продуктом, привлекающей туристов со всего мира: свыше 15 млн туристов посетили ее в 2008 г. [5], из них 349 тыс. — россияне [3]. Туристский продукт Греции, его позиции на российском рынке — наиболее актуальные вопросы российско-греческих взаимоотношений.

В Греции, стране с богатейшей историей и культурой, с немалым разнообразием достопримечательностей и жарким климатом, на первый взгляд развитие туризма было предопределено, но наличие историко-культурной базы и природных достопримечательностей не является достаточным для развития туризма. Неотъемлемой частью развития данной сферы является соответствующая инфраструктура — предприятия размещения, питания, транспорта и т. д. Особые требования предъявляются к качеству туристского продукта, особенно при позиционировании его на международном рынке.

Для развития туризма в XXI в. имеет большое значение информационно-кадровое обеспечение, важны также нюансы, касающиеся паспортно-визовых формальностей, языкового сопровождения туристов, компетенций персонала, обслуживающих туристов, и т. д.

Правительство Греции, следуя общеевропейским тенденциям 60-х гг. XX в., разрабатывало программы по созданию именно международного туристского продукта. В течение последующих 20 лет XX в. шла модификация туристского продукта Греции: усилилась специализация и диверсификация туристского предложения, увеличилась дифференциация спроса на греческий турпродукт, это

позволило повысить его конкурентоспособность на мировом рынке. В 1981 г. Греция вступает в Европейское экономическое сообщество, международное интеграционное объединение, что и определяет основной характер туристского продукта.

До сих пор основными поставщиками туристов являются европейские державы: Великобритания, Германия, Италия, Нидерланды, Франция. Туристские прибытия из этих стран за последние 10 лет занимают от 50 до 60 % в общем въездном туристском потоке [6]. Глобализация, повышение мобильности населения Земли, рост интереса к кросскультурным коммуникациям способствуют увеличению числа стран, заинтересованных в туристском продукте Греции, и значительно меняют структуру турпотока. Греция выходит на новые рынки, в связи с чем наблюдается снижение доли турпотока из Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов и Франции в общем объеме въездного турпотока. К одним из новых рынков освоения относится и российский рынок. Но для изучения греческого турпродукта на российском рынке вначале необходимо отследить общую динамику развития греческого турпродукта на международной арене.

Для оценки эффективности продвижения турпродукта необходимо изучить статистические данные. Статистика международного туризма включает в себя два компонента: статистику туристских потоков и информацию о доходах в сфере туризма. На рис. 1 можно отследить динамику международных прибытий в Грецию.

Рисунок 2 дублирует диаграмму, но для большей наглядности дан без учета Европейского региона, роль которого в потреблении греческого турпродукта велика.

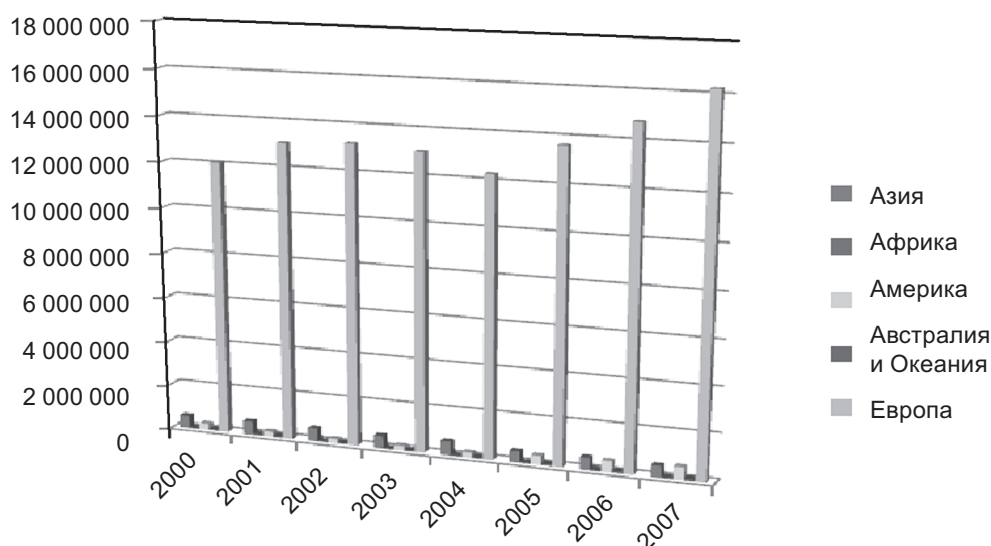

Рис. 1. Динамика международных прибытий в Грецию. Источник: [5]

Рассматривая динамику развития въездного турпотока в Грецию (см. рис. 1), можно выделить два основных периода: 2003–2004 гг. и 2009 г.

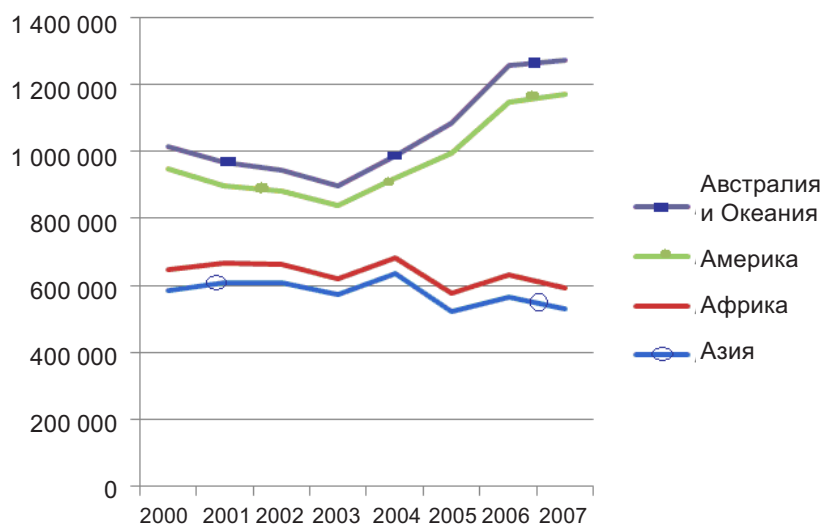

Рис 2. Динамика международных прибытий в Грецию (без учета Европейского региона). Источник: [5]

2003 г. характеризовался снижением туристских прибытий (13 072 924) по сравнению с предыдущим годом (13 236 510). Падение было незначительным, но тенденция снижения наблюдалась по всем регионам. Турпотоки из Африки, Австралии и Океании подверглись наибольшим изменениям в сторону понижения количества туристов, посетивших Грецию в 2003 г. Но самое рекордное падение было в следующем, 2004 г. — 13 312 692 въезда.

Если рассматривать данные по регионам, то наибольшему изменению в сторону понижения подвергся турпоток из Европы — 12 323 974 по сравнению с 2003 г. — 13 072 924; показатели по остальным регионам по сравнению с показателями 2003 г. выросли. Активный рост туризма в Греции в XXI в. начинается после 2004 г., его можно считать точкой отсчета для последующего развития этой сферы.

Международные события всегда оказывают большое влияние на развитие туризма (важно рассчитать положительный или отрицательный экономический эффект). XXVIII летние Олимпийские игры проходили в Афинах, но оказались убыточными. Изначальный бюджет Олимпиады — 3 млрд долларов США. Организаторы рассчитывали на окупаемость в 2/3, но в итоге суммы расходов возросла до 8 млрд долларов США, сумма убытка превысила 5 млрд долларов. Еще одна особенность данной Олимпиады — финансирование ее государством, что также отразилось на экономике. Но все же проведение Олимпийских игр — мощный стимул для развития региона, увеличения его финансирования, а также обновления и улучшения инфраструктуры.

Кумулятивный эффект от проведения Игр отразился и на туризме. Организация крупного международного события служит имиджевой рекламой страны, увеличивая ее привлекательность на международной арене. В 2004 г. внимание к Греции привлекли также футболисты, ставшие чемпионами Европы, и удачное выступление греческого исполнителя на конкурсе «Евровидение-2004». Сочетание всех факторов и привело к «взрыву» в сфере туризма: около 14,8 млн прибытий в 2005 г.; рост турпотока наблюдается по всем регионам. Прибытия из Австралии и Океании достигают отметки 89 тыс., это самый высокий показатель начиная с 2000 г.; американский турпоток вырос до 416 746 прибытий. Количество туристов из Америки продолжает расти.

К сожалению, использование различных источников при сборе статистических данных привело к неоднородности сведений. Так, официальные данные по прибытиям за 2008 г. отсутствуют, но аналитики отмечают рост турпотока в Грецию. Сравнительные данные за 2008 и 2009 гг. свидетельствуют о спаде туризма в 2009 г. В период с января по сентябрь 2008 г. туристских прибытий насчитывалось 13,6 млн, а за аналогичный период 2009-го лишь 12,7 млн. Учитывая сезонность туризма в Греции, мировой кризис мало повлиял на результаты 2008 г., но явно проявился в 2009-м. Последствия кризиса отразились как на статистике туристских прибытий, так и на показателях доходности туризма, что хорошо видно на рис. 3.

Греческий турпродукт на российском рынке появился относительно недавно, несмотря на многовековые отношения двух государств. Целенаправленный интерес к российскому рынку возник после распада СССР, когда началась активная эмиграция бывших ее граждан на территорию Греции. В стране увеличивается доля русскоязычного населения и соответственно появляется возможность обслуживать русскоязычных туристов.

По количественным показателям интерес к греческому направлению у российских туристов неуклонно растет. В 2004 г. Греция не входила в десятку популярных туристских направлений для российского туриста, занимая 14-е

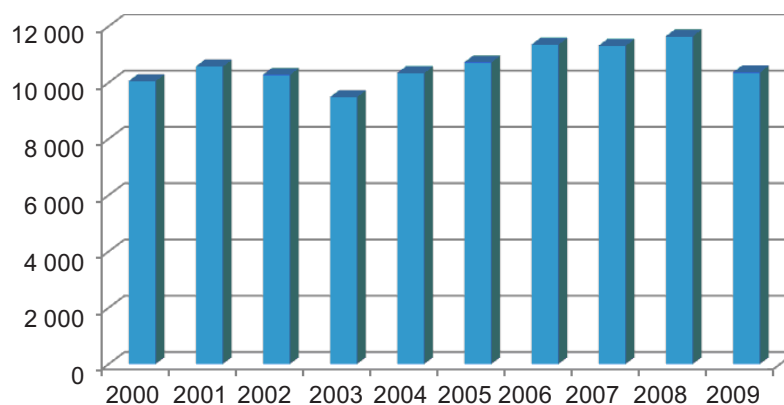

Рис. 3. Поступления от туризма (млн долларов США). Источник: [4, 5]

место в этом рейтинге. С 2004 г. ситуация начинает меняться, наблюдается ежегодный рост туристского потока из России, и к 2008 г. Греция, увеличив с 2007 г. на 43 % прием российских туристов, заняла 7-е место в рейтинге популярнейших туристских направлений для российского туриста.

Греческий туристский рынок заинтересован в российских туристах, поэтому создает для них широкий спектр туристских предложений: культурно-познавательные, образовательные, оздоровительные, спортивные, паломнические, конгресс-туры, шоп-туры, туры для детей. Кроме того, развитая туристская инфраструктура, упрощенные визовые правила, разработка программ устойчивого развития туризма, позволяющие сделать Грецию привлекательным туристским направлением круглый год, формируют конкурентоспособный туристский продукт для российского и мирового рынка международного туризма.

Анализируя развитие международного туризма в новом столетии, следует рассматривать его влияние на национальную экономику принимающей страны, обращая пристальное внимание на экономический и социальный эффект. Это одна из наиболее актуальных проблем, которая в эпоху глобализации заслуживает серьезного изучения.

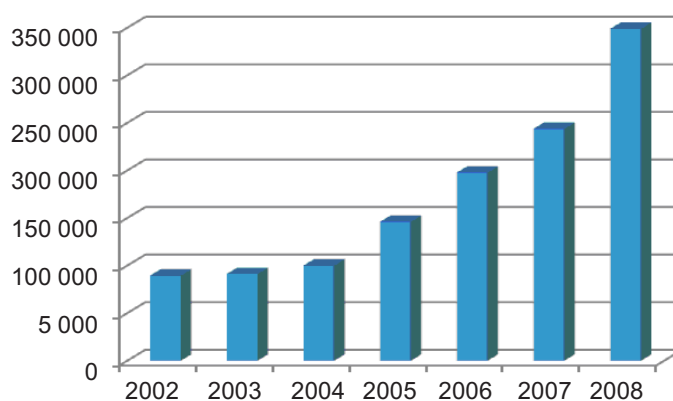

Рис. 4. Выезд российских граждан в Грецию с целью туризма, чел. Источник: [3]

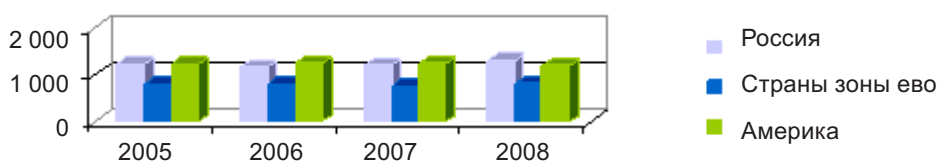

Рис. 5. Средняя стоимость поездки в Грецию, евро. Источник: [7]

1. *Александрова А. Ю.* Международный туризм М., 2010.
2. *Драчёва Е. Л.* Экономика и организация туризма: международный туризм. М., 2010.
3. Ежедневная электронная газета российского союза туриндустрии // Статистика. URL: <http://www.ratanews.ru/statistics/> (дата обращения: 21.03.2010).
4. World tourism organization (UNWTO) // Tourism Indicators [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unwto.org/facts/eng/indicators.htm> (дата обращения: 21.03.2010).
5. Ελληνική Στατιστική Αρχή // Τουρισμός. Статистическая служба Греции // Туризм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statistics.gr/portal/page/portal/ESYE> (дата обращения: 5.04.2010).
6. Ελληνικός Τουρισμός 2010 Стратегия по развитию туризма в Греции до 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: www.sete.gr/files/Media/Ebook/020626Ellinikos.Tourismos.2010.ppt (дата обращения: 7.04.2010).
7. Σύνδεσμος Ελληνικών Τουριστικών Επιχειρήσεων (ΥΕΦΕ) Союз греческих туристских предприятий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sete.gr> (дата обращения: 19.03.2010).

Рукопись поступила в редакцию 20 сентября 2010 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Уральского государственного университета. E-mail: sergvass2009@yandex.ru

ГОЛОВАНОВА Светлана Викторовна — декан факультета экономики Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (Нижегородский филиал), доцент кафедры экономической теории и эконометрики, кандидат экономических наук. E-mail: golov@sandy.ru

ГРИШАЕВА Екатерина Ивановна — аспирант кафедры религиоведения философского факультета Уральского государственного университета. E-mail: grisha-eva@list.ru

ЕВТЮХОВ Сергей Аркадьевич — доцент кафедры химии и процессов горения Уральского института Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат технических наук. E-mail: s.lukyanov@usu.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии философского факультета Уральского государственного университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: philosophy7@mail.ru

КИМ Валерий Семенович — профессор кафедры политологии факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета, доктор политических наук. E-mail: east@csu.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна — заведующая кафедрой теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета, профессор, доктор политических наук. E-mail: Komleva1@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Никита Всеволодович — доцент кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политологических наук. E-mail: nikita2554@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Павловна — проректор по внеучебной работе и социальным вопросам Омского государственного технического университета, заведующая кафедрой

государственного, муниципального управления и таможенного дела факультета экономики и управления, доктор экономических наук, профессор. E-mail: kuznetsova@omgtu.ru

ЛАМБЕРОВ Лев Дмитриевич — ассистент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Уральского государственного университета. E-mail: l.lamberov@gmail.com

ЛЕОНЕНКО Леонид Леонидович — доцент кафедры информационных технологий факультета информационных сетей Одесской национальной академии связи, кандидат философских наук. E-mail: Leonid.Leonenko@gmail.com

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор, доктор философских наук. E-mail: vlobovnikov@mail.ru

ЛУКЬЯНОВ Сергей Александрович — директор программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации экономического факультета Уральского государственного университета, доцент кафедры мировой экономики, доктор экономических наук. E-mail: s.lukyanov@usu.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

ПОРОДНОВ Александр Валерьевич — аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета Уральского государственного университета. E-mail: porodnov@gmail.com

ТУРЫГИНА Наталья Владиленовна — ассистент кафедры философии и культурологии Уральского государственного университета путей сообщения. E-mail: natalia.tourygina@gmail.com

ФАТКУЛИН Булат Гилимдарович — доцент кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук. E-mail: bfatkulin@gmail.com

ЧЕШНОКОВ Алексей Сергеевич — доцент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета, кандидат политических наук. E-mail: alexright@mail.ru

ЧИЛОВА Екатерина Платоновна — аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета Уральского государственного университета. E-mail: fekich@yandex.ru

ЮМАЕВ Егор Александрович — выпускник Омского государственного технического университета, специалист в сфере государственного и муниципального управления. E-mail: egorumaev@gambler.ru

ЯРОШЕВИЧ Наталья Юрьевна — доцент кафедры менеджмента факультета менеджмента Уральского гуманитарного института, кандидат экономических наук. E-mail: iarnat@mail.ru

SUMMARY

THEORY OF COGNITION AND LOGIC

Lamberov L. D. Reference, de re and explanation of actions 5

The paper is devoted to investigation of connection between the problem of reference (problem of substitutivity of names) and the problem of explaining of actions. Under explanation of actions the reference to de re beliefs of cognitive agent and a special «deductive» procedure are understood. The purpose of the paper is to demonstrate that the problem of reference is closely related with the problem of explanation of actions. In the paper an additional «prgmatic» restriction to substitutivity, which is considered as a solution to the problem of reference, is formulated.

K e y w o r d s: reference, action, modality, de dicto/de re, substitutivity.

Lobovikov V. O. Logical-philosophical substantiation of hypothesis about a formal-ethical inconsistency of the formal arithmetics, investigated by K. Gedel 14

The paper deals with a formal-ethical aspect of philosophy of mathematics. It submits results of investigation of relations between the formal-logical (semantic) non-contradiction and a formal-ethical contradiction (the formal-ethical one is defined precisely). The paper's scientific novelty is made up by proving the formal-ethical inconsistency of the formal arithmetic.

K e y w o r d s: formal-logical-(semantic); formal-ethical; inconsistency; completeness.

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Leonenko L. L. Analogies-Proportions in Logic and in Computer Science 29

I discuss problems of classification, formalization and conditions of increasing plausibility for inferences by analogy of «proportion» type. I argue that certain philosophical principles grounding the Language of Ternary Description (LTD) coordinate with requirements to analogies-proportions' models claimed in contemporary logic, cognitive psychology and computer science. I suggest the apparatus of Parametrical General Systems Theory as a promising instrument for analogies-proportions' modeling.

K e y w o r d s: analogy, proportion, isomorphism, calculi of individuals, general systems' theory.

SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Turygina N. V. The problem of universalism in feminist theory 40

The article is devoted to the problem of universalism within both second and third wave of feminism. The author analyzes certain theoretical approaches to the (female) subject which continue to provoke heated discussion about universalism. Some principal trends in the feminist discourse in the late 20th century are also stated in this article. Special attention is given to consideration of Benhabib's thought. Her conception dealing with re-negotiating ethics and politics of modernity/postmodernity is in the direction of an «interactive universalism».

K e y w o r d s: feminism, female subject, women's experience, postmodernism, difference, universalism, S. Benhabib, «interactive universalism».

PHILOSOPHY OF POLICY AND POLITICAL SCIENCE

Kuznetsova O. P., Umaev E. A. Public administration reform in France 48

On the example of the government of France, the foreign approach to the implementation of public administration reform and intermediate outcomes of its realization are considered. The peculiarities of public policy revision and shaping of future government authorities are presented. The results obtained can be used in federal executive authorities and federal subjects' executive authorities of the Russian Federation while correcting the programs and activities associated with the public administration reform.

Key words: France, public administration, modernization, reform.

Kim V. S., Komleva N. A. The main problems of Shanghai cooperation organization development nowadays 54

The article is devoted to the main problems of SCO development nowadays including such as the new membership complications & the contradictions between several states-members.

Key words: Shanghai cooperation organization, membership in organization, development contradictions

Fatkulin B. G. The prospects of the SCO activities in the south Caucasus and it's impact on the russian-iranian relations 59

The article is devoted to the latest trends in the development of Russian-Iranian relations in connection with the Tashkent SCO summit meeting decision to adopt new requirements for states wishing to become a permanent member of the SCO. The research covers a strategy aimed to tackle Iran's international isolation, Iran's policy to strengthen their positions in the South Caucasus, the bilateral relations between Iran and the South Caucasus states.

Key words: Iran, Russia, the SCO, the observer-country status in the SCO, China, Kazakhstan, Georgia, Armenia, Azerbaijan, Tashkent SCO summit, the international sanctions against Iran, geopolitics, transport corridors, the Caspian Sea, transportation routes.

Muhametov R. S. The contentious issues in Russia's relations with the Baltic states 64

The text is examined an unsolved problems in relations between Russia and the Baltic states. The author investigated the causes of discrimination of rights of the Russian-speaking population in Estonia, Latvia and Lithuania. Much attention are paid to the attempts to rewrite the history of World War II and diminish the Soviet role in the defeat of Nazi Germany. The author shared the idea that the issue of the Soviet Union's annexation of the Baltic states continues to be a source of contention between Russia and its EU Baltic neighbors. The author points out that the two Baltic States annually hold parades, demonstrations in honor former Nazi collaborators, Waffen-SS veterans and their supporters.

Key words: The rewriting the history of World War II, marches of Waffen SS veterans, the discrimination against national minorities, the conception of the Soviet Union's annexation of the Baltic states.

GEOPOLITICS

Komleva N. A. Ideological power: its essence, structure & actors 71

The article under review is devoted to phenomenon of the ideological power used as means of the geopolitical expansion in the ideological space. There is an analysis of essence and structure of the ideological power of a state and global corporations, being considered as a geopolitical actor of non-state nature, as well. It is underlined that the geopolitical power of states has been replaced by the global corporations considerably. The article forecasts the evolution of ideological power of global corporations.

Key words: power, the joint power of a geopolitical actor, the ideological power, state, global corporations.

Chesnokov A. S. Contemporary «Lingual» Geopolitics 84

The paper focuses on analysis of foreign policy of selected international organizations created by the states sharing common national or official language. Author discusses specific features of political regulation of transnational migration processes among member-countries of these organizations.

Key words: world politics, international organizations, state language, migrants, compatriots, la Francophonie, commonwealth of nations, comunidade dos Países de Língua Portuguesa, Nordic Council, Spain, Russia.

Vassiliev S. V. The paradigm of geo-civilization approach in the contemporary geopolitics... 91

The article deals with the specific post classic approaches in geopolitics of the second half of the XX century – XXI century in the framework of scientific program of civilization. The notion of civilization is being analyzed and the author tries to define the type of civilization and the code of civilization, as well. The researcher believes that the civilizations may not only confront but cooperate.

Key words: actors in the Contemporary World Politics, Great Limitrophe, civilizations, paradigm of civilization, type of civilization, code of civilization, intercourse of civilizations.

Muhametov R. S. The current state of relations between Russia and the European Union 97

The text deals with the current state of relations between Russia and the European Union. In the paper the main problems Russian-European relations are given. The author touched upon topical differences, including the Euro-Atlantic security architecture, the issues of transition to a visa-free regime, negotiations on the wording of a new partnership and cooperation agreement. Much attention is paid to Russia's military operation in Georgia and Russian-European relations.

Key words: Foreign policy of Russia, the European Union, the CIS and the Baltic states.

PHILOSOPHY OF ECONOMICS AND ECONOMIC SCIENCE

Evtukhov S. A., Lukyanov S. A. Competitiveness of the Russian markets in the conditions of globalization 104

On the basis of results of research of airlines of the Russian Federation, spent in the winter 2006–2008, in article are analyzed the basic barriers of entries to the market.

Key words: competition, barriers entries, market structures, globalization.

Golovanova S. V. International trade development in Russia in 1995–2008 112

The article is devoted to the analysis of trends in international trade development in Russia in the period following trade liberalization. Using statistical data analysis changes in scale and the structure of international trade since the first years of economic reforms in Russia are estimated.

Key words: international trade, export, import, Russia.

Porodnov A. V. Analysis of the state system of export financial support in Russia 123

Export promotion is one of the main goals of a national government. Foreign countries' experience indicates that the most effective mechanism of governmental support for national exporters in the establishment of so-called export agencies (or export-credit agencies) which insure, guarantee and credit export transactions. Despite significant amounts of money reserved for export promotion in the Federal Budget russian system of export support is inefficient. In the work we analyze main reasons for this, which are system incoherence, bureaucratic barriers and the absence of powerful export agency which could render national exporters a wide range of services from insurance to loans.

Key words: export-credit agency, export promotion.

Jaroshkevich N. Y. Search effective organization and management models modern air business 131

In the article the problem of search of effective model of management is lifted by the airports of Russia. On the basis of the big actual material foreign experience of management by the airports is analyzed and allocated following models: a state ownership and the state operation; a state ownership

and commercial operation; the regional property (subjects of Federation) both operation; a state ownership and private operation; a private property and private operation. Principles of efficiency of activity of the airports are advanced and recommendations about formation of effective model of management by the airports in Russia are made.

Key words: models of management of the airports, a state ownership, airport operation, principles of efficiency of the airport, air business.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Kuznetsov N. V. Myth as an object of study in cultural anthropology 138

Methodological research experience myth gained in the framework of modern Western anthropology, deserves serious attention. From the beginning, anthropology, defining its areas of competence within the boundaries of culture and life of the so-called «primitive» peoples, is strongly associated with the ideas of evolution. Follows immediately, preceding any general assessment of the methodological potential of anthropology, noted that the concept of myth and the idea of evolution are genetically incompatible with each other. Indeed, even if pay attention only to the external features of human perception of myth and mythological subjects, it should be obvious that the myth implies involution rather than evolution.

Key words: myth, mythology, cultural anthropology, evolution, europocentrism.

RELIGIOUS STUDIES

Grishaeva E. I. The concepts essence and hypostasis in papers of Vladimir Lossky and works of Cappadocian philosophers 149

This article presents the problem of different concepts correlation of essence (ουσία) and hypostasis (υπόστασις), in works of Cappadocian philosophers (Basil the Great, Gregory of Nazianzus and Gregory of Nyssa) and papers of Vladimir Lossky. The author gives definitions to concepts and compares ways of their use by the Cappadocian Fathers and Vladimir Lossky. On the basis of it, the author makes a conclusion of the degree of personality concept correlation to theological grounds the Eastern Christian tradition.

Key words: Basil the Great, essence, Gregory of Nazianzus, Gregory of Nyssa, hypostasis, Lossky Vladimir, personality.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Emeljanov B. V. Pamphilus Yurkevich: postulates pedagogical anthropology 159

In the article the P. D. Yurkevich's pedagogical anthropology is shown as expression of the Christian doctrine of heart. The philosopher differentiates upbringing and education, and connects them to the advances in psychology and physiology.

Key words: upbringing, gnosiology, virtue, soul, pedagogical anthropology, psychology, heart, happiness.

SCIENTIFIC REPORTS

Chilova E. P. National market for international tourist services and its value 168

The article discusses the national market for international travel services, and as an example of detailed analysis of the Greece tourist market, its content, the history of development from the 50's XX century, and growth dynamics in the xxi century. Particular attention is paid to factors that affect the development dynamics of international tourist flow in the Greek tourist market, and the competitiveness of Greek tourism product in the Russian market.

Key words: international tourism, globalization of the world economy, the national market of international tourism, tourist products, the international tourist flow.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011. № 1 (88)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 25.03.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 14,76. Усл.-печ. л. 14,95. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10 октября 2005 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по *философии, социологии, политологии, культурологии и экономике* Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415. Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://proceedings.usu.ru>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru) или лично автором (на CD-диске) представляются авторский текст (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией редакция сообщает об этом автору и пересылает автору, не состоящему в штате УрГУ, электронной почтой реквизиты УрГУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д. Плата с аспирантов очной формы обучения не взимается.

6. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

- в) заголовок статьи на русском языке;
- г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95);
- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
- е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- ж) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- з) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).
2. Оформление библиографического аппарата.
- Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:
- а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:
1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.
  2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>
  3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.
  - .....
  9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.
  10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.
  11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>
  - .....
  21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;
- б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:
- [1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;
- [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.
- Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;
- в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:
- [ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]
- [РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]
3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.
  4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Редакция журнала «Известия УрГУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Тел. для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	
На английском языке:	
Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	